ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ

о

ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

С. М. СОЛОВЬЕВА,

ИЗДАННЫЯ

ПО РАСПОРЯЖЕНІЮ ЮБИЛЕЙНОЙ КОММИССІИ МОСКОВСКОЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,

УПОЛНОМОЧЕННЫМЪ

ОТЪ КОМИТЕТА ВЫСТАВКИ

Генералъ-Маіоромъ

С. П. ДУРНОВО.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1872.

Библиотека "Руниверс"

ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ

О

ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

С. М. СОЛОВЬЕВА,

ИЗДАННЫЯ

ПО РАСПОРЯЖЕНІЮ ЮБИЛЕЙНОЙ КОММИССІИ МОСКОВСКОЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,

УПОЛНОМОЧЕННЫМЪ

ОТЪ КОМИТЕТА ВЫСТАВКИ

Генералъ-Маіоромъ

С. П. ДУРНОВО.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1872.

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

МM. ГГ.

Проходитъ 200 лѣтъ съ того дня, какъ родился великій человѣкъ. Отовсюду слышатся слова: надобно праздновать двухсотлѣтній юбилей великаго человѣка; это наша обязанность, священная, патріотическая обязанность, потому что этотъ великій человѣкъ нашъ, русскій человѣкъ. Наука, ученое общество при университетѣ хлопочетъ о воздвигнутіи памятника небывалаго, достойнаго дѣятельности великаго человѣка. Священная патріотическая обязанность! сильныя слова, способныя возбудить сильное чувство; но чѣмъ сильнѣ чувство, чѣмъ священнѣе предметъ, на который оно направлено, тѣмъ болѣе предосторожностей должно быть употреблено для его разумнаго направленія. Что праздновать и какъ — первый вопросъ, который здѣсь задаетъ человѣкъ способный разумно относиться къ каждому явленію, способный допрашивать это явленіе о его смыслѣ, а не подчиняться ему безотчетно. Такимъ образомъ первая обязанность общества образованнаго разъяснить для себя значеніе дѣятельности великаго человѣка, сознать свое отношеніе къ этой дѣятельности, къ ея результатамъ, узнать, во сколько эти результаты вошли въ нашу жизнь, что они произвели въ ней, какое ихъ значеніе для настоящаго, для будущаго: иначе праздникъ будетъ празднымъ. И мы собрались здѣсь наканунѣ праздника, чтобъ приготовиться къ нему; наканунѣ праздника усиливается работа для человѣка, который хочетъ свѣтло, достойно праздновать; во имя величайшаго изъ тружениковъ русской земли приглашаю васъ, господа, къ труду — обозрѣть трудъ его подумать надъ нимъ.

Двухсотлѣтній юбилей великаго человѣка—это значитъ, что мы обладаемъ матеріалами, средствами оцѣнивать его величіе, накопившимися въ продолженіи 200 лѣтъ. Каждое историческое явленіе объясняется рядомъ предшествовавшихъ явленій и потомъ всѣмъ послѣдующимъ. 200 лѣтъ думалъ русскій человѣкъ о Петрѣ, и, говоря это, мы не подвергаемся обвиненію въ большой неточности, потому что великій человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь, является въ исторіи очень рано, 10 лѣтъ и является на самомъ видномъ мѣстѣ, слѣдовательно вычетъ не великъ. 200 лѣтъ безъ чего-нибудь русскій человѣкъ думалъ о Петрѣ, думалъ постоянно: что же онъ надумалъ?

Думая о Петрѣ, думая о томъ, за что называютъ его великимъ человѣкомъ, разумѣется, русскій человѣкъ долженъ былъ думать и о томъ, что такое великій человѣкъ вообще. Бываютъ въ жизни народовъ времена, повидимому, относительно тихія, спокойныя: живется, какъ жилось издавна, и вдругъ обнаруживается необыкновенное движеніе, и дѣло не ограничивается движеніемъ внутри извѣстнаго народа, оно обхватываетъ и другіе народы, которые претерпѣваютъ на себѣ слѣдствія движенія извѣстнаго народа. Человѣка, начавшаго это движеніе, совершавшаго его, человѣка, по имени котораго знаютъ его народъ современники, по имени котораго

знаютъ его время потомки, — такого человѣка называютъ великимъ. Въ то время, когда народы живутъ въ первый возрастъ своего бытія, возрастъ юный, для большинства народнаго очень продолжительный, когда люди поддаются господству чувства и воображенія, тогда великіе люди являются существами сверхъестественными, полубогами. Понятно, что при такомъ представленіи великій человѣкъ является силою, не имѣющею никакого отношенія къ своему вѣку и своему народу, силою дѣйствующею съ полнымъ произволомъ, народъ относится къ ней совершенно страдательно, безсознательно, безусловно подчиняется ей, страдательно носитъ на себѣ всѣ слѣдствія ея дѣятельности, великому человѣку принадлежитъ починъ во всемъ, онъ создаетъ, творитъ все средствами своей сверхъестественной природы.

Христіанство и наука даютъ намъ возможность освободиться отъ такого представленія о великихъ людяхъ. Христіанство запрещаетъ намъ вѣрить въ боговъ и полубоговъ; наука указываетъ намъ, что народы живутъ, развиваются по извѣстнымъ законамъ, проходятъ извѣстные возрасты, какъ отдѣльные люди, какъ все живое, все органическое; что въ извѣстныя времена они требуютъ извѣстныхъ движеній, перемѣнъ, болѣе или менѣе сильныхъ, иногда отзывающихся болѣзненно на организмѣ смотря по ходу развитія, по причинамъ, коренящимся во всей предшествовавшей исторіи народа. При такихъ движеніяхъ и перемѣнахъ, при такомъ переходѣ народа отъ одного порядка жизни своей къ другому, изъ одного возраста въ другой, люди, одаренные наибольшими способностями, оказываютъ народу наибольшую помощь, наибольшую услугу: они яснѣе другихъ сознаютъ потребность времени, необходимость извѣстныхъ перемѣнъ, движенія, перехода, и силою своей воли, своей неутомимой дѣятельности побуждаютъ и влекутъ меньшую братію, тяжелое на подъемъ большинство, робкое передъ новымъ и труднымъ дѣломъ. Какъ люди, они должны и ошибаться въ своей дѣятельности, и ошибки эти тѣмъ виднѣе, чѣмъ виднѣе эта дѣятельность; иногда по силѣ природы своей и силѣ движенія, въ которомъ они участвуютъ на первомъ планѣ, они ведутъ движеніе за предѣлы, назначенные народною потребностію и народными средствами; это производитъ извѣстную неправильность, остановку въ движеніи, часто заставляетъ дѣлать шагъ назадъ, что мы называемъ реакціею; но эта неправильность временная, а заслуга вѣчная, и признательные народы величаютъ такихъ людей великими и благодѣтелями своими.

Такимъ образомъ великій человѣкъ является сыномъ своего времени, своего народа; онъ теряетъ свое сверхъестественное значеніе, его дѣятельность теряетъ характеръ случайности, произвола, онъ высоко поднимается, какъ представитель своего народа въ извѣстное время, носитель и выразитель народной мысли; дѣятельность его получаетъ великое значеніе, какъ удовлетворяющая сильной потребности народной, выводящая народъ на новую дорогу, необходимую для продолженія его исторической жизни. При такомъ взглядѣ на значеніе великаго человѣка и его дѣятельности высоко поднимается народъ: его жизнь, исторія является цѣльною, органическою, неподверженною произволу, капризу одного сильнаго средствами человѣка, который можетъ остановить извѣстный ходъ развитія и толкнуть народъ на другую дорогу, вопреки волѣ народной. Исторія народа становится достойною изученія, представляетъ уже не отрывочный рядъ біографій, занимательныхъ для воображенія людей, остановившихся на дѣтскомъ возрастѣ, но даетъ связное и стройное представленіе народной жизни, питающее мысль зрѣлаго человѣка, который углубляется въ исторію какъ науку народнаго самопознанія.

Въ двѣсти безъ чего-нибудь лѣтъ, пережитыхъ Россіею со дня рожденія Петра, русская мысль относилась различно къ этому великому человѣку и его дѣятельности. Различіе взглядовъ происходило вопервыхъ отъ громадности дѣла, совершеннаго Петромъ и продолжительности вліянія этого дѣла; чѣмъ значительнѣе какое-нибудь явленіе, тѣмъ болѣ разнорѣчивыхъ взглядовъ и мнѣній порождаетъ оно, и тѣмъ долѣе толкуютъ о немъ, чѣмъ долѣе ощущаютъ на себѣ его вліяніе; вовторыхъ, отъ того, что русская жизнь не остановилась послѣ Петра, и при каждой новой обстановкѣ ея мыслящій русскій человѣкъ долженъ былъ обращаться къ дѣятельности Петра, результаты которой оставались присущими при дальнѣйшемъ движеніи, и обсуждать ее, примѣнять къ новымъ условіямъ, новой обстановкѣ жизни; втретьихъ, разность взглядовъ на дѣятельность Петра зависѣла отъ незрѣлости у насъ исторической науки, отъ неустановленности основныхъ началъ при изученіи жизни народовъ: то примѣняли къ русской исторіи неподходящую мѣрку исторіи чужихъ народовъ, отъ чего происходили странные выводы, то, наоборотъ, изучали русскую исторію совершенно особнякомъ, не подозрѣвая, что при всемъ различіи своемъ, она подчиняется общимъ основнымъ законамъ, дѣйствующимъ въ жизни каждаго историческаго народа. Я говорю о разнорѣчіяхъ серіозныхъ, высказывавшихся людьми серіозными, людьми, честно относившимися къ вопросамъ настоящаго, и по ихъ связи съ прошедшимъ, затрогивавшими и послѣднее. Но нельзя не упомянуть о печальномъ явленіи, о выходкахъ противъ Петра, происходившихъ отъ дѣтской привычки увлекаться какимъ-нибудь движеніемъ до такой степени, что, не разбирая, начинаютъ считать враждебнымъ этому движенію то, что вовсе ему не враждебно, отъ дѣтской привычки говорить не подумавши, не изучивши, отъ дурнаго дѣтскаго поползновенія бросить въ кого-нибудь камнемъ, грязью, не посмотрѣвши внимательно, можно ли съ этимъ кѣмъ-нибудь такъ обращаться безнаказанно, т.-е. безъ умаленія собственнаго человѣческаго и народнаго достоинства.

Долго относились у насъ къ дѣлу Петра не исторически, какъ въ благоговѣйномъ уваженіи къ этому дѣлу, такъ и въ порицаніи его. Поэты позволяли себѣ воспѣвать: „Онъ богъ твой, богъ твой былъ, Россія.“ Но и въ рѣчи болѣе спокойной, не поэтической, подобный взглядъ господствовалъ; приведеніе Петромъ Россіи отъ небытія къ бытію было общеупотребительнымъ выраженіемъ. Я назвалъ такой взглядъ неисторическимъ, потому что здѣсь дѣятельность одного историческаго лица отрывалась отъ исторической дѣятельности цѣлаго народа; въ жизнь народа вводилась сверхъестественная сила, дѣйствовавшая по своему произволу, при чемъ народъ былъ осужденъ на совершенно страдательное отношеніе къ ней; многовѣковая жизнь и дѣятельность народа до Петра объявлялась не существующею; Россіи, народа русскаго не было до Петра, онъ сотворилъ Россію, онъ привелъ ее изъ небытія въ бытіе. Люди, которые обнаружили несочувствіе къ дѣлу Петра, вмѣсто противодѣйствія крайности приведеннаго взгляда, перегнули дугу въ противоположную сторону; крайности сошлись и опять надобно было проститься съ исторіею. Россія, по новому взгляду, не только не находилась въ небытіи до Петра, но наслаждалась бытіемъ правильнымъ и высокимъ, все было хорошо, нравственно, чисто и свято; но вотъ явился Петръ, который нарушилъ правильное теченіе русской жизни, уничтожилъ ея народный, свободный строй, попралъ народные нравы и обычаи, произвелъ рознь между высшими и низшими слоями народонаселенія, заразилъ общество иноземными обычаями, устроилъ государство по чуждому

образу и подобію, заставилъ русскихъ людей потерять сознаніе о своемъ, и своей народности. Опять божество, опять сверхъестественная сила, опять исчезаетъ исторія народа, развивающаяся сами изъ себя по извѣстнымъ законамъ, при вліяніи особенныхъ условій, которыя и отличаютъ жизнь одного народа отъ жизни другого.

Понятно, что оба взгляда, повидимому, противоположные, но въ сущности одинаково не историческіе, не могутъ держаться при возмужалости науки, когда болѣе внимательныя наблюденія надъ историческою жизнію народовъ должны были повести къ отрицанію такихъ сверхъестественныхъ явленій въ этой жизни, когда убѣдились, что всякое явленіе, какъ бы оно ни было громко, какъ бы ни измѣняло, повидимому, народный строй и образъ, есть необходимо результатъ предшествовавшаго развитія народной жизни. Дѣйствительно возьмемъ народъ, находящійся на первоначальной ступени развитія, какой-нибудь кочевой народъ въ Средней Азіи, какихъ-нибудь Монголовъ. Такіе народы, по простотѣ своего быта, особенно бываютъ подвержены сильному вліянію внѣшнихъ случайныхъ явленій, произволу отдѣльныхъ лицъ. Мы видимъ, что среди этихъ народовъ являются иногда владѣльцы, ханы, одаренные необыкновенною энергіею, честолюбіемъ, которые въ болѣе или менѣе продолжительное время успѣваютъ одолѣть, уничтожить другихъ хановъ, сплотить мелкія, до тѣхъ поръ раздѣленныя орды въ одну огромную массу и двинуть ее на опустошеніе, завоеваніе отдѣльныхъ странъ, въ слѣдствіе чего образуются обширныя владѣнія. Здѣсь дѣйствительно мы видимъ, что народы страдательно подчиняются вліянію своихъ великихъ людей, своихъ Чингисъ-хановъ и Тамерлановъ. О народѣ не слышно до появленія этого Чингисъ-хана или Тамерлена, онъ ничто для исторіи, находится въ небытіи; одною волею знаменитаго хана онъ приводится въ бытіе, дѣлается извѣстнымъ, сильнымъ, господствующимъ. Но и здѣсь мы видимъ, что эти великіе люди степей, Чингисъ-ханы и Тамарлины суть дѣти своего народа, не дѣлаютъ ничего, чтобы выходило изъ границъ его быта, его потребностей, не измѣняютъ ничего въ этомъ бытѣ. Народъ и до нихъ былъ хищный, и до нихъ обнаруживалъ свое существованіе чисто-физическими движеніями, грабежами, опустошеніями, только въ малыхъ размѣрахъ; благодаря способностямъ, сильной волѣ одного человѣка, они это дѣлаютъ теперь въ большихъ размѣрахъ, и въ этомъ заключается вся разница. Умираетъ великій человѣкъ и основанное имъ громадное владѣніе начинаетъ распадаться и народъ, всколыханный имъ приходитъ въ прежнее состояніе, къ прежнему историческому небытію. Что же дѣлаетъ здѣсь великій человѣкъ? только то, на что спссобенъ его народъ, на что даетъ ему средства; народъ можетъ внѣшнимъ механическимъ образомъ соединиться волею, силою одного лица; при отсутствіи этой воли и силы распадается: только-то мы и видимъ въ степной исторіи; внутреннихъ перемѣнъ, перемѣнъ въ бытѣ великій человѣкъ произвести не можетъ; еслибы захотѣлъ, то ничего бы не сдѣлалъ, погибъ въ безплодныхъ попыткахъ; но въ томъ-то и дѣло, что онъ и не хочетъ этого, не чувствуетъ и не сознаетъ потребности въ этомъ, ибо онъ сынъ своего народа, не можетъ чувствовать и сознавать того чего не чувствуетъ и не сознаетъ самъ народъ, къ чему не приготовленъ предшествовавшимъ развитіемъ, предшествовавшею исторіею. Великій человѣкъ даетъ свой трудъ, но величина, успѣхъ труда зависитъ отъ народнаго капитала, отъ того, что скопилъ народъ отъ своей предшествовавшей жизни, предшествовавшей работы; отъ соединенія труда и способ-

ностей знаменитыхъ дѣятелей съ этимъ народнымъ капиталомъ идетъ великое производство народной исторической жизни.

Но если произволъ одного лица, какъ бы сильно это лицо ни было, не можетъ перемѣнить теченіе народной жизни, выбить народъ изъ его колеи при самыхъ простыхъ, первоначальныхъ формахъ быта, не можетъ сдѣлать этого съ народомъ—младенцемъ, народомъ неисторическимъ, то тѣмъ менѣе это возможно въ народѣ, который уже прожилъ много вѣковъ историческою жизнію, который развилъ свои силы въ многотрудной дѣятельности внутренней, и какимъ былъ русскій народъ до Петра. Допустить въ великомъ движеніи этого народа перерывъ, уклоненіе, допустить въ перемѣнѣ извѣстныхъ бытовыхъ формъ измѣну началамъ народной жизни, и все это по волѣ одного человѣка, значитъ низвести великій, историческій народъ ниже кочевыхъ народовъ Средней Азіи. Наука не позволяетъ этого, господа! не спрашиваю, можетъ ли позволить это ваше чувство, вашъ патріотизмъ? Народъ, жившій долгою и славною историческою жизнію и чувствующій въ себѣ способность къ продолженію этой жизни, радуется великою радостію, вспоминая о великомъ человѣкѣ и его дѣлѣ, наполняется праведнымъ самодовольствомъ, ибо въ великомъ человѣкѣ видитъ „плоть отъ плоти своея и кость отъ костей своихъ.“ Народъ не отречется отъ своего великаго человѣка, ибо такое отреченіе для народа есть самоотреченіе.

Если великій человѣкъ есть сынъ своего времени и своего народа, если его дѣятельность есть результатъ всей предшествовавшей исторіи народа, если эта дѣятельность даетъ уразумѣвать прошедшее, а изученіе всего прошедшаго необходимо для ея уясненія, если великіе люди суть свѣтила, поставленные въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, чтобъ освѣщать народу историческій путь, имъ пройденный, уяснять связь, непрерывную, тѣсно сомкнутую цѣпь явленій, а не разрывать эту связь, не спутывать кольца цѣпи, не вносить смуту въ сознаніе народа о самомъ себѣ, — то изъ этого ясно, какъ трудна становится біографическая задача, задача изображенія дѣятельности одного историческаго лица. Успѣхъ выполненія этой задачи, удовлетворительное представленіе характера и дѣятельности великаго человѣка зависитъ отъ того, какъ ясно представляется для біографа цѣлостный образъ народа, возникшій передъ нимъ изъ внимательнаго разсмотрѣнія всего историческаго пути, совершеннаго народомъ. Отсюда понятно, почему у насъ такъ долго не было исторіи Петра Великаго, несмотря на попытки писать или заставлять писать эту исторію. Были похвальныя слова Петру, сборники матеріаловъ, расположенныхъ по годамъ и перемѣшанныхъ восторженными восклицаніями, были стихи въ честь ему и хульныя выходки въ стихахъ и прозѣ, но не было исторіи; нельзя было воздвигать зданія когда не было почвы для него; почва для исторіи великаго человѣка есть исторія народа.

Изъ сказаннаго ясно, что для уясненія значенія Петра В. мы должны обратиться къ предшествовавшей ему исторіи русскаго народа, допроситься у нея, что это былъ за переворотъ, съ которымъ мы привыкли соединять имя Петра, откуда произошелъ этотъ переворотъ, для чего понадобился. Для полученія удовлетворительнаго отвѣта не должно мудрствовать, надобно смотрѣть какъ можно проще. Все органическое подлежитъ развитію, подлежитъ ему отдѣльный человѣкъ, подлежатъ ему и живыя тѣла, составленныя изъ людей, народы: развитіе происходитъ болѣе или менѣе правильно, быстро или медленно, достигаетъ высокихъ степеней,

или останавливается на низшихъ — все это зависитъ отъ причинъ внутреннихъ, коренящихся въ самомъ организмѣ или отъ вліяній внѣшнихъ. Органическое тѣло, народъ ростетъ, ростетъ внутри себя, обнаруживая скрытыя въ немъ изначала условія здоровья или болѣзни, силы или слабости и въ то же время подчиняясь благопріятнымъ или неблагопріятнымъ внѣшнимъ условіямъ, изъ которыхъ главное какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для цѣлаго народа — это условіе живаго окруженія, общества, ибо могущественныя побужденія къ развитію и формы этого развитія даются обществомъ для отдѣльнаго человѣка, для народа — другими народами, съ которыми онъ находится въ постоянной связи, въ постоянномъ общеніи. Органическое тѣло, народное тѣло растетъ, значитъ проходитъ извѣстные возрасты, разнящіеся другъ отъ друга, легко отличаемые. Легко отличаются два возраста народной жизни: въ первомъ возрастѣ народъ живетъ преимущественно подъ вліяніемъ чувства; это время его юности, время сильныхъ страстей, сильнаго движенія, обыкновенно имѣющаго слѣдствіемъ зиждительность, творчество политическихъ формъ. Здѣсь, благодаря сильному огню, куются памятники народной жизни въ разныхъ ея сферахъ или закладываются основанія этихъ памятниковъ. Наступаетъ вторая половина народной жизни: народъ мужаетъ, и господствовавшее до сихъ поръ чувство уступаетъ мало-по-малу свое господство мысли. Сомнѣніе, стремленіе повѣрить то, во что прежде вѣрилось, задать вопросъ — разумно или неразумно существующее, потрясти, пошатать то, что считалось до сихъ поръ непоколебимымъ, знаменуетъ вступленіе народа во второй возрастъ или періодъ, періодъ господства мысли.

Историкъ не долженъ отдавать преимущества одному изъ этихъ возрастовъ передъ другимъ, пристрастно относиться къ тому или другому. О вкусахъ не спорятъ; пусть одинъ говоритъ, что ему нравится растеніе особенно тогда, когда оно одѣвается первою свѣжею зеленью, другой приходитъ въ восторгъ отъ цвѣтка; третій скажетъ: что́ цвѣтъ? поскорѣе бы онъ увядалъ, поскорѣе бы завязывался и созрѣвалъ плодъ! Но все это не научное дѣло. Историкъ знаетъ, что при этомъ движеніи, которое называется развитіемъ, съ пріобрѣтеніемъ или усиленіемъ одного начала, однихъ способностей утрачиваются или ослабляются другія. Человѣкъ возмужалъ, окрѣпъ, чрезъ упражненіе мысли, чрезъ науку и опытъ жизни пріобрѣлъ безспорныя преимущества, и между тѣмъ горько жалѣетъ о невозвратно минувшей юности, о ея порывахъ и страстяхъ, мудрецъ жалѣетъ о заблужденіяхъ: значитъ, въ этомъ пережитомъ возрастѣ было что-то очень хорошее, что утратилось при переходѣ въ другой возрастъ. Въ тотъ возрастъ народной жизни, когда господствуетъ чувство, возрастъ сильныхъ и страстныхъ движеній, возрастъ подвиговъ, народъ страстно относится къ предметамъ своихъ привязанностей, онъ сильно любитъ и сильно ненавидитъ, не давая себѣ отчета о причинахъ своей привязанности и вражды; стоитъ только сказать ему, что предметъ его привязанности въ опасности, стоитъ подняться священному для него знамени, онъ собирается несмотря на всѣ препятствія, онъ жертвуетъ всѣмъ, чувство даетъ ему силу, способность совершать громадныя работы, воздвигать зданія не матеріальныя только, но и политическія; сильныя государства, крѣпкія народности, твердыя конституціи выковываются въ этотъ возрастъ, въ этотъ періодъ господства чувства. Но этотъ же періодъ знаменуется явленіями вовсе непривлекательными: чувство несдерживается мыслію, знаніе слишкомъ слабо, суевѣріе и фанатизмъ ведутъ къ самымъ печальнымъ явленіямъ, не-

опредѣленность отношеній очищаетъ произволу, силѣ сильнаго обширное поле, и что кажется такъ прекрасно, такъ поэтично издали на картинѣ или на театральной сценѣ, то, приближенное къ нашимъ глазамъ научными средствами, изученное подробно, является въ отталкивающей обстановкѣ.

Но точно также одностороннe признавать за вторымъ періодомъ безусловное превосходство надъ первымъ. Періодъ господства мысли, который красится процвѣтаніемъ науки, просвѣщеніемъ, имѣетъ свои темныя стороны. Усиленная умственная дѣятельность можетъ скоро обнаружить свое разлагающее дѣйствіе и свою слабость въ дѣлѣ созиданія. Чувство считаетъ извѣстные предметы священными, неприкосновенными; оно разъ опредѣлило къ нимъ отношенія человѣка, общества, народа, и требуетъ постояннаго сохраненія этихъ отношеній. Мысль начинаетъ считать такія постоянныя отношенія суевѣріемъ, предразсудкомъ; она свободно относится ко всѣмъ предметамъ, одинаково все подчиняетъ себѣ, дѣлаетъ предметомъ изслѣдованія, допрашиваетъ каждое явленіе о причинѣ и правѣ его бытія, при чемъ необходимо ставитъ человѣка въ холодное отношеніе къ каждому явленію. Чувство, напримѣръ, опредѣляетъ отношеніе къ своему и чужому такимъ образомъ, что свое имѣетъ право на постоянное предпочтеніе предъ чужимъ; народы живущіе въ періодъ господства чувства, остаются вѣрны этому опредѣленію; нопостоянная вѣрность ему ведетъ къ неподвижности. Если народъ способенъ къ развитію, способенъ вступить во второй періодъ или второй возрастъ своей жизни, то движеніе обыкновенно начинается знакомствомъ съ чужимъ; мысль начинаетъ свободно относиться къ своему и чужому, отдавать преимущество жизни народовъ чужихъ, опередившихъ въ развитіи, находящихся уже во второмъ періодѣ. Выведши народъ въ широкую сферу наблюденій надъ множествомъ явленій въ разныхъ странахъ, у разныхъ народовъ, въ широкую сферу сравненій, соображеній и выводовъ, покинувъ вопросъ о своемъ и чужомъ, мысль стремится переставить отношенія на новыхъ общихъ началахъ; но ея опредѣленіе отношеній не имѣетъ уже той прочности, ибо каждое опредѣленіе подлежитъ, въ свою очеречь, критикѣ, подкапывается, является новое опредѣленіе, повидимому, болѣе разумное, но и то, въ свою очередь, подвергается той же участи. Старыя вѣрованія, старыя отношенія разрушены; въ новое, безпрестанно измѣняющееся, въ многоразличные, борющіеся другъ съ другомъ, противорѣчивые толки и системы вѣрить нельзя. Раздаются скорбные вопли: гдѣ же истина? что есть истина? Древо познанія не есть древо жизни! Червь сомнѣнія подтачиваетъ все! общество погибаетъ, потому что чувство изсякаетъ, не умѣряетъ мысли! Ставится страшный вопросъ: что выигралъ человѣкъ, перешедши изъ одной крайности въ другую, промѣнявши суевѣріе на невѣріе?

Таковы опасности, могущія грозить отдѣльнымъ людямъ и цѣлымъ народамъ при переходѣ изъ одного возраста въ другой. Заботливые и опытные отцы и матери хорошо знаютъ эти опасности. Сколько съ ихъ стороны безсонныхъ ночей и горячихъ слезныхъ молитвъ, чтобъ Богъ сохранилъ молодого человѣка отъ увлеченій того широкаго пути, на который онъ вступаетъ, чтобъ предавшись новому, не забылъ онъ всего стараго, не отрекся отъ тѣхъ началъ, на которыхъ былъ воспитанъ, не обратился къ нимъ съ враждой. Сколько примѣровъ, что не могши побѣдить страха предъ опасностями, грозящими молодому человѣку при переходѣ черезъ порогъ семьи, родители рѣшались отказать ему въ средствахъ высшаго образованія, не пуская въ высшее учебное заведеніе. Предосторожность напрасная! Ранѣе или позд-

нѣе человѣкъ долженъ исполнить законъ своего развитія, долженъ исполнить его и цѣлый народъ.

Намъ не нужно долго останавливаться на примѣрахъ, укажемъ только на самые знакомые и близкіе къ намъ, при чемъ окажутся и тѣ побужденія, тѣ средства, благодаря которымъ народъ переходитъ изъ одного возраста въ другой. Мы безпрестанно употребляемъ выраженіе: человѣкъ развитый и неразвитый, образованный и необразованный, и знаемъ, что средствомъ для пріобрѣтенія этой развитости прежде всего служитъ переходъ изъ узкаго замкнутаго круга, изъ узкаго замкнутаго общества въ болѣе широкій кругъ, въ болѣе многочисленное общество. Сельскій житель отличается меньшею развитостію, потому что живетъ въ тѣсномъ уединенномъ кругу, гдѣ видитъ все одни и тѣ же предметы и явленія, гдѣ господствуетъ простота быта, простота отношеній, и отсюда дѣтская простота взглядовъ на все окружающее, привычка останавливаться на внѣшности, не углубляться въ сущность явленій. Горожанинъ развитѣе сельскаго жителя потомучто кругъ, въ которомъ обращается горожанинъ, шире, общество людей многочисленнѣе; одиночество останавливаетъ развитіе, общеніе съ другими людьми, уясняя мысль, условливаетъ развитіе: но чтобъ плодотворно мѣняться мыслями, надобно о чемъ-нибудь думать, надобно, чтобъ мысль возбуждалась широтою круга и разнообразіемъ предметовъ; городъ даетъ именно эту широту и разнообразіе, и потому горожанинъ развитѣе сельчанина. Другое могущественное средство развитія даетъ школа, наука, посредствомъ которыхъ человѣку дѣлается доступенъ весь міръ, и не только настоящее этого міра, но и его прошедшее. Этими двумя средствами развивается каждый отдѣльный человѣкъ, ими развиваются и цѣлые народы. Народы, живущіе особнякомъ, не любящіе сближаться съ другими народами, жить съ ними общею жизнію, это народы наименѣе развитые, они живутъ, такъ сказать, еще въ сельскомъ, деревенскомъ быту. Самымъ сильнымъ развитіемъ отличаются народы, которые находятся другъ съ другомъ въ постоянномъ общеніи; таковы народы европейско-христіанскіе. Но понятно, что для плодотворности этого общенія необходимо, чтобъ народъ встрѣчался, сообщался съ такимъ другимъ народомъ или народами, съ которыми могла бы установиться мѣна мыслей, знанія, опытности, отъ которыхъ можно было бы что-нибудь занять, чему-нибудь научиться. Переходъ народа изъ одного возраста въ другой, т. е. сильное умственное движеніе въ немъ начинается, когда народъ встрѣчается съ другимъ народомъ болѣе развитымъ, образованнымъ, и если различіе въ степени развитія, въ степени образованности между ними очень сильно, то между ними естественно образуется отношеніе учителя къ ученику: законъ, котораго обойти нельзя. Такъ римляне, народъ, стремившійся къ завоеванію всего извѣстнаго тогда міра, встрѣтившись съ греками, народомъ, отжившимъ свой историческій вѣкъ, преклонились предъ ними, и отдали имъ себя въ науку, и чрезъ эту греческую науку перешли во второй возрастъ своего историческаго бытія. Но еще ближе къ намъ примѣръ народовъ нашихъ ровесниковъ, новыхъ европейско-христіанскихъ народовъ, народовъ Западной Европы. Они совершили свой переходъ изъ одного возраста въ другой въ XV и XVI вѣкахъ также посредствомъ науки, чужой науки, чрезъ открытіе и изученіе памятниковъ древней греко-римской мысли. По общему закону, они пошли въ науку къ Грекамъ и Римлянамъ, и ничего не хотѣли знать кромѣ Грековъ и Римлянъ. Въ ревностномъ служеніи своемъ новому началу, они отнеслись враждебно къ прожитому ими возрасту, къ своей древней исторіи, къ господствовавшему тамъ началу, къ чувству и послѣдствіямъ этого господ-

ства. Свою новую жизнь, красившуюся для нихъ развитіемъ мысли подъ вліяніемъ древней, чужой науки, они противопоставили своей прежней жизни, какъ бытіе не бытію. Отуманенные новыми могущественными вліяніями, относясь враждебно къ прожитому ими возрасту, они до того потеряли смыслъ къ явленіямъ этого возраста, что не видѣли въ немъ своей древней исторіи, результаты которой имѣли жить въ нихъ, въ ихъ новой исторіи, какъ бы они ни старались отчураться отъ нихъ именами Платоновъ, Аристотелей и Цицероновъ. Для нихъ древняя исторія была преимущественно исторія Грековъ и Римлянъ, къ которымъ, какъ своимъ учителямъ, духовнымъ отцамъ, возродившимъ ихъ къ новой жизни, они непосредственно примыкали свою новую исторію, а свою собственную древнюю исторію они вставили, какъ что-то странное, плохо понимаемое, междоумочное, ни то, ни се, среднее, откуда и названіе Средней Исторіи, исторіи среднихъ вѣковъ.

Такъ совершился переходъ изъ одного возраста въ другой, изъ древней исторіи въ новую, для народовъ Западной Европы, народовъ романскаго и германскаго племени. Но дошелъ чередъ и до насъ, народа Восточной Европы, народа славянскаго. Нашъ переходъ изъ древней исторіи въ новую, изъ возраста, въ которомъ господствуетъ чувство, въ возрастъ, когда господствуетъ мысль, совершился въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка. Относительно этого перехода мы видимъ разницу между нами и нашими европейскими собратіями, разницу на два вѣка.

Мы должны уяснить себѣ причины этого явленія, чтобъ понять условія, въ которыхъ совершился самый переходъ, или такъ называемое Преобразованіе; общій смыслъ его, надѣюсь, теперь совершенно ясенъ, ясна его необходимость для каждаго историческаго, развивающагося народа, его характеръ и независимость отъ произвола историческаго лица, которое можетъ быть виднымъ, главнымъ дѣятелемъ, но не творцемъ явленія, истекающаго изъ общихъ законовъ народной жизни. Въ такое отношеніе наука ставитъ народъ къ великому историческому дѣятелю. Только великій народъ способенъ имѣть великаго человѣка; сознавая значеніе дѣятельности великаго человѣка, мы сознаемъ значеніе народа. Великій человѣкъ своею дѣятельностію воздвигаетъ памятникъ своему народу; какой же народъ откажетъ въ памятникѣ своему великому человѣку?

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Въ прошедшій разъ я старался уяснить смыслъ такъ называемаго въ нашей исторіи петровскаго преобразованія: мы видѣли, что это было не иное что, какъ естественное и необходимое явленіе въ народной жизни, въ жизни историческаго, развивающагося народа, именно переходъ изъ одного возраста въ другой, изъ возраста, въ которомъ преобладаетъ чувство, въ возрастъ, въ которомъ господствуетъ мысль. Я указалъ на тождественное явленіе въ жизни западныхъ европейскихъ народовъ, которые совершили этотъ переходъ въ XV и XVI вѣкахъ; Россія совершила его двумя вѣками позже. Быть можетъ нѣкоторые ждали другаго выраженія, именно, что мы отстали отъ Западно-Европейскихъ народовъ на два вѣка; но это послѣднее выраженіе не можетъ быть употребляемо по своей неточности. Два живыхъ существа начали движеніе вмѣстѣ по одной дорогѣ, при

равныхъ условіяхъ, и одно очутилось назади, отстало: первая мысль здѣсь, что при равенствѣ внѣшнихъ условій, различіе необходимо заключается во внутреннихъ условіяхъ, въ томъ что отставшій слабѣе того, кто ушелъ впередъ. Но движеніе народовъ по историческому пути нельзя сравнивать вообще съ бѣганьемъ дѣтей въ запуски или конскими бѣгами, къ которымъ прилагается слово: отстать; въ историческомъ движеніи можетъ быть совершенно другое: здѣсь внутреннія силы, средства могутъ быть равныя или даже ихъ можетъ быть больше у того, кто движется медленнѣе, но внѣшнія условія разныя, и они-то заставляютъ двигаться медленнѣе, задерживаютъ, и потому надобно внимательно отличать отсталость, происходящую отъ внутренней слабости при равенствѣ внѣшнихъ условій, и задержку, происходящую отъ различія, неблагопріятности внѣшнихъ условій при равенствѣ внутреннихъ. Въ данномъ случаѣ мы должны именно употреблять второе выраженіе, ибо русскій народъ, какъ народъ славянскій, принадлежитъ къ тому же великому арійскому племени, племени—любимцу исторіи, какъ и другіе европейскіе народы, древніе и новые, и, подобно имъ, имѣетъ наслѣдственную способность къ сильному историческому развитію; одинаково у него съ новыми европейскими народами и другое могущественное внутреннее условіе, опредѣляющее его духовный образъ—христіанство; слѣдовательно внутреннія условія или средства равны, и внутренней слабости, и потому отсталости мы предполагать не можемъ; но когда обратимся къ условіямъ внѣшнимъ, то видимъ чрезвычайную разницу, бросающуюся въ глаза неблагопріятность условій на нашей сторонѣ, что вполнѣ объясняетъ задержку развитія.

Извѣстны выгодныя условія для историческаго развитія, которыя европейскіе народы находятъ въ географическихъ формахъ своей части свѣта: выгодныя для промышленнаго и торговаго развитія отношенія моря къ сушѣ; выгодное для быстроты историческаго развитія раздѣленіе на многія небольшія, хорошо защищенныя государственныя области, раздѣленіе, а неотчужденіе, производимое въ другихъ частяхъ свѣта степями и слишкомъ высокими горами, умѣренность климата и т. д. Но всѣ эти благопріятныя условія сосредоточены въ западной части Европы, а нѣтъ ихъ у насъ на восточной, представляющей громадную равнину, страдающую отсутствіемъ моря и близостію степей. Причины задержки развитія въ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ ясны слѣдовательно для насъ съ перваго взгляда. При первомъ же взглядѣ на карту насъ поражаетъ громадность русской государственной области; но обширность государственной области имѣетъ важное значеніе при извѣстныхъ условіяхъ, при единствѣ народонаселенія, при достаточномъ его количествѣ сравнительно съ обширностію и при образованности народа; понятно, что при равенствѣ этихъ условій изъ двухъ государствъ сильнѣе то, которое больше другаго; но при отсутствіи этихъ условій обширность государства не только не даетъ ему силы сравнительно съ небольшимъ государствомъ, обладеющимъ этими условіями, но и служитъ главнымъ препятствіемъ народному развитію. Въ исторіи нашего народа это тѣмъ болѣе чувствительно, что Россія родилась съ обширною государственною областію и съ ничтожнымъ относительно народонаселеніемъ. Понятно, что общая жизнь, общая дѣятельность въ народѣ можетъ быть только тогда сильна, когда народонаселеніе сосредоточено на такихъ пространствахъ, которыя не препятствуютъ частому сообщенію, когда существуетъ въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга много такихъ мѣстъ, гдѣ сосредо-

точивается большое народонаселеніе, мѣстъ, называемыхъ городами, въ которыхъ, какъ мы уже видѣли, развитіе происходитъ быстрѣе, чѣмъ среди сельскаго народонаселенія, живущаго небольшими группами на далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Россія и въ XVII вѣкѣ, передъ эпохою преобразованія, представляетъ намъ на огромномъ пространствѣ небольшое число городовъ съ поразительно ничтожнымъ количествомъ промышленнаго народонаселенія: эти города не иное что какъ большія огороженныя села, крѣпости, имѣющія болѣе военное значеніе, чѣмъ промышленное и торговое; они удалены другъ отъ друга обширностію разстояній и чрезвычайною трудностію сообщеній, особенно весною и осенью. Такимъ образомъ Россія въ своей древней исторіи представляла страну преимущественно сельскую, земледѣльческую, а такія страны необходимо бываютъ бѣдны и развиваются чрезвычайно медленно. Но подлѣ этого главнаго неблагопріятнаго условія видимъ еще другія: Россія есть громадное континентальное государство, не защищенное природными границами, открытое съ востока, юга и запада. Русское государство основалось въ той странѣ, которая до него не знала исторіи, въ странѣ, гдѣ господствовали дикія, кочевыя орды, въ странѣ, которая служила широкою открытою дорогою для бичей Божіихъ, для дикихъ народовъ Средней Азіи, стремившихся на опустошеніе Европы. Основанное въ такой странѣ, русское государство изначала осуждалось на постоянную черную работу, на постоянную тяжкую изнурительную борьбу съ жителями степей: вскорѣ послѣ основанія государства четвертый русскій князь, самый храбрый, погибаетъ отъ кочевыхъ хищниковъ, изъ черепа Святославова пьетъ вино печенѣжскій князь, и только въ концѣ XVII вѣка, въ концѣ нашей древней исторіи русское государство успѣло выговорить освобожденіе отъ посылки постоянныхъ обязательныхъ даровъ крымскому хану, т.-е. попросту дани. Но едва только Россія начала справляться съ Востокомъ, какъ на западѣ явились враги болѣе опасные по своимъ средствамъ. Наша многострадальная Москва, основанная въ срединѣ земли русской и собравшая землю, должна была защищать ее съ двухъ сторонъ, съ запада и востока, боронить отъ латинства и бесерменства, по старинному выраженію, и должна была принимать бѣды съ двухъ сторонъ: горѣла отъ Татарина, горѣла отъ Поляка. Такимъ образомъ бѣдный, разбросанный на огромныхъ пространствахъ народъ долженъ былъ постоянно съ неимовѣрнымъ трудомъ собирать свои силы, отдавать послѣднюю тяжело добытую копѣйку, чтобъ избавиться отъ враговъ, грозившихъ со всѣхъ сторонъ, чтобъ сохранить главное благо, народную независимость; бѣдная средствами сельская, земледѣльческая страна должна была постоянно содержать большое войско.

Кому неизвѣстно, что образованіе и содержаніе войска составляетъ важный, жизненный вопросъ для каждаго, а особенно континентальнаго государства. При самомъ зарожденіи государства этотъ вопросъ уже является съ своимъ важнымъ, опредѣляющимъ другія отношенія значеніемъ. Основывается ли государство, начинается ли историческая жизнь въ народѣ посредствомъ завоеванія или посредствомъ внутренняго движенія, все равно мы видимъ здѣсь раздѣленіе народа на двѣ части, вооруженную и невооруженную, и опредѣленіе отношеній между ними составляетъ одну изъ главныхъ заботъ народной жизни. Въ государствахъ первобытныхъ, сельскихъ, земледѣльческихъ, отношенія опредѣляются просто и тяжело для невооруженной части народонаселенія: оно должно непосредственно содер-

жать, кормить вооруженную часть; земля находится во владѣніи вооруженнаго класса и обрабатывается рабствующимъ, прикрѣпленнымъ къ землѣ сельскимъ народонаселеніемъ. При благопріятныхъ условіяхъ географическихъ и другихъ государство начинаетъ мало-по-малу терять земледѣльческій характеръ, начинается торговое и промышленное движеніе, деньги, недвижимая собственность начинаетъ получать все болѣе и болѣе значенія, городъ богатѣетъ, богатѣетъ вообще народъ, народонаселеніе увеличивается и естественно приготовляется переходъ отъ крѣпостнаго труда къ вольнонаемному. Въ то же время богатѣетъ и правительство, увеличиваются его средства, денежныя средства: прежде оно должно было довольствоваться помощію вооруженнаго сословія, бывшаго вмѣстѣ и высшимъ землевладѣльческимъ сословіемъ, которое затрудняло правительство извѣстными условіями, напримѣръ воинъ на западѣ имѣлъ право не оставаться въ походѣ долѣе извѣстнаго срока. Теперь у правительства есть деньги, есть средства нанять войско для достиженія своихъ цѣлей, и являются наемныя войска; наконецъ дальнѣйшее усиленіе финансовыхъ средствъ правительства даетъ ему возможность избѣгать невыгодъ и наемныхъ войскъ и завести свое постоянное войско, которое бы всегда находилось въ его распоряженіи, и которое бы народъ содержалъ, кормилъ не непосредственно своими трудами, но посредствомъ денегъ, уплачиваемыхъ правительству въ видѣ податей. Такимъ образомъ появленіе постояннаго войска есть ясный признакъ экономическаго переворота въ народной жизни, промышленнаго и торговаго развитія, появленія имущества движимаго, денегъ подлѣ недвижимаго, земли, признакъ, который естественно и необходимо совпадаетъ съ другимъ признакомъ, освобожденіемъ земледѣльческаго сословія, появленіемъ вольнонаемнаго труда вмѣсто обязательнаго, крѣпостнаго; городъ, разбогатѣвъ, освобождаетъ село, ибо въ организмѣ народномъ всѣ органы находятся въ тѣсной связи, усиленіе или упадокъ одного отзывается на усиленіи или упадкѣ другаго.

Такъ было на западѣ. Обратимся на востокъ. Законы развитія одни и тѣ же и здѣсь и тамъ, разница происходитъ отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ условій, ускоряющихъ или замедляющихъ развитіе. На востокѣ въ нашей Россіи мы имѣемъ дѣло съ государствомъ бѣднымъ, земледѣльческимъ, безъ развитія города, безъ сильнаго промышленнаго и торговаго движенія, государствомъ громаднымъ, но съ малымъ народонаселеніемъ, государствомъ, которое постоянно должно было вести тяжёлую борьбу съ сосѣдями, борьбу не наступательную, но оборонительную, при чемъ отстаивалось не матеріальное благосостояніе (не избалованы были имъ наши предки!), но независимость страны, свобода жителей, потому что какъ скоро не поспѣетъ русское войско выйти къ берегамъ Оки сторожить Татаръ, дастъ имъ гдѣ-нибудь прорваться, то восточные магометанскіе рынки наполняются русскими рабами. Государство бѣдное, мало населенное и должно содержать большое войско для защиты растянутыхъ на длиннѣйшемъ протяженіи и открытыхъ границъ. Понятно, что мы должны здѣсь встрѣтиться съ обычнымъ въ земледѣльческихъ государствахъ явленіемъ: вооруженное сословіе, войско непосредственно кормится на счетъ невооруженнаго. Бѣдное государство, но обязанное содержать большое войско, не имѣя денегъ, вслѣдствіе промышленной и торговой неразвитости, раздаетъ военнымъ служилымъ людямъ земли, но земля для землевладѣльца не имѣетъ значенія безъ земледѣльца, безъ работника, а его-то и не доста-

етъ; рабочія руки дороги, за нихъ идетъ борьба между землевладѣльцами, работниковъ переманимаютъ, землевладѣльцы, которые побогаче, вотчинники, монастыри большими выгодами переманиваютъ къ себѣ работниковъ отъ землевладѣльцевъ, которые побѣднѣе, отъ мелкихъ помѣщиковъ, которые не могутъ дать выгодныхъ условій, и бѣдный землевладѣлецъ, не имѣя работника, лишается возможности кормиться съ земли своей, лишается возможности служить, являться по первому требованію государства въ должномъ видѣ, на конѣ, съ извѣстнымъ числомъ людей и въ достаточномъ вооруженіи, коненъ, люденъ и оруженъ. Что тутъ дѣлать? Главная потребность государства имѣть на готовѣ войско, но воинъ отказывается служитъ, не выходитъ въ походъ, потому что ему нечѣмъ жить, нечѣмъ вооружиться, у него есть земля, но нѣтъ работниковъ. И вотъ единственнымъ средствомъ удовлетворенія этой главной потребности страны найдено прикрѣпленіе крестьянъ, чтобъ они не уходили съ земель бѣдныхъ помѣщиковъ, не переманивались богатыми, чтобъ служилый человѣкъ имѣлъ всегда работника на своей землѣ, всегда имѣлъ средство быть готовымъ къ выступленію въ походъ. Долго иностранцы, а за ними и русскіе, изумлялись и глумились надъ этимъ явленіемъ: какъ это случилось, что въ то самое время, какъ въ западной Европѣ крѣпостное право исчезало, въ Россіи оно вводилось? Теперь наука показываетъ намъ ясно, какъ это случилось: въ западной Европѣ, благодаря ея выгодному положенію, усилилась промышленная и торговая дѣятельность, односторонность въ экономической жизни, господство недвижимой собственности, земли исчезла, подлѣ нея явилась собственность движимая, деньги, увеличилось народонаселеніе, разбогатѣлъ городъ и освободилъ село; а на Востокѣ образовалось государство при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, съ громадною областью и малымъ народонаселеніемъ, нуждающееся въ большомъ войскѣ, заставляемое быть военнымъ, хотя вовсе не воинственное, вовсе безъ завоевательныхъ стремленій, имѣющее въ виду только постоянную защиту своей независимости и свободы своего народонаселенія, государство бѣдное, земледѣльческое, и какъ только отношенія въ немъ между частями народонаселенія начали опредѣляться по главнымъ потребностямъ народной и государственной жизни, то оно и представило извѣстное въ подобныхъ государствахъ явленіе: вооруженная часть народонаселенія кормится непосредственно насчетъ невооруженной, владѣетъ землею, на которой невооруженный человѣкъ является крѣпостнымъ работникомъ. И развѣ во всѣхъ государствахъ Европы крѣпостная зависимость сельскаго народонаселенія исчезла вдругъ и давно? въ государствахъ средней Европы она продолжалась до настоящаго вѣка, и причина тому заключалась въ медленности экономическаго развитія. Но для уясненія явленія посредствомъ сравненія намъ не нужно ограничиваться одною Европою; къ Европѣ примыкаетъ другая часть свѣта, открытая европейско-христіанскими народами, занятая ими, введенная въ слѣдствіе этого въ общую жизнь съ Европою, Америка. Въ XVI вѣкѣ эта страна представляла главныя экономическія условія одинакія съ Востокомъ Европы, съ Россіею: обширная страна, страшно нуждающаяся въ рабочихъ рукахъ, и что же дѣлаютъ въ ней эти западные Европейцы, такъ хвастающіе раннимъ освобожденіемъ у себя сельскаго народонаселенія? они организуютъ здѣсь рабство сельскаго народонаселенія въ самыхъ обширныхъ и отвратительныхъ размѣрахъ посредствомъ вывоза изъ Африки черныхъ невольниковъ, успокоивая свою цивилизованную совѣсть лукавымъ мудрствованіемъ, что Негры вовсе не такіе люди, какъ бѣлые, не отъ одного Адама произошли.

Прикрѣпленіе крестьянъ—это вопль отчаянія, испущенный государствомъ, находящимся въ безвыходномъ экономическомъ положеніи. Но дѣло не могло ограничиться однимъ прикрѣпленіемъ сельскаго народонаселенія къ обрабатываемой имъ землѣ: въ городахъ живутъ такъ называемые посадскіе, тяглые люди, промышленники, торговые люди; промышляютъ и торгуютъ они въ очень небольшихъ размѣрахъ, но платятъ подати, несутъ повинности въ очень большихъ размѣрахъ: государство постоянно и страшно нуждающееся въ деньгахъ, требуетъ отъ нихъ исправнаго платежа податей и въ то же время требуетъ отъ нихъ тяжкой и разорительной службы при собираніи этихъ доходовъ. А тутъ еще новая для нихъ тягость—воевода и приказный человѣкъ. Развитіе состоитъ въ раздѣленіи занятій; мы называемъ наиболѣе развитымъ то тѣло, которое имѣетъ наиболѣе отдѣльныхъ органовъ, служащихъ каждый извѣстному отправленію жизни и находящихся въ тѣсной другъ съ другомъ связи и зависимости. Мы называемъ и человѣческое общество наименѣе развитымъ, варварскимъ, гдѣ раздѣленіе занятій слабо, гдѣ каждый дѣлаетъ все для себя нужное, не имѣя нужды въ другихъ, не сообщается, не мѣняется съ ними, живетъ особнякомъ. Обществомъ развитымъ, цивилизованнымъ наоборотъ мы называемъ такое, гдѣ господствуетъ раздѣленіе занятій и потому господствуетъ и соединеніе силъ, общая жизнь, ибо всѣ находятся во взаимной связи и зависимости. Въ древней Россіи, принадлежавшей къ государствамъ первобытнымъ, неразвитымъ, мы не можемъ надѣяться встрѣтить значительное раздѣленіе занятій ни въ какихъ сферахъ. Въ такихъ государствахъ одинъ органъ обыкновенно служитъ нѣсколькимъ отправленіямъ, которыя, при дальнѣйшемъ развитіи, распредѣляются по отдѣльнымъ органамъ. Въ древней Россіи военный или ратный человѣкъ въ мирное время долженъ былъ занимать правительственныя должности, которыя, опять по той же неразвитости, соединялись съ судебными должностями. Въ финансовомъ отношеніи назначеніе на такія мѣста служило дополнительнымъ содержаніемъ къ помѣстью для служилаго или военнаго человѣка, и такъ какъ бѣдное государство не могло дать ему жалованья, то предоставляло ему содержаться доходами съ управляемой имъ мѣстности, кормиться на ея счетъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе указанной уже неразвитости земледѣльческаго государства, и городъ, подобно селу, долженъ былъ непосредственно содержать, кормить военнаго человѣка, который естественно и необходимо привыкалъ къ мысли, что онъ имѣетъ право непосредственнно кормиться на счетъ невооруженнаго человѣка, а тотъ имѣетъ обязанность непосредственно кормить его, непосредственно служить ему. Вслѣдствіе такого-то представленія и образуется бездна между двумя частями народонаселенія, вооруженнаго и невооруженнаго; одни считаютъ себя полными людьми, мужами, и всѣхъ другихъ называютъ неполными людьми, человѣчками, мужиками. Мужъ, пріѣзжая управлять мужиками, и смотря на эту должность какъ на дополнительное содержаніе, какъ на кормленіе, разумѣется, хотѣлъ кормиться какъ можно сытнѣе. Мужъ, воевода часто былъ безграмотный, не зналъ порядковъ управленія и суда, и при немъ являлся приказный человѣкъ, грамотный, умѣющій вести дѣла, и умѣющій кормиться. Тяжелое положеніе тяглаго человѣка, обремененнаго податями, увеличивалось еще такимъ отношеніемъ къ областнымъ правителямъ какъ кормленщикамъ, и часто тяглый человѣкъ бѣжалъ отъ невыносимой тягости, укрывался, вступалъ въ зависимость отъ частныхъ сильныхъ и богатыхъ людей, чтобъ найти въ ней льготу

и покровительство. Это последнее явленіе составляетъ также характеристическую черту первобытныхъ, неразвитыхъ государствъ, которыя не могутъ дать каждому подданному свободно и безопасно трудиться, государствъ, гдѣ правительственныя требованія находятся въ несоразмѣрности съ средствами подданныхъ удовлетворять имъ. Здѣсь естественное стремленіе бѣднаго, слабаго входить въ зависимость отъ богатаго, сильнаго, чтобъ найти у нихъ помощь и покровительство, найти защиту какъ отъ насилія другихъ сильныхъ, какой не можетъ дать государство еще слабое, такъ и отъ требованій самого государства. Извѣстно, что такъ называемая феодальная система на западѣ, господствовавшая въ то время, когда тамошнія государства находились въ первобытномъ, неразвитомъ состояніи, основывалась на этомъ стремленіи слабыхъ войти въ зависимость отъ ближайшихъ сильныхъ съ цѣлію найти въ нихъ защиту и покровительство.

Вотъ почему и въ древней Россіи мы видимъ сильное стремленіе добровольно входить въ частную зависимость. Человѣкъ отдавался или продавался добровольно въ холопы, давалъ на себя кабалу. Отпущеный на волю по завѣщанію умершаго господина, холопъ спѣшилъ закабалить себя наслѣднику покойнаго господина или другому кому-нибудь. Но кромѣ этого добровольнаго закабаливанія себя въ личное услуженіе, видимъ стремленіе людей имѣющихъ свое независимое хозяйство и промыслы закладываться за людей сильныхъ для пріобрѣтенія защиты и освобожденія отъ тяжкихъ государственныхъ повинностей, стремленіе, по тогдашнему выраженію, жить за чужимъ хребтомъ, быть въ захребетникахъ, въ сосѣдяхъ и подсосѣдникахъ. Государство, разумѣется, не можетъ равнодушно смотрѣть на всѣ эти явленія. Накопляется огромное количество жалобъ мелкихъ землевладѣльцевъ, что крестьяне бѣгутъ съ ихъ земель, и тѣмъ лишаютъ ихъ средствъ кормиться, слѣдовательно лишаютъ средствъ служить; несмотря на законъ о прикрѣпленіи крестьянъ, богатые и сильные землевладѣльцы продолжали переманивать крестьянъ у недостаточныхъ собратій своихъ, переманитъ и сейчасъ же отправитъ въ отдаленную вотчину, гдѣ прежній господинъ его не сыщетъ. Пустѣютъ цѣлыя волости отъ тяжкихъ податей и воеводскихъ притѣсненій; бѣгутъ или закладываются посадскіе люди; но уходъ крестьянина отъ помѣщика лишаетъ государство возможности имѣть въ сборѣ достаточное число войска; уходъ, укрывательство, закладничество тяглаго человѣка лишаетъ бѣдное государство послѣднихъ финансовыхъ средствъ, и вотъ одною изъ главныхъ постоянныхъ заботъ государства становится ловля человѣка. Помѣщикъ жалуется, что ушелъ работникъ, земля пуста, дохода не даетъ, а нанять работника нечѣмъ, да и некого; посадскіе люди жалуются, что товарищи ихъ ушли, или заложилась за бояръ, за монастыри, тягла не тянутъ, вся тяжесть обрушивается на оставшихся, которымъ, разумѣется, нельзя справиться и приходится самимъ брести розно, и государство должно удовлетворять всѣмъ этимъ жалобамъ, должно ловить работника, тяглаго человѣка, усаживать на одно постоянное мѣсто, стеречь чтобъ не ушелъ; государство изъ финансовыхъ видовъ должно вооружиться противъ закладничества, должно освобождать людей отъ частной зависимости, освобождать силою, противъ ихъ воли, и освобожденные составляютъ заговоръ, чтобы произвести кровавый бунтъ противъ освободившаго ихъ правительства, зачѣмъ освободило. Вотъ явленіе, которое заставляетъ насъ быть очень осторожными и не судить по настоящему о прошедшемъ. Понятно, что мѣры государства относительно ловли и усаживанія людей не могли быть очень дѣйстви-

тельны. Уйти и скрыться въ громадной, малонаселенной странѣ было легко; открытость границъ, условіе столь затруднительное относительно государственной обороны, облегчавшее врагамъ доступъ въ Россію, облегчало и русскому народонаселенію возможность выхода, возможность разбрасываться все болѣе и болѣе на неизмѣримыхъ пространствахъ, пустыхъ или почти пустыхъ по ничтожности ихъ туземнаго народонаселенія. Понятно, что такая колонизація, такое постоянное расширеніе государственной области, не имѣющей изначала рѣзко очерченныхъ границъ, расширеніе, которое безпрепятственно шло чрезъ пустыни Сѣверной Азіи и могло остановиться только на берегахъ Восточнаго Океана, такое постоянное расширеніе государственной области и безъ того громадной, такой отплывъ народонаселенія и безъ того незначительнаго, только усиливало затрудненія государства въ его отправленіяхъ. Къ тому же подлѣ выселенія людей съ земскимъ характеромъ, людей переносившихъ на новыя мѣста свой трудъ, мы видимъ выходъ людей съ другимъ характеромъ, людей, которые ушедши отъ тяжкаго труда, отъ надзора правительственнаго и общественнаго, начинаютъ заниматься дурнымъ промысломъ, жить на чужой счетъ; въ густыхъ лѣсахъ малонаселенной страны такъ легко было образовываться и укрываться отъ преслѣдованій разбойничьимъ шайкамъ, отъ которыхъ мирное сельское народонаселеніе терпѣло болѣе, чѣмъ отъ внѣшнихъ враговъ; отъ послѣднихъ терпѣли окраины, разбойники свирѣпствовали повсюду. Но не одинъ лѣсъ служилъ убѣжищемъ для людей, которые хотѣли жить на чужой счетъ, на счетъ трудящихся въ потѣ лица братій: широкія степи, съ которыми граничила древняя Россія на югѣ и юго-востокѣ, переставши быть привольемъ хищныхъ, кочевыхъ ордъ, стали привольемъ козаковъ, людей не хотѣвшихъ въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ свой, людей, которымъ, по ихъ природѣ, по обилію физическихъ силъ, было тѣсно на городской и сельской улицѣ, которые, по старинному представленію, не могли пройтись по ней, чтобъ не задѣть другаго, не сшибить его съ ногъ, на что, разумѣется, эти задавленые и сшибаемые съ ногъ не могли смотрѣть равнодушно и быть благодарными: по этому люди, чувствовавшіе такую тѣсноту въ обществѣ и не желавшіе работать, спѣшили на просторъ, въ широкую степь, гдѣ могли гулять, живя на чужой счетъ, т.-е. грабя своихъ и чужихъ. Такъ образовалась противоположность между земскимъ человѣкомъ который трудился, и козакомъ, который гулялъ, противоположность, которая необходимо должна была вызвать столкновеніе, борьбу; эта борьба разыгралась въ высшей степени въ началѣ XVII вѣка, въ такъ называемое смутное время, когда козаки изъ степей своихъ подъ знаменами самозванцевъ явились въ государственной области и страшно опустошили ее, явились для земскихъ людей свирѣпѣе Поляковъ и Нѣмцевъ (грубнѣе Литвы и Нѣмецъ, по выраженію лѣтописца). Понятно, что это опустошеніе не могло улучшить экономическаго положенія страны, которое въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду терпѣло отъ разбоя производившагося въ самыхъ ужасающихъ размѣрахъ, съ неслыханною ненавистію къ мирному труду, къ гражданину-труженику, къ земскому человѣку.

Въ послѣднее время, когда русская мысль, недостаточно установленная правильнымъ научнымъ трудомъ, произвела нѣсколько странныхъ явленій въ нашей литтературѣ, въ нѣкоторыхъ такъ называемыхъ историческихъ сочиненіяхъ высказалось стремленіе выставить этихъ героевъ лѣса и степи, разбойниковъ и козаковъ съ выгодной стороны, выставить ихъ народными героями, въ ихъ дѣятельности

видѣть протестъ во имя народа противъ тягостей и неправды тогдашняго строя государственной жизни. Протестъ! мы привыкли къ этому слову, оно легко для насъ, какъ легко самое дѣло. Но въ сущности это дѣло не такъ легко, а потому и слово не должно употреблять легкомысленно; въ сущности въ самой тѣсной связи съ нимъ находятся слова: подвигъ, пророчество, мученичество, и конечно это слово вовсе нейдетъ къ людямъ, которые покидали своихъ собратій въ ихъ подвигѣ, въ ихъ тяжеломъ трудѣ, и уходили, чтобъ гулять и жить на чужой счетъ, на счетъ тяжкаго труда своихъ собратій. Хорошъ протестъ во имя народа, во имя народныхъ интересовъ, протестъ, состоящій въ томъ, чтобъ мѣшать народному труду, мѣшать труженикамъ трудиться и посредствомъ труда улучшать свое положеніе! Хорошъ протестъ противъ неправды подъ знаменемъ лжи, подъ знаменемъ самозванства! Нѣтъ, все наше сочувствіе принадлежитъ не тѣмъ, которые ушли, но тѣмъ, которые остались; все наше сочувствіе принадлежитъ тѣмъ земскимъ русскимъ людямъ, которые разработали нашу землю своимъ трудомъ великимъ, подвигомъ необычайнымъ, потому что были поставлены въ самыя неблагопріятныя обстоятельства, должны были преодолѣвать страшныя трудности, должны были бороться съ природою-мачихою, при ничтожныхъ средствахъ защищать обширную страну отъ враговъ, нападавшихъ на нее со всѣхъ сторонъ, и несмотря на всѣ препятствія, создали крѣпкую народность, крѣпкое государство. Все наше сочувствіе принадлежитъ этимъ людямъ, которые въ продолженіе столькихъ вѣковъ работали самую черную работу, и посмѣемъ ли мы задать имъ дѣтскій и дерзкой вопросъ: зачѣмъ они при этой черной работѣ не носили свѣтлаго, богатаго платья? Наше сочувствіе принадлежитъ не тѣмъ, которые, какъ бичи Божіи, приходили изъ степей, чтобъ вносить смуту и опустошенія въ родную землю, которые умѣли только разрушать, и не умѣли ничего создать: наше сочувствіе принадлежитъ тѣмъ, которые своимъ честнымъ, гражданскимъ трудомъ созидали, охраняли и спасали; тѣмъ, которые въ восточной, московской Россіи, несмотря на разбросанность свою по обширнымъ, мало проходимымъ пространствамъ, умѣли собраться и стать какъ одинъ человѣкъ когда бѣда начала грозить родной странѣ, которые совершили не одинъ физическій подвигъ, но умѣли очиститься нравственно, избавиться отъ привычки нравственнаго обособленія, отъ привычки нравственнаго колебанія, шатанія, какъ они выражались; наше сочувствіе принадлежитъ тѣмъ, которые въ западной Россіи, почуя ту же бѣду, нехитрыми средствами приходскаго складчиннаго пира умѣли создать крѣпкія общества, въ короткое время создать школу, науку, литературу, всѣ нравственныя средства къ борьбѣ съ врагомъ сильнымъ для спасенія своей народности. Наше сочувствіе принадлежитъ тѣмъ, которые великимъ трудомъ развили свои нравственныя силы, окруженные варварами сохранили свой европейско-христіанскій образъ и стали способны подъ предводительствомъ величайшаго изъ тружениковъ приступить къ новому великому труду, труду созиданія новой Россіи. Этимъ людямъ принадлежитъ все наше сочувствіе, наша память, наша исторія. Прошедшее, настоящее и будущее принадлежитъ не тѣмъ, которые уходятъ, но тѣмъ, которые остаются, остаются на своей землѣ, при своихъ братьяхъ, подъ своимъ народнымъ знаменемъ.

ЧТЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Изъ предложеннаго очерка экономическаго быта древней Россіи легко догадаться, съ чего должно было начаться движеніе при переходѣ изъ одного возраста народной жизни въ другой. Прежде всего должно было пробудиться сознаніе о недостаткахъ этого быта, о ихъ вредныхъ слѣдствіяхъ въ дѣлѣ народной безопасности, народной силы, народной чести. Какимъ же способомъ могло пробудиться это сознаніе? Тѣмъ же, какимъ оно пробуждается и въ отдѣльномъ человѣкѣ, способомъ сравненія и противоположенія; а способъ этотъ, разумѣется, усиливается въ слѣдствіе выхода въ болѣе широкую сферу, въ слѣдствіе пріобрѣтенія большаго количества предметовъ, явленій для сравненія и противоположенія. Долгое время все вниманіе русскаго человѣка было обращено на Востокъ, къ міру степныхъ, хищныхъ варваровъ, народовъ кочевыхъ, не христіанскихъ, стоявшихъ на низшей ступени развитія, чѣмъ народъ русскій. Русской человѣкъ сознаъ свое рѣзкое различіе отъ этихъ народовъ и, находясь въ томъ возрастѣ, когда преобладаетъ чувство, сознаъ свое рѣзкое различіе отъ степнаго варвара въ религіи; не русскій и татаринъ, но христіанинъ и бусурманинъ или поганый, вотъ какія представленія были напереди; здѣсь прошла рѣзкая нравственная граница между русскою народностію и азіатскимъ міромъ. Но на западѣ другіе сосѣди, народы съ другимъ характеромъ. И здѣсь прежде всего было подмѣчено и стало на первомъ планѣ религіозное, т. е вѣроисповѣдное различіе, православный христіанинъ или просто христіанинъ, христіанинъ по преимуществу, и Латынецъ (римлянинъ), Луторъ, Кельвинъ: и здѣсь на западѣ, вѣроисповѣдное различіе провело рѣзкую нравственную границу русской народности, вотъ почему и говоримъ мы, что православіе легло въ основу русской народности, охранило ея духовную и политическую самостоятельность: подъ его знаменемъ поднялась и собралась восточная Россія, чтобъ не пустить на московскій престолъ латынца, польскаго короля или сына его; подъ его знаменемъ отстаивала свою народную самостоятельность западная Россія въ борьбѣ съ Польшею. Мы говорили, что Россія дурно защищена природою, открыта съ востока, юга и запада, легко доступна вражьимъ нападеніямъ; но отсутствіе рѣзкихъ физическихъ границъ замѣнено было для русскаго народа духовными границами, религіознымъ различіемъ на востокѣ и югѣ, вѣроисповѣднымъ на западѣ; въ этихъ-то границахъ крѣпко держалась русская народность и сохранила свою особность и самостоятельность. Затѣмъ русскій человѣкъ, разумѣется, обратилъ вниманіе и на другія черты сходства и различія между своими сосѣдями, между народами, съ которыми имѣлъ дѣло, и по этимъ чертамъ также началъ опредѣлять свои отношенія къ нимъ; онъ замѣтилъ, напримѣръ, племенное сходство и различіе, и поставилъ Поляковъ — Литву особо, Нѣмцевъ, т. е. всѣхъ западно-европейскихъ народовъ не славянскаго происхожденія особо. Замѣтилъ и рѣзкое различіе между восточнымъ и западнымъ человѣкомъ, азіатскимъ и западно-европейскимъ, грубость перваго, умѣлость, образованіе втораго. Особенно поразило русскаго человѣка, въ противоположность съ его собственною бѣдностію, богатство заморскаго Нѣмца, Англичанина, Голландца, Гамбурца, Любчанина, богатство и искусство (досужество): заморскій Нѣмецъ привозитъ товары

необходимые, но которыхъ русскій человѣкъ не умѣетъ дѣлать, у заморскихъ Нѣмцевъ много денегъ и кромѣ того они умѣютъ вести свои дѣла, умѣютъ вести ихъ сообща, умѣютъ сговориться и поставить на своемъ, тогда какъ русскіе люди торгуютъ каждый отдѣльно, не умѣютъ сговариваться, помогать другъ другу и потому всегда въ проигрышѣ предъ Нѣмцами, не могутъ съ ними стянуть, какъ они сами выражались. Нѣмцы привозятъ товары дорогіе, которые въ ихъ землѣ не родятся, родятся далеко за океаномъ; но Нѣмцы на корабляхъ своихъ плаваютъ по всѣмъ морямъ, пристаютъ ко всѣмъ землямъ, покупаютъ дешево, продаютъ дорого, и наживаютъ великіе барыши. Русскій человѣкъ присматривается къ Нѣмцамъ, которые изъ нихъ богаче, которые искуснѣе и видитъ, что богаче, искуснѣе Нѣмцы поморскіе, тѣ, у которыхъ больше кораблей, тѣ, которые плаваютъ и торгуютъ по всѣмъ морямъ. Отсюда для русскаго человѣка представленіе моря, какъ силы, которая даетъ богатство, отсюда страстное желаніе, стремленіе къ морю, чтобъ посредствамъ него стать такимъ же богатымъ и умѣлымъ народомъ, какъ народы поморскіе. Такимъ образомъ богатство и умѣлость заморскихъ иностранцевъ, противопоставленные собственной бѣдности и неразвитости, пробудили въ сильномъ историческомъ, т. е. способномъ къ развитію народѣ стремленіе выйти изъ своего затруднительнаго, печальнаго положенія, умѣрить односторонность земледѣльческаго быта промышленнымъ и торговымъ развитіемъ, средствами указанными, дѣйствительность которыхъ очевидна; отсюда движеніе отъ востока къ западу, отъ Азіи къ Европѣ, отъ степи къ морю. И это движеніе началось сейчасъ же какъ только восточные варвары ослабѣли, русскіе осилили ихъ, могли вздохнуть поспокойнѣе, оглядѣться и замѣтить сказанное различіе между собою и поморскими народами, ибо великій историческій народъ пребывать въ застоѣ не можетъ, а если древняя Россія намъ представляется въ застоѣ, то это застой относительный, это только медленность движенія въ извѣстныхъ сферахъ въ слѣдствіе могущественныхъ препятствій, встрѣчаемыхъ народомъ. Какъ только татарскіе ханы перестаютъ подходить къ Москвѣ и брать въ плѣнъ ея князей, сынъ того князя, который былъ плѣнникомъ въ Казани, Іоаннъ III уже заводитъ сношенія съ западной Европой и вызываетъ тамошнихъ художниковъ чтобъ строить церкви, дворцы и башни въ своемъ Кремлѣ. Внукъ его Іоаннъ IV какъ только угомонилъ восточныхъ татаръ взятіемъ Казани и Астрахани, такъ сейчасъ же обращаетъ все свое вниманіе на западъ, хочетъ непремѣнно добиться до завѣтнаго моря. Оттолкнутый отъ него соединенными усиліями Поляковъ и Шведовъ, Іоаннъ IV готовъ отдать всю русскую торговлю въ руки Англичанъ, лишь бы только тѣ помогли ему получить хотя одну гавань на Балтійскомъ морѣ; царь Алексѣй Михайловичъ дѣлаетъ наивное предложеніе герцогу Курляндскому, не можетъ ли тотъ позволить строить въ своихъ гаваняхъ русскіе корабли: это всего лучше показываетъ движеніе и его направленіе, всего лучше показываетъ, какъ мысль о морѣ стала господствующею, неотразимою. Такимъ образомъ русскіе уже двинулись, и новый путь былъ опредѣленъ, движеніе начинается съ XV и XVI вѣка, одновременно слѣдовательно съ движеніемъ западноевропейскихъ народовъ, съ ихъ переходомъ изъ одного возраста въ другой; но у насъ на востокѣ это движеніе шло чрезвычайно медленно вслѣдствіе страшныхъ препятствій. Польша и Швеція легли на дорогѣ, загородили море, пробиться было невозможно съ тѣми нестройными массами, какія представляло русское войско,

требовавшее для успѣха кореннаго преобразованія; на западѣ загорожена дорога, а востокъ, степной востокъ употребляетъ послѣднія усилія, чтобъ удержать свою добычу, свою плѣнницу—Россію: въ то время, какъ царь Іоаннъ IV обратилъ все свое вниманіе на западъ, крымскій ханъ подкрался и сжегъ Москву, сжегъ такъ, что она уже послѣ того не поправлялась. Только что при царѣ Борисѣ успѣли рѣшить вопросъ, что лучше отправить своихъ русскихъ за границу учиться чѣмъ вызывать иностранныхъ учителей въ Россію, только что распорядилась исполненіемъ этого рѣшенія, какъ степи снова всколыхались, явились оттуда козаки съ самозванцами, и выполнили степную работу опустошенія, уравненія, т.-е. уровняли все съ землею получше татаръ; долго Россія должна была отдыхать, оправляться послѣ посѣщенія этихъ проповѣдниковъ протеста. Путешественники разсказываютъ, что когда они проѣзжали мѣстами, гдѣ гостили козаки, то чтобъ остановиться и погрѣться въ избахъ, прежде нужно было очистить эти избы отъ труповъ ихъ прежнихъ обитателей. Послѣ такой болѣзни нельзя было требовать сильнаго движенія отъ выздоравливающаго; а тутъ едва восточная великая, Россія начала оправляться, движенія въ западной Россіи, сведеніе старыхъ счетовъ съ Польшею, козацкія смуты въ Малороссіи замедляли движеніе, замедляли, но оно не прекращалось: шли ощупью, принимали полумѣры, но двигались, вводили преобразованія въ войскѣ, отбиваемые отъ Балтійскаго моря, строили корабли для Каспійскаго.

Изъ сказаннаго, надѣюсь, ясно, въ чемъ должны были заключаться существенныя черты такъ называемаго преобразованія, т. е. естественнаго и необходимаго перехода народа изъ одного возраста въ другой. Бѣдный народъ сознаъ свою бѣдность и причины ея чрезъ сравненіе себя съ народами богатыми, и устремился къ пріобрѣтенію тѣхъ средствъ, которымъ заморскіе народы были обязаны своимъ богатствомъ. Слѣдовательно дѣло должно было начаться съ преобразованія экономическаго; государство земледѣльческое должно было умѣрить односторонность своего экономическаго быта усиленіемъ промышленнаго и торговаго движенія, и для этого прежде всего добыть себѣ уголокъ у сѣвернаго Средиземнаго (Балтійско-Нѣмецкаго) моря, къ которому прилила торговая, промышленная и историческая жизнь Европы, отхлынувъ отъ береговъ древняго южнаго Средиземнаго моря. Здѣсь исполнялся общій законъ, по которому шло движеніе и на западѣ. Движеніе, приготовившее переходъ западно-европейскихъ народовъ изъ одного возраста въ другой, изъ древней исторіи въ новую, началось измѣненіемъ въ ихъ экономическомъ бытѣ чрезъ усиленіе промышленной, торговой и мореплавательной дѣятельности. Чѣмъ обыкновенно начинаютъ изложеніе новой исторіи? открытіями новыхъ странъ и морскихъ путей, и этимъ открытіямъ предшествуетъ поднятіе города, его чрезвычайное процвѣтаніе въ Италіи, этой странѣ богатыхъ, сильныхъ, властительныхъ городовъ-республикъ; съ берегами южнаго Средиземнаго моря начинаютъ соперничать берега сѣвернаго Средиземнаго моря Балтійско-Нѣмецкаго: здѣсь поднимаются города ганзейскіе и нидерландскіе, въ другихъ западно-европейскихъ странахъ въ различной степени, подъ вліяніемъ различныхъ условій, но повторяется то же явленіе, деньги, движимое соперничаетъ съ землею, недвижимымъ, золото споритъ съ мечемъ; прежде династіи основывались мечемъ, теперь они основываются посредствомъ денегъ; богатые купцы Медичи основываютъ династію во Флоренціи. Развитіе промышленное и торговое ведетъ къ развитію умственному чрезъ

расширеніе сферы наблюденія, чрезъ усиленіе жизни международной; научное движеніе при этомъ необходимо, и мы видимъ, что въ эпоху великихъ открытій географическихъ, въ эпоху усиленія торговой и промышленной дѣятельности, въ странахъ, наиболѣе отличающихся этою дѣятельностію, является и сильная работа мысли надъ памятниками, оставленными древнимъ греко-римскимъ міромъ, вліянію которыхъ такъ подчинились западно-европейскіе народы и подъ этимъ вліяніемъ совершили переходъ изъ своей древней исторіи въ новую, изъ возраста чувства въ возрастъ мысли, проще сказать отдались въ ученье Грекамъ и Римлянамъ, прошли школу подъ их руководствомъ, и эта школа надолго, можно сказать навсегда, оставила глубокіе слѣды, точно также, какъ глубокіе слѣды оставляетъ школа въ каждомъ человѣкѣ, способномъ принимать и переваривать духовную пищу. Въ этой-то греко-римской школѣ, при возбужденіи мысли посредствомъ нея, западно-европейскіе народы прежде всего отнеслись съ вопросомъ и допросомъ къ отношеніямъ, которые были результатомъ начала, господствовавшаго въ ихъ древней исторіи, чувства, религіознаго чувства, и слѣдствіемъ этого допроса расправившей свои крылья мысли результатамъ чувства, слѣдствіемъ столкновенія двухъ началъ, дѣлящихъ между собою исторію народовъ, слѣдствіемъ столкновенія мысли и чувства было религіозное протестантское движеніе, обхватившее всю Западную Европу и поведшее всюду къ такой продолжительной и кровавой борьбѣ. И у насъ въ Россіи переходъ изъ древней исторіи въ новую совершился по общимъ законамъ народной жизни, но и съ извѣстными особенностями, въ слѣдствіе различія условій, въ которыхъ проходила жизнь нашего и западно-европейскихъ народовъ. На западѣ извѣстное экономическое движеніе началось давно и шло постепенно, что и недавало ему значенія новизны, особенно поражающаго вниманіе, дающаго господство явленію; самымъ сильнымъ и поражающимъ своею новизною движеніемъ, было движеніе въ области мысли, въ области науки и литературы, перешедшее немедленно въ область религіозную, въ область церковныхъ и церковно-государственныхъ отношеній; здѣсь новое, протестуя противъ стараго, противопоставляя ему себя, необходимо вызывало борьбу и борьбу самую сильную, борьбу религіозную, которая дѣлитъ Европу на два враждебные лагеря. Эта-то борьба и стала на первомъ планѣ, отстранивъ всѣ другіе интересы на второй. У насъ въ Россіи въ эпоху преобразованія, т.-е. при переходѣ народа изъ своей древней исторіи въ новую, экономическое движеніе оставалось на первомъ планѣ. По указаннымъ выше неблагопріятнымъ условіямъ у насъ экономическое развитіе было задержано, но движеніе государственной и народной жизни не останавливалось, ибо все яснѣе и яснѣе становилось сознаніе необходимости вывести страну на новый путь, все яснѣе и яснѣе становилось сознаніе средствъ этого вывода, и какъ скоро сознаніе окончательно уяснилось, то народъ долженъ былъ вдругъ ринуться на новую дорогу, ибо разладъ между сознаніемъ того, что должно быть и дѣйствительностію возможно у отдѣльнаго человѣка и цѣлаго народа только при условіи крайней слабости воли, одряхлѣнія, но такимъ не былъ русскій народъ въ описываемое время. Экономическій переворотъ, какъ удовлетворяющій главной, народной потребности, становился на первый планъ, и какъ совершившійся вдругъ тѣмъ сильнѣе давалъ себя чувствовать; въ организмѣ государственномъ нельзя дотронуться до одного органа, не коснувшись въ тоже время и другихъ, и вотъ причина, почему вмѣстѣ съ экономическимъ преобразованіемъ шло и

множество другихъ, но эти послѣднія находились въ служебномъ отношеніи къ первому. Не забудемъ и того, что Россія совершила свой переходъ изъ древней исторіи въ новую двумя вѣками позже, чѣмъ совершили это западно-европейскіе народы, слѣдовательно между этими народами, въ общество которыхъ вступилъ народъ русскій, многое уже должно было измѣниться. Дѣйствительно религіозное движеніе здѣсь успокоилось, и на первомъ планѣ стоялъ также—вопросъ экономическій. Вспомнимъ, что на западѣ это время было время Людовика XIV, который далъ Франціи первенствующую роль въ Западной Европѣ; но въ концѣ его царствованія, Франція потеряла первенствующее значеніе. Это происходило отъ того, что вначалѣ знаменитый министръ Людовика Кольберъ произвелъ экономическое движеніе, экономическій переворотъ во Франціи, давшій королю большія финансовыя средства; но потомъ король позволилъ себѣ истощить ихъ. Отъ какой же мысли пошелъ Кольберъ? Морскія державы—Голландія и Англія разбогатѣли посредствомъ сильнаго промышленнаго и торговаго движенія: чтобъ дать Франціи возможность разбогатѣть наравнѣ съ Англіею и Голландіею, надобно сдѣлать ее морскою державою, возбудить въ ней сильное промышленное и торговое движеніе, что и было сдѣлано. Тутъ слѣдовательно Кольберъ шелъ отъ факта, совершившагося у всѣхъ передъ глазами, отъ сравненія положенія морскихъ державъ съ положеніемъ континентальныхъ, отъ вѣрнаго пониманія причинъ различія въ этомъ положеніи, ибо непонятъ было трудно Отъ того же факта, отъ того же сравненія пошла и Россія, основное движеніе преобразовательной эпохи было тоже Кольберовское движеніе, тоже стремленіе привить къ земледѣльческому бѣдному государству промышленную и торговую дѣятельность, дать ему море, пріобщить его къ мореплавательной дѣятельности богатыхъ государствъ, дать возможность раздѣлить ихъ громадные барыши. Движеніе это, какъ мы видѣли, такъ естественно и необходимо, что тутъ не можетъ быть и мысли о какомъ-нибудь заимствованіи или подражаніи: Франція съ Кольберомъ въ челѣ и Россія съ Петромъ Великимъ въ челѣ дѣйствовали одинаково по тѣмъ же самымъ побужденіямъ, по какимъ два человѣка, одинъ въ Европѣ, а другой въ Азіи, чтобъ погрѣться выходятъ на солнце, а чтобъ избѣжать солнечнаго жара ищутъ тѣни. Іоаннъ IV, бившійся изо-всѣхъ силъ, чтобъ утвердиться на морскихъ берегахъ, не могъ подражать Кольберу. Но когда Россія вошла въ ближайшія сношенія съ Западною Европою, то было важно, что она нашла здѣсь то же самое движеніе, какое сама совершала, нашла ему оправданіе. Россія производившая у себя экономическій переворотъ и сближавшаяся для этого съ Западною Европою, застала ее не въ религіозной борьбѣ, совершенно чуждой и безполезной для Россіи, но въ борьбѣ за средства къ обогащенію.

Но если въ нашемъ преобразованіи выставилась такъ выпукло экономическая сторона, то было бы крайне неосторожно не обратить вниманія и на другія стороны, которыя разсматриваемое явленіе должно было имѣть по необходимымъ общимъ законамъ. Мы видѣли, что въ Западной Европѣ при переходѣ народовъ изъ одного возраста въ другой мысль, возбужденная знакомствомъ съ памятниками древней мысли, древней философіи отнеслась съ вопросомъ и допросомъ къ результатамъ господствовавшаго въ ихъ древней исторіи чувства, религіознаго чувства, откуда произошло сильное религіозное движеніе, сильная религіозная борьба, раздѣлившая Европу на два враждебныхъ лагеря, католическій и протестантскій. Мы видѣли, что часть западно-европейскихъ народовъ сохраняютъ и упорно отстаи-

ваютъ старыя вѣрованія, старыя формы церковнаго строя и утверждаются въ этомъ крайностями новаго начала, крайностями движенія мысли, ея разлагающаго, отрицательнаго движенія. Послѣ возбужденія вопроса о злоупотребленіяхъ латинской церкви очень скоро возникаютъ ученія, стремящіяся нарушить не только церковный, но и общественный строй; разнузданная мысль въ своемъ отрицательномъ движеніи быстро пробѣгаетъ отъ Лютера до Мюнцера и отъ Мюнцера до Анабаптистовъ. Такая крайность вызывала противодѣйствіе, реакцію со стороны католицизма, которыя, въ свою очередь, дошли до крайностей, произведя орденъ іезуитовъ. Никакихъ соглашеній, никакихъ уступокъ новому началу, новымъ требованіямъ, все правильно, все безукоризненно, нечего перемѣнять; и Божія правда и человѣческая ложь одинаково неприкосновенны; да будетъ такъ какъ есть или да не будетъ (sit ut est, aut non sit) написалъ католицизмъ на своемъ знамени въ отвѣтъ на протестантскія требованія, на протестантскія укоризны, и были въ Западной Европѣ цѣлыя страны, которыя остались вполнѣ вѣрны этому знамени, обвели около себя магическій кругъ, отчурались отъ всякаго участія въ новомъ движеніи, отъ всякаго участія въ служеніи новому началу: такъ поступили народы Пиренейскаго полуострова, знаменитые католическимъ старообрядчествомъ. Но если при движеніи, вызывающемъ къ переходу изъ одного возраста въ другой, такъ сильно обнаруживается у народовъ отвращеніе къ этому переходу, такъ сильно обнаруживается страхъ предъ болѣзненнымъ переворотомъ, такъ невыносима бываетъ тоска при этомъ, которую можно объяснить тоскою по родинѣ, овладѣвающею многими людьми, рѣшившимися въ первый разъ переступить порогъ отечества, войти въ новый, чужой міръ, если цѣлые народы рѣшаются заглушить въ себѣ, выжечь костромъ инквизиціи всякую попытку мысли потребовать отчета у существующаго, освѣщеннаго вѣками, измѣнить здѣсь хотя единую букву, и если такое рѣшеніе оправдывается крайностями новаго направленія, ведущими также къ односторонности, нарушающими гармонію духовной жизни, то самый естественный вопросъ въ устахъ человѣка, незнающаго подробностей нашей исторіи: неужели переходъ русскаго народа изъ одного возраста въ другой, изъ древней исторіи въ новую совершился безъ болѣзненныхъ явленій, безъ сопротивленія, безъ борьбы, неужели всѣ съ веселымъ сердцемъ, безбоязненно отправились въ новый путь, въ невѣдомый міръ? неужели всѣ выслушали съ сочувствіемъ, по крайней мѣрѣ равнодушно вызовъ: свое дурно, чужое хорошо? неужели при той рѣзкой вѣроисповѣдной границѣ, которую русскіе люди провели между собою и западно-европейскими народами, и которую такъ ревниво охраняли, не щадя ничего, никому не пришла въ голову страшная мысль, что при тѣсномъ сближеніи съ иновѣрными народами, эта священная граница можетъ быть нарушена? Всѣмъ извѣстно, какъ отвѣчаетъ на эти вопросы наша исторія. Задолго, почти за сто лѣтъ до начала преобразовательной дѣятельности Петра Великаго уже идетъ совѣщаніе у царя Бориса съ духовенствомъ и вельможами; предлагается трудное, но необходимое дѣло: надобно ввести науку, потому что безъ нея Россія безсильна, беззащитна передъ другими враждебными народами; науку можно получить только изъ-за моря, надобно призвать иностранныхъ учителей, какъ уже хотѣлъ царь Иванъ. Но тутъ великая опасность: эти учителя иновѣрцы: какъ будутъ учиться у нихъ русскіе православные люди? Учиться вѣдь это значитъ признать превосходство учителя, подчиниться ему, вѣрить ему, дѣлать такъ какъ онъ велитъ, какъ самъ дѣлаетъ, подражать ему. Какое страшное

искушеніе; подчиниться вліянію учителя вовсемъ, исключая одного — вѣры. Рѣшено было, что иновѣрные учителя опасны, и потому лучше послать русскихъ людей учиться за-границу, чтобъ они по возвращеніи, стали учителями въ своей странѣ. Понятно, что опасность не уменьшалась: русскій человѣкъ, лишенный вліянія народной среды, совершенно предавался чуждому вліянію. Никто изъ отправленныхъ не возвратился. А между тѣмъ движеніе началось, и гдѣ же? въ самой церкви. Явилась типографія: она должна была прежде всего послужить церкви, распространить церковную книгу; явилась важная выгода: книга выходила не изъ частныхъ рукъ, не изъ рукъ переписчика, который могъ внести въ нее ошибки вольныя и невольныя; теперь книга должна была выходить подъ надзоромъ церковнаго правительства. Но для того, чтобы книга напечатана была правильно, нужно было напечатать ее съ исправной рукописи, для чего нужно было собрать рукописи, сравнить, выбрать лучшую, сличить съ греческимъ подлинникомъ; но для этого нужно было знаніе, а знанія-то и не было. Люди, повидимому знающіе, которымъ было поручено дѣло исправленія, уличены были въ незнаніи, въ искаженіи вмѣсто исправленія. Нужно было вызвать исправителей изъ за-границы, разумѣется православныхъ, т. е. Грековъ или ученыхъ монаховъ изъ западной Россіи, которая, въ слѣдствіе борьбы съ католицизмомъ, ранѣе восточной завела у себя школы. Исправители были вызваны, начали исправлять по своему, и раздался вопль: чужіе перемѣняютъ вѣру, велятъ творить крестное знаменіе не такъ, писать и произносить самое священное имя не такъ, портятъ книги, по которымъ молились отцы, по которымъ молились святые и спаслись. Вопль пошелъ отъ старыхъ учителей, отъ прежнихъ исправителей книгъ, которые были оскорблены обвиненіями въ невѣжествѣ, въ искаженіи книгъ. Но стоило только раздаться словамъ, что вѣра въ опасности, вѣру перемѣняютъ, какъ слова эти нашли сильный отзывъ, тѣмъ болѣе, что движеніе къ новому уже началось въ разныхъ сферахъ, новые обычаи рѣзко бросались въ глаза уже потому самому, что были рѣдки еще и ярко выдѣлялись, сильно раздражали. Явились ревнители, которые провозгласили, что послѣднія времена приближаются, что надобно стать и помереть за вѣру, за неизмѣнность того, что предано свыше и потому должно остаться неприкосновеннымъ: „Аще я и не смысленъ, гораздо неученный человѣкъ, да то знаю, что вся, церкви отъ св. отецъ преданная, свята и непорочна суть; держу до смерти, якоже пріяхъ, не прелагаю предѣлъ вѣчныхъ: до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ.“ И такъ какъ ревнители старины дѣйствительно готовы были подвергнуться всѣмъ лишеніямъ, страданіямъ и смерти, то производили сильное впечатлѣніе и увлекали многихъ. Явился расколъ: часть русскихъ людей отвергла авторитетъ церкви, необходимымъ слѣдствіемъ чего было раздѣленіе отпадшихъ на множество толковъ. А между тѣмъ движеніе шло и съ другой стороны; мысль была возбуждена религіозными вопросами; люди съ возбужденною мыслію просиживали въ Москвѣ ночи съ учеными кіевскими монахами, другіе стремились въ Кіевъ, въ тамошнія школы, къ тамошнимъ ученымъ и, возвратясь въ Москву, спорили съ своими отцами духовными, доказывая имъ, что они не такъ понимаютъ дѣло, тѣ оскорблялись, кричали противъ извращенія отношеній, молодые учатъ старыхъ, дѣти отцовъ; богословскіе споры овладѣваютъ вниманіемъ общества, въ домахъ и на улицахъ, мужчины и женщины спорятъ о времени пресуществленія, упрекаютъ другъ друга въ еретичествѣ. Іезуиты тутъ и закидываютъ свои сѣти, подходятъ къ русскимъ людямъ съ внушеніями, у насъ съ вами вѣра одна, разница въ томъ, что у насъ ученыхъ людей

больше, мы васъ удовлетворимъ въ вашей новой потребности, потребности знанія, работы мысли. Іезуитовъ выгнали; но опасность не уменьшилась: духовенство находилось въ самомъ затруднительномъ положеніи, между двухъ огней: съ одной стороны свои раскольники обвиняли его въ отступленіи отъ старой вѣры. отвергали его какъ еретическое, съ другой — свои же обвиняли его въ отсталости, въ неимѣніи средствъ правильно понимать проповѣдуемое ученіе, а тутъ иновѣрные учители съ запада подчиняютъ русскихъ людей своему вліянію и также не съ уваженіемъ относятся къ старымъ учителямъ ихъ, къ ихъ отцамъ духовнымъ. Единственное средство выйти изъ этого затруднительнаго положенія состояло въ томъ, чтобъ выйти вмѣстѣ съ народомъ на новую дорогу, пріобрѣсти могущество знанія. Это новое могущество было необходимо для успѣшной борьбы съ людьми, которые хотѣли остаться при старомъ началѣ во всей его исключительности, односторонности, людьми, которые лучше всего показывали къ чему ведетъ эта односторонность, исключительное господство чувства, неумѣряемаго мыслію: эта односторонность повела къ безусловному, слѣпому, фанатическому утвержденію превосходства своего надъ чужимъ, своего, принятаго въ самомъ узкомъ смыслѣ, она повела къ слѣпому, безусловному, фанатическому утвержденію неприкосновенности всего преданнаго безъ всякаго различенія существеннаго и несущественнаго, духа отъ буквы, божіей правды отъ человѣческой ошибки; она повела къ тому, что часть народа покинула церковь, объявила ее зараженною еретичествомъ за то только, что церковь измѣнила нѣсколько словъ, нѣсколько обрядовъ. „До насъ положено, лежи такъ вовѣки вѣковъ“, провозглашаетъ знаменитый въ исторіи раскола протопопъ Аввакумъ. Такимъ образомъ односторонность господствовавшаго начала, чувства, неумѣряемаго мыслію, знаніемъ, выразилось въ расколѣ самымъ печальнымъ образомъ и заставляла необходимо требовать знанія, умственнаго развитія. Но тоже знаніе было необходимо для защиты вѣры отъ другихъ враговъ болѣе опасныхъ, отъ тѣхъ людей, къ которымъ русской народъ долженъ былъ обратиться за наукою, отъ учителей чужеземныхъ, иновѣрныхъ. Мы видѣли, что русскіе люди съ пробужденною мыслію, не имѣя возможности отправляться къ народамъ иновѣрнымъ, спѣшили въ Кіевъ къ тамошнимъ ученымъ для удовлетворенія новой потребности, потребности знанія. Но скоро заставы, заграждавшія путь къ народамъ иновѣрнымъ, должны были рушиться; нудящія потребности экономическаго преобразованія, бывшаго на первомъ планѣ, заставляли отнестись непосредственно къ поморскимъ народамъ, заимствовать у нихъ ихъ умѣлость, практическія знанія, которыхъ нельзя было пріобрѣсти въ кіевскихъ школахъ или въ школахъ устроенныхъ по образцу кіевскихъ школъ; русскіе люди толпами отправились въ эти заморскія иновѣрныя страны учиться; если прежде и тѣ, которые ѣздили въ Кіевъ, по возвращеніи оттуда представляли новыя требованія отъ своихъ старыхъ учителей, своихъ старыхъ отцовъ духовныхъ, то легко понять, съ какими требованіями, съ какими вопросами возвратятся русскіе люди изъ-за моря: надобно было приготовиться удовлетворить этимъ требованіямъ, отвѣчать на эти вопросы, а приготовиться можно было только посредствомъ науки.

Необходимость науки была сознана и провозглашена торжественно. „Наука есть могущество“, задолго передъ тѣмъ провозгласилъ одинъ изъ великихъ ученыхъ дѣятелей въ Западной Европѣ, и народы ея приняли это провозглашеніе какъ — истину. Русскіе люди признали эту истину какъ только познакомились съ людьми.

съ народами обладавшими наукою, они нашли, что эти люди, эти народы обладаютъ страшнымъ могуществомъ. Могущество науки сознали русскіе люди въ западной Россіи, увидавъ передъ собою враговъ своей вѣры, своей народности, вооруженныхъ могуществомъ науки; сознавши это, русскіе люди въ западной Россіи не остались праздны, но поспѣшили вооружиться этимъ могуществомъ, чтобъ бороться съ врагами равнымъ оружіемъ. Русскіе люди Великой Россіи, сознавъ могущество науки, также не хотятъ быть праздными, но поднимаются, собираются въ дорогу на поискъ за наукою, чтобъ сдѣлать свою Россію богатою и сильною, чтобъ дать ей почетное мѣсто среди народовъ. Наука есть могущество; но всякая сила можетъ быть опасна въ неопытныхъ рукахъ, если ей дается одностороннее направленіе. Посредствомъ науки человѣкъ и народъ переходятъ изъ одного возраста въ другой, изъ возраста, гдѣ господствуетъ чувство, въ возрастъ, гдѣ господствуетъ мысль. Мы только что говорили о печальныхъ слѣдствіяхъ односторонности, рѣшительнаго преобладанія чувства, неумѣряемаго мыслію, знаніемъ, о печальныхъ слѣдствіяхъ ревности не по разуму нашихъ Аввакумовъ; но мы прежде сказали о печальныхъ слѣдствіяхъ односторонности и другаго начала, усиливающагося во второй періодъ жизни человѣка и народа, о печальныхъ слѣдствіяхъ отрицательнаго, разлагающаго движенія мысли, слѣдствіяхъ, которыя вызываютъ вопль: древо познанія не есть древо жизни, вопль, родившійся въ той самой странѣ, гдѣ впервые было провозглашено, что наука есть могущество, вопль, потрясающій вѣру въ могущество науки. Недавно исторія какъ будто подтвердила справедливость этихъ словъ, что древо познанія не есть древо жизни для цѣлыхъ народовъ; недавно исторія произнесла страшныя слова: „горе народу, который равнодушно смотритъ, какъ разрушаются его алтари и заколаются ихъ служители; наука со всѣми ея чудесами не спасла этого народа; а было время, когда этотъ же самый народъ въ подобныхъ же обстоятельствахъ былъ спасенъ простою крестьянкою, дѣйствовавшею съ религіознымъ одушевленіемъ. Но эти вопли, эти примѣры показываютъ только, что наука теряетъ часть своего могущества, когда ею пользуются односторонне. Наука есть великое могущество, есть наставница и благодѣтельница людей и народовъ, когда изучаетъ прежде всего человѣка, когда знаетъ условія, законы и потребности его природы, когда умѣетъ сохранить гармонію между началами въ его природѣ дѣйствующими, умѣрять одно другимъ, положить границы между ними, когда умѣетъ умѣрять гордыню знанія и алчность пытливости разума и отвести должную область чувству, когда умѣетъ опредѣлить границы, гдѣ оканчивается область знанія и гдѣ начинается область вѣры. Наука достигаетъ полнаго могущества не тогда только когда учитъ и развиваетъ умственныя способности, не тогда только, когда изученіемъ законовъ видимой природы, увеличиваетъ удобства жизни: она достигаетъ полнаго могущества, когда воспитываетъ человѣка, развиваетъ всѣ начала его природы для ихъ правильнаго и согласнаго проявленія. Блюсти, чтобъ эта правильность и согласіе не была нарушена при переходѣ русскаго народа изъ одного возраста въ другой становилась обязанностію русской церкви; для приготовленія ея служителей къ исполненію этой обязанности могущественнымъ и необходимымъ средствомъ должна была служить также наука.

Необходимость движенія на особый путь была сознана, обязанности при этомъ опредѣлились; народъ поднялся и собрался въ дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Народъ собрался въ дорогу и ждалъ вождя, сказалъ я въ заключеніе прошедшаго чтенія. Это ожиданіе вовсе не было спокойное; это было тревожное, томительное ожиданіе. Сильное недовольство настоящимъ положеніемъ, раздраженіе, смута, вотъ что мы видимъ въ Россіи въ то время, когда въ ней воспитывался вождь, долженствовавшій вести ее на новую дорогу. Прежде въ сферѣ нравственной былъ могуществен авторитетъ церкви, сильной своимъ единствомъ; но теперь въ церкви расколъ; являются люди, которые смущаютъ большинство; съ жаромъ, убѣжденіемъ, начитанностію, выставляя передъ собою авторитетъ подвига, страданія, толкуютъ они, что православіе падаетъ, что патріархъ, архіереи и все остающееся при нихъ духовенство отступили отъ истины. Намъ теперь, безъ углубленія въ подробности тогдашняго состоянія общества, трудно себѣ представить, какое нравственное колебаніе, смуту производилъ расколъ во второй половинѣ XVII вѣка. Страшное впечатлѣніе производится, когда слышатся выходки противъ именъ, съ которыми привыкли соединять нравственное освященіе, нравственную неприкосновенность. „Патріархъ, архіереи еретики, измѣнники православію!“ и это говорили люди, облеченные также нравственнымъ авторитетомъ, начитанностію, т.-е. въ глазахъ толпы знаніемъ св. Писанія, готовностію страдать и умирать за истину. „Намъ не даютъ высказывать истины, обличать неправду, кричали они; вмѣсто того, чтобъ по заповѣди Христовой, обращаться съ нами кротко, убѣждать съ тихостію, они насъ пытаютъ и жгутъ.“ Вотъ знаменитый разговоръ раскольника съ патріархомъ. Раскольникъ: „Правду говоришь, святѣйшій владыка, что вы на себѣ Христовъ образъ носите; но Христосъ сказалъ: Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, а не срубами, не огнемъ и мечемъ грозилъ; велѣно повиноваться наставникамъ, но не велѣно слушать и ангела, если не то возвѣщаетъ. Что за ересь и хула двумя перстами креститься? за что тутъ жечь и пытать!“ Патріархъ отвѣчалъ: „Мы за крестъ и молитву не жжемъ и не пытаемъ, жжемъ за то, что насъ еретиками назычаютъ и не повинуются св. церкви, а креститесь какъ хотите.“ Какъ обыкновенно бываетъ при подобныхъ отношеніяхъ, люди, требующіе свободы и безопасности, требуютъ ихъ только для однихъ себя, а не для стороны противной въ одинакой степени, и раскольники не ограничивались одною свободою двуперстнаго сложенія, они требовали также свободы и безопасности въ открытомъ нападеніи на церковь, свободы и безопасности въ своей проповѣди противъ нея, въ выставленіи ея еретическою. Но въ толпѣ не умѣли уяснить себѣ эти отношенія, и раскольники въ глазахъ многихъ имѣли большую выгоду, выгоду гонимыхъ. Нѣкоторые шли за ними, другіе, оставаясь при церкви, не могли для себя вполнѣ уяснить ея правоты, а потому естественно охлаждались къ ней, ослабѣвалъ и авторитетъ церкви, нравственная смута чрезъ это усиливалась; у ревнителей старины, стоявшихъ, повидимому, за неизмѣнность, твердость всего преданнаго, даже каждой

буквы, твердости и неизмѣнности не окозалось съ самаго же начала, съ самаго начала страшная рознь между толками, и люди, въ отчаяніи отъ этихъ разнорѣчій, отъ этой смуты, разбрелись по всевозможнымъ дорогамъ, ища вѣры, и до сихъ поръ ищутъ. На помощь церкви была призвана наука, устроили въ Москвѣ школу, академію, обязанностію которой было защищать православіе; начальникъ (блюститель) и учителя должны смотрѣть, чтобъ ниукого не было запрещенныхъ книгъ; если кто-нибудь будетъ обвиненъ въ хулѣ на православную вѣру, то отдается на судъ блюстителю и учителямъ, и если они признаютъ обвиненіе справедливымъ, то преступникъ подвергается сожженію. Такимъ образомъ академія уполномочивалась слѣдить за движеніями враговъ православія и бить всполохъ при первой опасности; это была цитадель, которую хотѣли устроить для православной церкви при необходимомъ столкновеніи ея съ иновѣрнымъ западомъ; это не училище только, это страшный трибуналъ: произнесутъ блюститель и учителя слово: „виновенъ въ неправославіи"—и костеръ запылаетъ для преступника. Понятно, что для произнесенія суда надъ уклоняющимися отъ православія, судьи сами прежде всего должны быть согласны между собою; но съ самаго начала православные ученые, призванные въ Москву для защиты православія научными средствами, разногласятъ другъ съ другомъ. Симеонъ Полоцкій разногласитъ съ Епифаніемъ Славиницкимъ, потомъ великороссіянинъ, Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ Полоцкаго, ведетъ ожесточенные споры съ учителями академіи, Греками Лихудами, дворъ на сторонѣ Медвѣдева, патріархъ на сторонѣ Лихудовъ; понятно, что русскіе люди дѣлятся, двоятся между двумя враждебными лагерями, всюду споры, шатость, смута. Верховный пастырь церкви патріархъ находился при этомъ въ очень незавидномъ положеніи; раскольники обзывали его еретикомъ; при дворѣ, въ обществахъ, находившихся подъ вліяніемъ Полоцкихъ, Медвѣдевыхъ. смѣялись надъ нимъ какъ надъ неучемъ. И дѣйствительно недостатокъ научнаго образованія препятствовалъ ясности взгляда его на то, что дѣлалось вокругъ, къ чему шло дѣло, имъ овладѣвалъ безотчетный страхъ предъ новымъ, при чемъ существенное смѣшивалось съ несущественнымъ и перемѣна чего-нибудь внѣшняго, какого-нибудь обычая, покроя платья, бритье бороды становилось наравнѣ съ ученіями, противными православію. Народъ, собиравшійся слушать проповѣдь верховнаго пастыря, слышалъ такія обличенія: „Люди неученые, въ церкви святой нашихъ благопреданныхъ чинодѣйствъ незнающіе и другихъ о томъ неспрашивающіе, мнятся быть мудрыми, но отъ пипокъ табацкихъ и злоглагольствъ люторскихъ, кальвинскихъ и прочихъ еретиковъ объюродѣли. Совротясь отъ стезей отцовъ своихъ, говорятъ: для чего это въ церкви такъ дѣлается, нѣтъ никакой въ этомъ пользы, человѣкъ это выдумалъ, и безъ этого можно жить." Указанія на чуждыя ученія, на чуждыя западныя вліянія ясны и вѣрны; русскіе люди, по выраженію патріарха, объюродѣли отъ люторскихъ и кальвинскихъ ученій, но прежде этихъ ученій поставлена еще какая причина объюродѣнія? пипки табацкія! Куреніе табаку сдѣлано равносильнымъ по своему вреду для православія протестантскимъ внушеніямъ! Рѣзко вооружаясь противъ всего новаго на словахъ, патріархъ не имѣлъ твердости сопротивляться на дѣлѣ, такимъ поведеніемъ возбуждалъ раздраженіе и насмѣшки со стороны людей, стремившихся къ новому; но, разумѣется, не щадили его и приверженцы старины, которую онъ, въ ихъ глазахъ, не отстаивалъ какъ должно. Юродивый говорилъ о немъ: какой онъ патріархъ! живетъ изъ

куска, спать бы ему да ѣсть, бережетъ мантію да клобука бѣлаго, затѣмъ и не обличаетъ. Такимъ образомъ съ двухъ сторонъ направлялись обвиненія и укоризны на представителей власти церковной, и толпа начинала уже смотрѣть на нихъ, какъ на низверженныхъ съ высоты, подвергнувшихся суду и осужденію; толпа являлась хладнокровною, и хуже, чѣмъ хладнокровною зрительницею паденія власти.

Церковная власть падала, и никто не подавалъ ей руку помощи, ибо смутѣ нравственной, происходившей отъ ослабленія церковнаго авторитета, соотвѣтствовала смута политическая, происходившая отъ ослабленія власти гражданской. Основныя условія жизни Россіи, на значеніе которыхъ уже было указано, изначальная громадность государственной области и рѣдко разбросанное народонаселеніе, замедляя развитіе общества, цивилизацію, т. е. раздѣленіе труда и соединеніе силъ, тѣмъ самымъ требовали чрезвычайной дѣятельности правительственной въ соединеніи и направленіи разбросанныхъ силъ для общихъ государственныхъ цѣлей; постоянная опасность отъ враговъ требовала естественно постоянной диктатуры, и такимъ образомъ въ Россіи выработалось крѣпкое самодержавіе. Въ концѣ XVII вѣка, точно также какъ и въ началѣ его, эта власть ослабѣла, и по этому поводу произошли сильныя волненія, къ которымъ наши предки отнеслись одинаково, назвавши ихъ однимъ именемъ — смуты; какъ династическія перемѣны служили поводомъ къ смутѣ въ началѣ XVII вѣка, такъ династическія же безпорядки повели и къ смутѣ въ концѣ вѣка. Смута началась по поводу преждевременной смерти царя Алексѣя Михайловича, которому наслѣдовалъ больной сынъ его Ѳедоръ, скоро умершій безпотомственно. Послѣ него провозгласили царемъ малолѣтняго брата его Петра, за котораго должна была управлять его мать, царица Наталья. Малолѣтство государей обыкновенно ведетъ къ смутамъ, а тутъ были еще другіе сильные поводы къ нимъ. Въ семьѣ царя Алексѣя страшный раздоръ въ слѣдствіе того, что дѣти не отъ одной матери. Царица Наталья, мать Петра, мачиха старшимъ его братьямъ и сестрамъ, для которыхъ она и ея дѣти были непріятнымъ, тяжелымъ явленіемъ въ послѣдніе годы царя Алексѣя. По смерти его, когда вступилъ на престолъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, сынъ отъ перваго брака, мачиху, съ ея дѣтьми удалили, оскорбили ее ссылкою ея родныхъ и людей самыхъ близкихъ. Обида прошла по семьѣ и добра не будетъ. По смерти Ѳедора Алексѣевича наступило время царицы Натальи: сынъ ея Петръ превозглашенъ царемъ мимо старшаго брата Іоанна совершенно неспособнаго и больнаго; этотъ Іоаннъ послѣдній сынъ царя Алексѣя отъ перваго его брака, но у него много сестеръ, дѣвицъ-царевенъ, изъ которыхъ одна была знаменитая Софья Алексѣевна, представляющая любопытное явленіе, знаменіе времени. Неслыханное было прежде дѣло, невозможное, чтобъ дѣвица, царевна вышла изъ терема и приняла участіе въ дѣлахъ правительственныхъ, а теперь Софья именно это дѣлаетъ. Что же была за причина этого явленія? Духъ времени, можно отвѣтить обще принятымъ выраженіемъ, точнѣе, сознаніе необходимости перемѣны, сознаніе, прояснявшееся во дворцѣ прежде, чѣмъ гдѣ-либо; причина этому явленію таже, которая заставляла русскаго человѣка пробираться сначала въ Кіевъ, потомъ и дальше за наукою; которая заставляла царя и вельможъ вызывать для своихъ дѣтей учителей изъ заграницы; причина та же, которая заставила царя Алексѣя завести при дворѣ своемъ театральныя представленія и потѣшать ими себя и свое семейство. Царевна вышла изъ терема; обстановка двора уже не та, у братьевъ учитель, извѣстный Симеонъ

Полоцкій, который учитъ и сестру, учитъ легко и весело, передаетъ много разныхъ вещей, все у него примѣры, анекдоты, остроумныя изрѣченія и все въ стихахъ для лучшаго удержанія въ памяти; сфера расширяется, птица побывала на свободѣ, видѣла міръ Божій; старый теремъ становится тѣсенъ и душенъ; умираетъ отецъ, царевна около болѣзненнаго брата, царя Ѳеодора: кто запретитъ сестрѣ быть у больнаго брата, прислуживать ему? у больнаго бояре, разсуждаютъ о дѣлахъ, царевна слушаетъ и учится, ей легко выучиться, потому что прежде была приготовлена, вотъ уже она въ новой широкой сферѣ и сферѣ обольстительной для существа энергическаго, честолюбиваго, а тутъ и страсть, страсть къ человѣку самому видному по способностямъ и образованію, къ кн. Вас. Вас. Голицыну. Новая жизнь крѣпко обхватила царевну Софью. Но братъ Ѳеодоръ умираетъ, и царемъ превозглашаютъ маленькаго Петра, т. е. отдаютъ правленіе матери его Натальѣ. Что же предстоитъ царевнѣ Софьѣ? Проститься со всѣми обаяніями этой новой раскрывшейся для нея жизни, выйти изъ этой широкой сферы, гдѣ такъ было расправились ея силы и возвратиться опять въ теремъ. Теремъ? но ограничится ли дѣло теремомъ? не вѣроятнѣе ли всего, что ей съ сестрами предстоитъ монастырское заключеніе, ибо могутъ ли онѣ ожидать милости отъ мачихи, которую раздражили, оскорбили? Жизнь улыбнулась такъ привѣтливо и вдругъ должно отказаться отъ нея, въ цвѣтѣ лѣтъ стать невольною, опальною монахинею, претерпѣть стыдъ униженія предъ ненавистною мачихою. Искушеніе было слишкомъ велико; Софья станетъ дѣйствовать по инстинкту самосохраненія, станетъ изо всѣхъ силъ, всѣми возможными средствами отбиваться отъ судьбы, отъ терема, монастыря, съ отчаяніемъ полнаго силы и жизни человѣка, котораго влекутъ зарывать живымъ въ могилу. Она ищетъ около себя средствъ спасенія и находитъ: стрѣльцы недовольны, ихъ можно возбудить противъ новаго правительства, но это можно сдѣлать только обманомъ, сказавши, что старшаго царевича Ивана, законнаго наслѣдника престола, несправедливо обойденнаго, обиженнаго извели родственники царицы Натальи, Нарышкины; чрезъ это возбужденіе можно заставить стрѣльцовъ истребить мнимыхъ убійцъ царевича, истребить людей, совѣтомъ, помощію которыхъ была сильна царица Наталья, этимъ истребленіемъ уничтожить возможность примиренія между стрѣльцами и царемъ Петромъ, его матерью и оставшимися въ живыхъ ея приверженцами, связать неразрывно интересы стрѣльцовъ съ интересами Софьи, ея брата и сестеръ, заставить ихъ дѣйствовать въ ихъ пользу. Кровавая программа была въ точности исполнена: родственники и приверженцы царицы Натальи истреблены, хотя царевичъ Иванъ оказался живъ и невредимъ, его провозгласили царемъ, но свергнуть младшаго брата Петра, прежде провозглашеннаго, которому уже присягнула Россія, не рѣшились; отняли только правленіе у царицы Натальи и отдали его Софьѣ.

Легко было понять, что смута этимъ не оканчивалась, это былъ только прологъ кровавой драмы, а не развязка ея. Софья только отдалила рѣшеніе страшнаго вопроса; вопросъ оставался и волновалъ всѣхъ, не давалъ никому покоя. Стрѣльцы, раздражившіе своимъ буйствомъ вельможъ и все мирное народонаселеніе, ежеминутно опасались слѣдствій этого раздраженія, видѣли въ боярахъ непримиримыхъ своихъ враговъ и ждали отъ нихъ справедливой мести, они боялись мести отъ цѣлой Россіи, боялись дворянскаго войска, которое могло собраться изъ областей и задавить ихъ ничтожный сравнительно корпусъ. Стрѣльцы волновались

отъ страха; каждому, кто находилъ въ томъ свои выгоды, ничего не стоило пугать ихъ, внушеніемъ что бояре уже рѣшили истребить ихъ; стрѣльцы волновались отъ страха, но своими волненіями наводили ужасъ на мирное народонаселеніе; оно не могло заснуть покойно въ ожиданіи проснуться отъ набата и стрѣльбы, отъ зловѣщихъ криковъ: любо! которыми стрѣльцы привѣтствовали свои жертвы, принимая ихъ на копья. Правительница приняла энергическія мѣры для прекращенія стрѣлецкихъ волненій. Угрозою, что правительство покинетъ Москву, обратится къ Россіи, призоветъ на свою защиту дворянское войско, этою угрозою она заставила стрѣльцовъ отступиться отъ раскольниковъ, которые, воспользовавшись смутою, пришли въ Кремль, въ самый дворецъ, чтобъ спорить съ патріархомъ въ присутствіи правительницы, и одинъ изъ нихъ рѣшился сказать ей страшныя, невыносимыя для нея слова: „Пора вамъ, государыня, въ монастырь; только царствомъ мутитъ“. Чтобъ избавиться отъ любимаго начальника стрѣльцовъ, князя Хованскаго, человѣка очень безпокойнаго по своему властолюбію, Софья привела въ исполненіе свою угрозу, выѣхала изъ Москвы, Хованскій былъ схваченъ, привезенъ къ правительницѣ въ село Воздвиженское близь Троицкаго монастыря и казненъ безъ суда. Стрѣльцы забушевали, услыхавъ о казни своего любимаго батьки, такъ ихъ баловавшаго, но скоро утихли, потому что бороться съ дворянскимъ войскомъ имъ было нельзя. Софья усмирила стрѣльцовъ, самые буйные изъ нихъ были удалены; но этими государственными мѣрами правительница уничтожала свои собственныя средства, тогда какъ страшный вопросъ о будущемъ оставался и все болѣе и болѣе приближалися къ своему рѣшенію. Странная форма двоевластія была принята въ слѣдствіе стрѣлецкаго насилія; впрочемъ она не могла очень безпокоить по неспособности Іоанна къ правленію, по его болѣзненности, слѣдовательно и недолговѣчности, по неимѣненію дѣтей мужскаго пола. Ночто успокоивало другихъ, то мучительно тревожило Софьею: Іоаннъ, ея единоутробный братъ не долговѣченъ, а младшій Петръ, настоящій царь въ глазахъ всѣхъ ростетъ, и когда достигнетъ совершеннолѣтія, правительство Софьи уничтожится само собою. Что тогда? Потокъ крови уже прошелъ между Софію и Петромъ; царское семейство представляло два враждебные лагеря и ненависть между ними усиливалась день отодня; примиреніе было невозможно; съ обѣихъ сторонъ зорко слѣдили за движеніями другъ друга, приготовляли средства защиты... При первомъ извѣстіи о волненіи между приверженными къ Софьѣ стрѣльцами, Петръ дѣлаетъ тоже, что уже сдѣлала Софья въ борьбѣ съ Хованскимъ: онъ спѣшитъ въ Троицкій монастырь и призываетъ на свою защиту дворянское войско, обвиняя приверженцевъ Софьи въ злоумышленіи противъ себя. Софья стала въ Москвѣ въ безвыходное положеніе; тщетно обращается она къ стрѣльцамъ, желая поднять ихъ на свою защиту: стрѣльцы не трогаются, они чувствуютъ всю безсмысленность борьбы съ царемъ, располагающимъ средствами всей Россіи, они чувствуютъ всю безсмысленность борьбы противъ силы матеріальной и силы нравственной, противъ права, несомнѣннаго въ глазахъ всей Россіи. Стрѣльцы выдаютъ Софью, и то чего больше всего она боялась, совершается: монастырская келья принимаетъ въ свои печальныя, гробовыя стѣны существо плоти и крови, существо жаждущее мірской жизни.

Смута кончилась; Софья въ монастырѣ, приверженцы ея на плахѣ или въ ссылкѣ; скоро умираетъ царь, по имени только, Іоаннъ Алексѣевичъ, остается

одинъ Петръ. Мы уже нѣсколько разъ упоминали объ немъ, но другія лица загораживали его; теперь около него стало просторно, можно подойти поближе, разсмотрѣть внимательнѣе. У насъ нѣтъ времени заниматься перечисленіемъ и разборомъ разныхъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ преданій о малолѣтствѣ Петра; не для удовлетворенія празднаго любопытства собрались мы здѣсь, но для уясненія великаго явленія въ нашемъ историческомъ существованіи, для уясненія значенія великаго человѣка, великой эпохи; обратимся прямо къ этому человѣку, пусть онъ самъ скажетъ намъ о себѣ. Вотъ первое письмо его къ матери изъ Переяславля, когда ему было 17 лѣтъ; форма письма обычная въ то время съ употребленіемъ уменьшительныхъ уничижительныхъ словъ, какъ, по тогдашнему слѣдовало писать дѣтямъ къ родителямъ: „сынишка твой, въ работѣ пребывающій, Петрушка благословенія прошу, и о твоемъ здравіи слышать желаю; а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось, и суды всѣ, кромѣ большаго корабля, въ отдѣлкѣ“. И такъ вотъ первое слово намъ отъ Петра, котораго мы зовемъ Великимъ, первое, имъ самимъ себѣ сдѣланное опредѣленіе: „въ работѣ пребывающій“. Это первое опредѣленіе останется на всегда за нимъ и дружно умѣстится подлѣ опредѣленія Великій; прошло много времени, и знаменитый поэтъ, который прозвучалъ намъ столько родного, который далъ намъ столько народныхъ откровеній, не нашелъ лучшаго опредѣленія для Петра; „на тронѣ вѣчный былъ работникъ“. Петръ работникъ, Петръ съ мозольными руками—вотъ олицетвореніе всего русскаго народа въ такъ называемую эпоху преобразованія. Здѣсь не было только сближенія съ народами образованными, подражанія имъ, ученія у нихъ, здѣсь небыло только школы, книги, здѣсь была мастерская прежде всего, знаніе немедленно же прилагалось, надобно было усиленною работою, пребываніемъ въ работѣ добыть народу хлѣбъ насущный, предметы первой необходимости. Народы въ своей исторіи не дѣлаютъ прыжковъ: тяжкая работа, на которую былъ осужденъ русскій народъ въ продолженіе стольких вѣковъ, борьба съ азіатскими варварами при условіяхъ самыхъ неблагопріятныхъ, борьба за народное существованіе, народную самостоятельность кончилась и народъ долженъ былъ естественно перейдти къ другой тяжелой работѣ необходимой для приготовленія къ другой дѣятельности, дѣятельности среди народовъ съ другимъ характеромъ, для приготовленія себѣ должнаго, почетнаго мѣста между ними, для приготовленія средствъ бороться съ ними равнымъ оружіемъ. Это-то оружіе и надобно было выработать, и выработать какъ можно скорѣе, ибо время не терпѣло. Надъ чѣмъ же прежде всего и больше всего работаетъ—царь работникъ, представитель своего времени, выразитель его потребности? онъ работаетъ надъ кораблемъ—это его любимая работа вода его любимая стихія, онъ ищетъ все большаго простора на ней, изъ подмосковнаго пруда переходитъ на озеро, съ одного меньшаго озера на большое, отъ послѣдняго къ морю. Богатырю древней Россіи было тѣсно въ городѣ, онъ рвался въ широкую степь, но за чѣмъ? для безплоднаго гулянья, для того, чтобъ гулять на счетъ тѣхъ, которые трудились? Человѣкъ, одаренный страшными силами, богатырь новой Россіи, Петръ рвется также на широкій просторъ, но этотъ просторъ моря; въ степи богатырь могъ встрѣтить дикаго кочевника, и упражнять надъ нимъ свою физическую силу, нравственныя и умственныя его силы не развивались отъ этой борьбы; новый богатырь можетъ быть безопасенъ, можетъ успѣшно бороться съ грозною стихіею, моремъ не иначе какъ посредствомъ знанія, искусства; на морѣ

на его берегахъ онъ встрѣтилъ людей противоположныхъ кочевымъ варварамъ, людей богатыхъ знаніемъ, искусствомъ, отъ которыхъ есть чѣмъ позаимствоваться, и когда придется вступить съ ними въ борьбу, то для нея понадобится не одна физическая сила, понадобится чрезвычайнео напряженіе умственныхъ силъ. Въ жизни русскаго народа совершался переходъ изъ одного возраста въ другой, этотъ переходъ естественно выражался въ поворотѣ отъ степи къ морю, и что жь дѣлаетъ вождь народа, за какимъ первымъ дѣломъ мы застаемъ его? онъ строитъ корабль, и когда мы припомнимъ это страстное желаніе моря, корабля, обнаружившееся въ Россіи XVI и XVII вѣка, обнаружившееся въ дѣятельности Іоанна IV и Алексѣя Михайловича, то мы поймемъ ясно отношеніе великаго человѣка къ народу, къ его потребностямъ въ извѣстное время, и другое значеніе получитъ для насъ эта страсть къ морю Петра, который скучалъ въ тѣсныхъ гористыхъ пространствахъ, былъ спокоенъ и доволенъ только на морѣ, и печальная по природѣ своей, но близкая къ морю и богатая водою мѣстность была для него раемъ.

Но, быть можетъ, скажутъ, для чего же было царю становиться работникомъ? дѣло царя царствовать, а не плотничать; призналъ Петръ необходимость завести флотъ и завелъ бы, для чего же самому участвовать въ постройкѣ судовъ? Эти сужденія, повидимому справедливы, но въ сущности, примѣнительно къ извѣстному явленію, совершенно невѣрны происходятъ отъ нашей непривычки высвобождаться отъ своихъ, настоящихъ условій жизни и переноситься въ условія того времени, которое хотимъ изучить, понять, и которое никакъ не поймемъ, если не отстанемъ отъ этой привычки. Мы живемъ въ условіяхъ цивилизаціи и смотримъ все на народы, живущіе въ этихъ же условіяхъ, еще больше чѣмъ мы; а сущность цивилизаціи, какъ мы знаемъ, состоитъ въ раздѣленіи занятій, господствующемъ какъ во всякой другой, такъ и въ правительственной сферѣ; каждый знаетъ, дѣлаетъ свое одно какое-нибудь дѣло; при такомъ порядкѣ естественно и легко главѣ государства поручить какое-нибудь новое дѣло извѣстному лицу или собранію лицъ, ибо это новое дѣло по характеру своему непремѣнно относится къ извѣстному отдѣльному вѣдомству, управляющіе которымъ приготовлены къ дѣлу своимъ воспитаніемъ и опытностію, и какъ бы дѣло ни было ново, связь его съ извѣстнымъ разрядомъ дѣлъ ясна, и по этой связи человѣку приготовленному и опытному легко понять его, овладѣть имъ, приложить его. Но не таково было положеніе Россіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка: раздѣленіе занятій въ правительственной сферѣ по извѣстнымъ вѣдомствамъ быть не могло по самой простой причинѣ, что нечего было дѣлать. Явилось сознаніе необходимости для государства, для народа выйти на новую дорогу для продолженія исторической жизни, сознаніе нудящихъ потребностей, которымъ необходимо было удовлетворить какъ можно скорѣе; но гдѣ средства для этого удовлетворенія, гдѣ знаніе, умѣнье приняться за дѣло? Средство есть повидимому очень легкое: призвать искуснаго иностранца и поручить ему дѣло. Средство повидимому очень легкое, но въ сущности чрезвычайно тяжелое, могущее обойтись для народа очень дорого, не въ отношеніи только матеріальномъ, не въ отношеніи только денегъ; деньги дѣло нажитое, но при неразумномъ, страдательномъ употребленіи означенной мѣры можно потерять такое нравственное добро, котораго послѣ не наживешь. Мы говорили, что русскій народъ совершилъ свой переходъ изъ одного возраста въ другой по общимъ законамъ развитія, уясняемымъ по-

средствомъ сравненія жизни одного народа съ жизнію другихъ; мы видѣли, что западно-европейскіе народы совершили свой переходъ по тѣмъ же законамъ, но видѣли при этомъ и различіе между ими и нами. Важное и съ выгодою на ихъ сторонѣ различіе заключалось въ томъ, что они получили сильное побужденіе къ умственному движенію, а слѣдовательно и къ переходу изъ своей древней исторіи въ новую посредствомъ знакомства съ памятниками античной, греко-римской мысли; они стали учиться по чужимъ книгамъ, по книгамъ оставшимся отъ народовъ уже сошедшихъ съ исторической сцены, народовъ мертвыхъ; они пошли въ науку къ древнимъ, и не избѣжали при этомъ увлеченія, подражали до рабства, заучивались чужому до самозабвенія, не все же имѣли важную выгоду въ томъ, что учились не у живыхъ учителей, не подвергались вліянію живыхъ народностей, вліянію, понятно, болѣе сильному и болѣе опасному, ибо хотя нѣсколько ученыхъ Грековъ, бѣжавшихъ изъ разрушавшейся византійской имперіи и помогли въ качествѣ учителей, западно-европейскимъ народомъ при изученіи памятниковъ грекоримской мысли, но число этихъ учителей было ничтожно, притокъ ихъ не могъ возобновляться и положеніе ихъ было таково, что не могло быть опасно ни для какой народности. Другая важная выгода для западноевропейскихъ народовъ заключалась здѣсь въ томъ, что они имѣли дѣло съ законченною умственною дѣятельностію народовъ уже мертвыхъ, ученіе, школа слѣдовательно должна была сама собою рано или поздно кончиться, содержаніе ея исчерпывалось для ученика и болѣе неподбавлялось, слѣдовательно ученикъ, получивши отъ школы побужденіе и средства къ умственному развитію, могъ легко приступить къ самостоятельной дѣятельности, пойти дальше учителей. Но этихъ выгодъ не было для русскаго народа, начавшаго гораздо позднѣе свой переходъ въ возрастъ умственнаго развитія: онъ долженъ былъ обратиться къ народамъ живымъ, брать отъ нихъ живыхъ учителей, слѣдовательно подчиняться вліянію живой чуждой національности, или національностей; въ этомъ отношеніи положеніе русскаго народа было похоже на положеніе народа римскаго, который долженъ былъ совершить извѣстный переходъ подъ руководствомъ греческой народности, хотя и потерявшей политическую самостоятельность, но еще живой и сильной; отсюда борьба въ Римѣ при этомъ, образованіе партій, вопли старой римской партіи противъ этихъ иностранныхъ учителей Грековъ, которые портятъ нравы, отнимаютъ у римлянъ ихъ прежній нравственый національный строй. Для русскаго народа предстояла и другая невыгода: онъ долженъ былъ имѣть дѣло съ учителями изъ чужихъ живыхъ и сильныхъ народностей, которые не останавливались, но шли быстро въ своемъ развитіи, почему юный народъ, долженствовавшій заимствовать у нихъ плоды цивилизаціи, осужденъ былъ гнаться за ними безъ отдыха, съ страшнымъ напряженіемъ силъ. Ему не давалось передышки, досуга передумать о всемъ томъ, что онъ долженъ былъ заимствовать, переварить всю эту обильную духовную пищу, которую онъ воспринималъ; вниманіе его было постоянно поглощено этимъ разнообразіемъ явленій, которое представлялъ ему цивилизованный міръ западной Европы и естественно отвлекалось отъ своего, а это вело къ томительному недоумѣнію, съ какимъ русскій человѣкъ останавливался между явленіемъ, которое онъ видѣлъ у другихъ народовъ и для него желаннымъ и отсутствіемъ условій для его произведенія на родной почвѣ или неумѣньемъ отыскать эти условія. А тутъ еще новая невыгода отъ постояннаго присутствія передъ глазами русскаго чело-

вѣка живыхъ сильно развивающихся народовъ, таже самая невыгода, какая проистекаетъ для отдѣльнаго молодаго человѣка, когда его слишкомъ долго оставляютъ подъ надзоромъ и руководствомъ наставника: молодой человѣкъ привыкаетъ ходить на помочахъ въ ущербъ самостоятельности и быстроты своего развитія. Таковы-то были чрезвычайно неблагопріятныя обстоятельства, которыя встрѣтилъ русскій народъ при своемъ движеніи на западъ, при соединеніи съ тамошними цивилизованными народами. Народы слабые при встрѣчѣ съ цивилизаціею, съ этимъ тьмочисленнымъ разнообразіемъ новыхъ явленій и отношеній, какія она имъ представляетъ, не могутъ выдержать ея натиска, и падаютъ, вымираютъ. Народъ русскій обнаружилъ необыкновенную силу, выдержавши натискъ цивилизаціи; но можно ли сказать, чтобъ это было для него легко, чтобъ онъ не подвергался при этомъ страшнымъ опасностямъ, тяжелымъ ударамъ. Въ первую половину своей исторіи онъ долго велъ борьбу съ Азіею, съ ея хищными ордами, выдерживая ихъ страшные натиски и заслоняя отъ нихъ западную Европу, долго боролся онъ съ ними изъ-за куска чернаго хлѣба. Вышедши побѣдителемъ изъ этой борьбы, онъ смѣло ринулся на другую сторону, на западъ и вызвалъ чародѣйныя силы его цивилизаціи, чтобъ и съ ними помѣряться. Вызовъ былъ принятъ и страшенъ былъ натискъ этихъ чародѣйныхъ силъ; это уже не былъ матеріальный натискъ татарскихъ полчищъ, это былъ натискъ потяжелѣ, ибо это былъ натискъ духовныхъ силъ, натискъ нравственный, умственный. Таковы были опасныя стороны новаго положенія, въ какое становился русскій народъ. Благодаря успѣхамъ нашей науки, мы оставили далеко за собою ребяческія мнѣнія, по которымъ одному человѣку приписывалось то, что являлось по общимъ, непреложнымъ законамъ народной жизни, мнѣнія, по которымъ въ вину одному человѣку ставились неблагопріятныя обстоятельства, бывшія необходимымъ слѣдствіемъ извѣстныхъ исконныхъ условій развитія какого-нибудь народа. Но мы должны признать и значеніе вождей народныхъ, великихъ людей: отъ ихъ искусства зависитъ уменьшить затрудненія, ослабить вредныя вліянія опасныхъ сторонъ извѣстнаго положенія, провести народный карабль во время бури безъ большихъ потерь. Исполнилъ ли эту задачу, и какъ исполнилъ ее, какъ провелъ во время бури переворота русскій корабль „тотъ шкиперъ славный,“ котораго мы уже встрѣтили въ работѣ пребывающимъ, строющимъ корабли? Вотъ вопросъ, посильное рѣшеніе котораго есть наша задача.

ЧТЕНІЕ ПЯТОЕ.

Въ прошедшей бесѣдѣ нашей рѣчь шла объ опасныхъ сторонахъ положенія, въ какое необходимо становился русскій народъ въ эпоху преобразованія вслѣдствіе связи своей съ живыми и сильными народностями, отъ которыхъ долженъ былъ заимствовать плоды цивилизаціи, у которыхъ долженъ былъ учиться, вліянію которыхъ слѣдовательно долженъ былъ подвергнуться, какъ ученикъ подвергается вліянію учителей. Здѣсь первое, главное средство для уменьшенія опасности положенія состояло въ томъ, чтобъ не позволить народу-ученику продолжительнаго страдательнаго отношенія къ народамъ-учителямъ. Рѣчь идетъ объ ученикѣ, учи-

теляхъ, слѣдовательно сравненіе, объясненіе изъ школьной, воспитательной сферы напрашивается само собою. Представимъ себѣ такого учителя, который постоянно сообщаетъ своему ученику множество знаній, дѣлаетъ предъ нимъ множество опытовъ, рѣшаетъ множество задачъ, но при этомъ не обращаетъ никакого вниманія на ученика; усвоилъ ли тотъ преподанное и въ какой степени усвоилъ— ему до этого дѣла нѣтъ. Такое преподаваніе возможно и правильно какъ высшее преподаваніе, когда наставникъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ вполнѣ приготовленнымъ; но такое преподаваніе никуда не годится, какъ начальное, имѣющее цѣлію приготовить человѣка, сдѣлать его способнымъ къ принятію высшаго преподаванія. Здѣсь преподаваніе тѣмъ полезнѣе, чѣмъ болѣе имѣетъ въ виду ученика, чѣмъ болѣе наставникъ старается развивать самостоятельную его дѣятельность: пусть ученикъ съ самаго же начала испытываетъ свои силы, самъ сейчасъ же повторяетъ преподанное правило, сейчасъ же прилагаетъ узнанное къ дѣлу. Только посредствомъ такого ученія человѣкъ можетъ развить свои способности, пріобрѣсть привычку къ самостоятельной дѣятельности, окрѣпнуть духовно. Легко понять, что именно такое ученіе нужно было и русскому народу въ этой начальной школѣ преобразованія, когда при опасномъ столкновеніи съ народами-учителями нужно было прежде всего озаботиться развитіемъ самостоятельной его дѣятельности, избѣжаніемъ, по возможности, страдательнаго положенія, избѣжаніемъ духовнаго приниженія предъ чужимъ, сохраненіемъ свободныхъ отношеній къ чужому, духовной независимости, сознанія своего достоинства. Что же дѣлаетъ народный вождь? Онъ проходитъ самъ эту практическую, дѣятельную школу и заставляетъ другихъ проходить ее. Онъ носитъ въ себѣ ясное сознаніе, что его время есть время школы, школьнаго ученія для народа, время школы, взятой въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; но при этомъ онъ сознаетъ лучшее средство пройти школу какъ можно безопаснѣе и какъ можно полезнѣе, имѣя въ виду развитіе самостоятельной дѣятельности народа. Отсюда вполнѣ уясняется намъ значеніе этой неутомимой работы Петра. Услыхалъ что-нибудь—непремѣнно хочетъ посмотрѣть—такъ ли? увидалъ какую-нибудь вещь—сейчасъ же хочетъ дознаться, для чего она употребляется и сейчасъ же произвести опытъ, посмотрѣть, какъ она употребляется; увидалъ какое-нибудь производство—сейчасъ же самъ принимаетъ въ немъ участіе. Только этою неутомимою работою онъ можетъ избѣжать самъ крайне опаснаго страдательнаго положенія въ отношеніи къ иностранцамъ и избавить отъ него народъ свой. Мы уже говорили, что когда понадобилось новое, чего русскіе люди не знали, не умѣли дѣлать, всего легче было бы призвать знающихъ, умѣющихъ иностранцевъ и поручить имъ введеніе всего новаго; но тогда именно народъ нашелся бы въ страдательномъ положеніи, полной зависимости, духовномъ приниженіи. Безъ иностранцевъ обойтись было нельзя; но чтобъ сохранить къ нимъ свободное, независимое, мало того, властелинское, хозяйское отношеніе, надобно было пріобрѣсти способность надзора, повѣрки, а такую способность Петръ и по его примѣру и побужденію, его сотрудники могли пріобрѣсти только этою неутомимою работою, этимъ немедленнымъ практическимъ приложеніемъ всего узнаннаго. Чтобъ сохранить свободное и хозяйское отношеніе къ иностранцамъ нельзя было допустить ихъ къ себѣ и дать имъ дѣлать, что хотятъ и какъ хотятъ; нужно было побывать у нихъ самихъ, въ ихъ земляхъ, посмотрѣть какъ тамъ дѣлается; до какой степени совершенства можетъ достигать то или другое дѣло, и съ

этимъ соразмѣрять свои требованія. Но главная забота состояла въ томъ, чтобъ дать пройти русскому народу хорошую школу, т.-е. дѣятельную, практическую, приложительную съ самого начала, чтобъ не дать ему привыкнуть къ страдательному положенію относительно иностранныхъ учителей, не дать потерять сознанія своего народнаго достоинства. Школа, какъ уже сказано, была въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; всѣ отправленія государственной и народной жизни входили въ нее, всюду русскій человѣкъ долженъ былъ учиться и одновременно прилагать изученное, узнанное къ дѣлу. Легко ли это? Самъ вождь возвышался надъ уровнемъ человѣческихъ способностей, былъ человѣкъ геніальный; но какъ человѣкъ и онъ долженъ былъ ошибаться особенно въ такомъ трудномъ дѣлѣ; что же другіе? Петръ заранѣе признаетъ необходимость и пользу ошибокъ, неудачь при ученіи; дурно если все удается, особенно сначала, ошибка, неудача учитъ осторожности, гонитъ гордость, самомнѣніе. Два отдѣла великой народной школы, которую проходили русскіе люди при Петрѣ, были особенно важны по отношенію къ иностранцамъ, иностраннымъ учителямъ: это война въ собственномъ смыслѣ и борьба мирная между народами, борьба дипломатическими средствами. Здѣсь Петръ подвергался страшному искушенію; иностранцы старались внушить ему: нельзя вести войны съ неприготовленными, невыученными офицерами и генералами, особенно главными, фельдмаршалами, здѣсь ошибки, неискусство, неопытность вождей могутъ имѣть неисчислимо гибельныя слѣдствія; надобно поэтому для успѣха войны пригласить иностранныхъ фельдмаршаловъ, генераловъ, офицеровъ, и русскіе пусть приготовляются, учатся. Но Петръ зналъ, что война есть лучшая школа для способностей, что нельзя выучиться дѣлу только смотря какъ другіе дѣлаютъ, и назначалъ своихъ русскихъ генералами и фельдмаршалами: пусть сначала ошибаются, но за то выучатся. Тоже самое на поприщѣ дипломатическомъ. Россія вошла въ сношеніе совсѣми значительнѣйшими европейскими дворами: одни изъ нихъ должна была привлекать въ союзъ съ собою, другіе, по крайней мѣрѣ, удерживать отъ вражды, вводить въ свои интересы, при всѣхъ дворахъ нужно было имѣть ей постоянныхъ представителей, которые бы неусыпно блюли за русскими интересами въ этомъ многосложномъ движеніи международной европейской жизни. И опять страшное искушеніе, опять внушаютъ: русскіе совершенно неприготовлены къ дипломатическому поприщу, они не знаютъ ни прошедшаго, ни настоящаго тѣхъ державъ, гдѣ будутъ уполномочены, вообще имѣютъ смутное понятіе объ отношеніяхъ европейскихъ народовъ другъ къ другу, объ исторіи этихъ отношеній. Неминуемое слѣдствіе такого незнанія неловкость положенія, ошибки, которыя будутъ имѣть гибельныя слѣдствія для русскихъ интересовъ; необходимо по этому назначить на главнѣйшіе дипломатическіе посты знающихъ, искусныхъ иностранцевъ. Но Петръ преодолѣлъ и это искушеніе: русскіе должны выучиться на самой практикѣ; пусть сначала будутъ ошибаться, ошибки пойдутъ въ пользу понятливымъ и усерднымъ ученикамъ, и на всѣхъ важнѣйшихъ дипломатическихъ постахъ являются русскіе люди. Тоже самое по всѣмъ частямъ управленія; у Петра было правило — во главѣ извѣстнаго управленія ставить русскаго человѣка, второе по немъ мѣсто могъ занимать иностранецъ, въ слѣдствіе чего, при кончинѣ Петра, судьбы Россіи оставались въ однихъ русскихъ рукахъ. Соблюденіемъ этого правила Петръ въ опасный періодъ ученичества, отстранялъ духовное приниженіе своего народа передъ чужими народностями, сохраняя за нимъ властелинское, хозяйское по-

ложеніе: искусному иностранцу были рады, ему давались большія льготы и почетъ, онъ не могъ только хозяйничать въ странѣ. Но для того, чтобъ преодолѣть всѣ приведенныя искушенія и дойти до такого правила, неужели достаточно было однихъ холодныхъ расчетовъ ума? Нѣтъ, Петръ былъ самъ истый русскій человѣкъ, сохранявшій крѣпкую связь съ своимъ народомъ; его любовь къ Россіи не была любовію къ какой-то отвлеченной Россіи; онъ жилъ съ своимъ народомъ одною жизнію и внѣ этой жизни существовать не могъ; безъ этого онъ не могъ такъ глубоко и горячо вѣрить въ свой народъ, въ его величіе, только по этой вѣрѣ онъ могъ поручить русскимъ людямъ то, въ чемъ они, по холоднымъ соображеніямъ ума, не могли имѣть успѣха по своей неопытности и неприготовленности. И свели они свои счеты—великій народъ и великій вождь народный; за горячую любовь, за глубокую и непоколебимую вѣру въ свой народъ, народъ этотъ заплатилъ вождю успѣхомъ, превосходившимъ всѣ ожиданія, силою и славою небывалыми: тѣ неопытные русскіе люди, которымъ Петръ поручилъ начальство надъ своими неопытными войсками, оказались полководцами, какихъ не могла дать ему образованная Европа; тѣ неприготовленые русскіе дипломаты, незнавшіе ни прошедшаго ни настоящаго державъ, куда были посланы представителями Россіи, очень скоро стали въ уровень съ самыми искусными министрами европейскими.

Такимъ образомъ уясняется для насъ историческое значеніе этого образа, въ какомъ Петръ является въ первый разъ передъ нами и въ какомъ видимъ его въ продолженіе всей жизни: „въ работѣ пребывающій,“ царь работникъ, царь съ мозольными руками. Исторія ставитъ народъ въ исключительное, чрезвычайное положеніе, положеніе крайне опасное; для избѣжанія этихъ опасностей требовалось чрезвычайное напряженіе силъ, чрезвычайный трудъ: какая же роль великаго человѣка, народнаго героя и прирожденнаго вождя, царя? онъ первый двигается, первый принимаетъ это чрезвычайное положеніе, первый принимаетъ на себя чрезвычайный трудъ, первый проходитъ эту дѣятельную школу, которая одна могла развить самостоятельныя силы народа, поставить его на ноги, привести въ положеніе, которое бы возбуждало въ немъ уваженіе къ самому себѣ и внушало уваженіе къ нему въ другихъ народахъ. Нельзя было говорить другимъ: двигайтесь, работайте, учитесь дѣятельно, самостоятельно, не отчаявайтесь, когда чего не умѣете, начинайте только дѣлать, сами увидите что съумѣете, нельзя было только говорить это другимъ и ждать успѣха отъ слова, надобно было показать на примѣрѣ, на дѣлѣ, надобно было для начинающаго народа употребить наглядный способъ обученія, и Петръ, становясь работникомъ, ученикомъ, дѣлался чрезъ это великимъ народнымъ учителемъ. Движеніе началось, благодаря сильной рукѣ; но чтобъ оно шло съ возможною быстротою, успѣхомъ, нуженъ былъ глазъ, надзоръ заводчика, хозяина начавшаго громадное производство, а что такое глазъ, надзоръ безъ собственнаго знанія и опыта надзирающаго? вотъ почему въ этой неутомимой работѣ, въ стремленіи все узнать и сдѣлать самому мы видимъ необходимое приготовленіе къ той царственной дѣятельности, которая выпадала Петру во время движенія его народа на новую дорогу. Народъ долженъ поднять страшную тяжесть, сознаетъ, что долженъ, обойтись безъ этого нельзя; но естественно колеблется, останавливается въ недоумѣніи, какъ приняться за дѣло, достанетъ ли силъ? что же дѣлаетъ великій человѣкъ, вождь народный? онъ первый подставляетъ свои могучія плечи подъ тяжесть, отдаетъ всю свою чрезвычайную силу въ общее дѣло, и дѣло, благодаря этому вкладу, начинается,

идетъ, народъ получаетъ помощь. И вотъ подлѣ значенія великаго учителя народнаго другое значеніе — великаго помощника народнаго, а образъ все тотъ же — образъ царя работника.

Уяснивъ для себя этотъ образъ, въ которомъ Петръ впервые является передъ нами, уяснивъ для себя это первое опредѣленіе, которое Петръ далъ самому себѣ: „въ работѣ пребывающій,“ мы будемъ слѣдить за этою работою, т.-е. будемъ слѣдить затѣмъ, какую помощь оказывалъ великій царственный работникъ своему народу въ тяжеломъ дѣлѣ перехода отъ его древней исторіи въ новую, перехода, сопряженнаго съ такими тяжестями, какихъ не испытывалъ никакой другой народъ при подобномъ переходѣ. Прежде всего великая помощь была оказана народу тѣмъ, что онъ былъ выведенъ изъ самаго печальнаго, растлѣвающаго силы отдѣльнаго человѣка и цѣлаго народа положенія, когда возбужденный умъ отрицательно относится къ окружающимъ явленіямъ, и въ тоже время не имѣетъ средствъ создать новыя отношенія, новый міръ, гдѣ бы ему было спокойнѣе и просторнѣе; прежнія явленія существуютъ, но лишенныя для него содержанія, значенія, и онъ ходитъ между ними какъ между гробами и развалинами. Единственное средство вывести его изъ такого печальнаго положенія — это трудъ, сильная практическая дѣятельность, отвлеченіе его отъ задаванія себѣ и другимъ праздныхъ вопросовъ и привлеченіе его къ рѣшенію вопросовъ на дѣлѣ. По недостатку точныхъ историческихъ наблюденій у насъ приписывали Петру это отрицательное отношеніе ко всему существовавшему, разрушительные удары, нанесенные прежнимъ формамъ государственной и общественной жизни, удары, которые тяжело отозвались и въ мірѣ нравственномъ. Но теперь мы знаемъ, что это отрицательное отношеніе началось, усилилось прежде Петра, прежде него русскій человѣкъ уже отрицательно относился ко всему, начиная съ бороды, широкаго по азіатскому покрою платья до высшей сферы религіозной, гдѣ слышались отрицанія какъ со стороны раскольника, который обольщалъ себя будто стоялъ за неприкосновенность старины, такъ и со стороны человѣка, послушавшагося католическихъ и протестантскихъ внушеній. Этотъ то періодъ отрицанія, сомнѣнія, колебанія, періодъ необходимый, ибо имъ начинается переходъ въ возрастъ умственнаго развитіи, но страшно вредно дѣйствующій на силы отдѣльнаго человѣка и цѣлаго народа, когда бываетъ продолжителенъ, этотъ то періодъ и былъ укороченъ Петромъ, который уничтожилъ празднošатаніе мысли, засадивъ русскихъ людей за работу, за рѣшеніе практическихъ задачъ

Природа Петра давала ему средства исполнить это дѣло, давала ему средства работать безъ устали и возбуждать другихъ къ работѣ, природа огненная, природа человѣка не умѣющаго ходить, а только бѣгать. Природа! а воспитаніе? Первоначальное воспитаніе полученное Петромъ, было древне-русское: грамотность повела непосредственно и можно сказать исключительно къ изученію св. писанія, что и дало на всю жизнь обильное питаніе его глубокей религіозности. Церковная жизнь не коснулась его только внѣшнимъ образомъ, онъ не призналъ ея необходимости только съ государственной точки зрѣнія и холодно подчинялся этой необходимости; церковная жизнь обхватывала его своимъ свѣтомъ и теплотою какъ человѣка и какъ русскаго человѣка, онъ любилъ ея народную обстановку, любилъ русское богослуженіе, по природѣ своей, хотѣлъ дѣятельно участвовать въ немъ сколько это возможно міранину, самъ пѣлъ и читалъ въ церкви. Наука и школа пе-

реходной эпохи, выписанныя изъ западной Россіи съ ея тамошнею обстановкою, мало или вовсе не коснулись Петра. Ему не дали учителя, какой былъ у его младшихъ братьевъ, не дали какого-нибудь Симеона Полоцкаго, эта наука и школа отнеслись даже враждебно къ Петру: вѣрный ученикъ Полоцкаго, хранитель его преданій, Сильвестръ Медвѣдевъ былъ ревностный приверженецъ Софьи и потому врагъ Петра. Такимъ образомъ эта славяно-греко-латинская или вѣрнѣе греко-латино-польская наука осталась въ сторонѣ, съ ея богословскими спорами о времени пресуществленія, съ ея хлѣбопоклонною ересью. Петръ былъ предоставленъ самому себѣ. Огненный геніальный ребенокъ не можетъ все сидѣть въ комнатѣ безъ дѣла или перечитывать одну и туже книгу; онъ рвется изъ печальнаго, скучнаго, опальнаго дома на улицу, собираетъ около себя толпу молодежи изъ придворныхъ служителей, забавляется, играетъ съ ними; какъ всѣ живыя дѣти любитъ играть въ войну, въ солдаты. Но одними этими играми и забавами не можетъ удовлетвориться и въ дѣтствѣ такой человѣкъ какъ Петръ; требуетъ удовлетворенія жажда знанія. Онъ останавливается на каждомъ новомъ предметѣ, превращается весь во вниманіе, когда говорятъ о какомъ нибудь удивительномъ инструментѣ. Говорятъ ему объ астролябіи; онъ непремѣнно хочетъ имѣть инструментъ „которымъ можно брать дистанціи, не доходя до того мѣста". Астролябія привезена; но какъ ее употреблять. Изъ русскихъ никто не знаетъ; незнаетъ ли кто изъ иностранцевъ? Самый близкій человѣкъ изъ иностранцевъ, котораго прежде другихъ цари древней Россіи считали необходимымъ вызывать къ себѣ—это лѣкарь, дохтуръ. Незнаетъ ли дохтуръ какъ употреблять астролябію? Дохтуръ говоритъ, что самъ не знаетъ, но сыщетъ знающаго и приводитъ Голландца Франца Тиммермана. Петръ отыскалъ себѣ учителя и „гораздо присталъ съ охотою учиться геометріи и фортификаціи; и тако сей Францъ, чрезъ сей случай, сталъ при дворѣ быть безпрестанно въ компаніяхъ съ нами," говоритъ самъ Петръ. Но одинъ иностранецъ не отвѣтитъ на всѣ вопросы, не удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ. Въ измайловскихъ сараяхъ, гдѣ складывались старыя вещи, Петръ находитъ иностранный англійскій ботъ, ставшій для насъ такъ знаменитымъ. Что это за судно, для чего употребляется? Ходитъ на парусахъ по вѣтру и противъ вѣтра, отвѣчаетъ Тиммерманъ. Непремѣнно надобно посмотрѣть какъ это, непремѣнно надобно починить ботъ, спустить на воду. Тиммерманъ этого сдѣлать не умѣетъ; но онъ приводитъ своего земляка голландца Бранта. Ботъ на Яузѣ: „удивительно и зѣло любо стало". Но рѣка узка; ботъ перетаскиваютъ въ Просяной прудъ. „Охота стала отъ часу быть болѣе," и въ слѣдствіе этой то охоты мы уже встрѣтили Петра на Переяславскомъ озерѣ въ работѣ пребывающимъ. Но и въ ранней молодости односторонность не была въ характерѣ Петра: строеніе судовъ и плаваніе на нихъ не поглощали всего его вниманія, онъ въ постоянномъ движеніи, работѣ и на сушѣ, онъ учится геометріи и фортификаціи, обучаетъ солдатскіе полки, сформированные изъ старыхъ потѣшныхъ и новыхъ охочихъ людей, явившихся отовсюду, изъ знати и простыхъ людей, строитъ крѣпость Пресбургъ на берегу Яузы; даются примѣрныя битвы, гдѣ въ схваткахъ съ непріятельскимъ генералисимусомъ Фридрихомъ (кн. Ромодановскимъ) или польскимъ королемъ (Бутурлинымъ) отличается Петръ Алексѣевъ, то бомбардиръ, то ротмистръ. Но этотъ бомбардиръ и ротмистръ былъ такъ же и шкиперомъ. Переяславское озеро стало ему тѣсно; онъ посмотрѣлъ Кубенское—то было мелко, онъ отправляется въ Архангельскъ, устроиваетъ тамъ верфь, закладываетъ, спускаетъ корабли и пишетъ съ восторгомъ. „Что давно желали, нынѣ совершилось".

Такъ воспитывался Петръ, развивалъ свои силы. Мы видѣли, какъ въ своемъ стремленіи къ знанію онъ встрѣтился съ иностранцами. Не умѣя приложить къ дѣлу извѣстный инструментъ и ненаходя между русскими никого, кто бы помогъ своимъ знаніемъ, Петръ отыскиваетъ иностранца, который объясняетъ дѣло и становится его учителемъ, въ слѣдствіе чего находится въ его компаніи, другой иностранецъ объясняетъ ему значеніе бота; естественно, что за рѣшеніемъ многихъ и многихъ вопросовъ, которые толпятся въ головѣ Петра, онъ долженъ обращаться къ иностранцамъ, требовать ихъ услугъ, быть съ ними въ компаніи. Иностранцевъ довольно въ Москвѣ, цѣлая компанія, Нѣмецкая слобода. Тутъ жили люди ремесленные и военные. Западная Европа имѣла своихъ козаковъ въ этихъ наемныхъ дружинахъ, составлявшихся также, какъ и наши козацкія дружины изъ людей, которымъ почему-нибудь было тѣсно, неудобно на родинѣ, и шли они служить тому, кто больше давалъ, искать отечества тамъ, гдѣ было хорошо, и служили они въ семи ордахъ семи королямъ, какъ выражалась старая русская пѣсня о богатыряхъ, этихъ первообразахъ и козаковъ восточной Европы, и наемныхъ дружинниковъ западной. Мы видѣли, что въ западной Европѣ государи обратились къ наемнымъ войскамъ, когда разбогатѣли, стали получать хорошіе доходы, хорошія деньги отъ поднявшагося города, отъ промышленнаго и торговаго движенія. Кромѣ того наемныя войска были желательны и потому, что отличались своимъ искусствомъ: война была ихъ исключительнымъ занятіемъ. И у насъ въ XVII вѣкѣ являются эти западноевропейскіе наемники, но вовсе не потому, чтобъ наши цари нуждались въ войскѣ и, разбогатѣвъ, получили возможность нанимать его. Бѣдное государство должно было тратить послѣднюю копѣйку на этихъ наемниковъ, чтобъ имѣть обученное по европейски войско, чтобъ не терпѣть слишкомъ тяжкихъ пораженій въ слѣдствіе неискусства своего помѣщичья войска. Въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка мы видимъ иностранныхъ наемниковъ въ царскомъ войскѣ, выходцевъ изъ разныхъ странъ, Нѣмцевъ, Французовъ, Шотландцевъ. У себя, въ западной Европѣ, эти наемные дружинники хотя представляли извѣстныя особенности, однако не могли поражать рѣзкимъ отличіемъ по общности нравовъ и обычаевъ; но понятно, какъ выдѣлялись они у насъ въ XVII вѣкѣ. Между ними, разумѣется, нельзя было сыскать людей ученыхъ; но это были люди бывалые, много странствовавшіе, видавшіе много разныхъ странъ и народовъ, много испытавшіе, а извѣстно, какъ эта бывалость развиваетъ, какую привлекательность даетъ бесѣда такого бывалаго человѣка, особенно въ обществѣ, гдѣ книги нѣтъ, и живой человѣкъ долженъ замѣнять ее. Легко понять, что Петръ, обратившись разъ къ иностранцамъ за рѣшеніемъ различныхъ вопросовъ, при своей пытливости, страсти узнавать новое, знакомиться съ новыми явленіями и людьми, долженъ былъ необходимо перешагнуть порогъ Нѣмецкой слободы, этого любопытнаго, привлекательнаго міра, наполненнаго людьми, отъ которыхъ можно было услыхать такъ много новаго о томъ, что дѣлается въ странѣ чудесъ, въ западной Европѣ. Петръ въ нѣмецкой слободѣ, Петръ, представитель Россіи, движущейся въ Европу, входитъ въ этотъ чужой міръ, входитъ еще очень молодымъ, безоружнымъ, молодой богатырь схватывается съ этою силою, собственныя силы его еще неокрѣпли, и онъ естественно подчиняется ея вліянію, ея давленію; это вліяніе обнаруживается въ томъ, что самымъ близкимъ, любимымъ человѣкомъ становится для него иностранецъ Лефортъ. Лефортъ былъ блестящій представитель людей,

населявшихъ нѣмецкую слободу. Какъ всѣ они, Лефортъ не имѣлъ прочнаго образованія, не могъ быть учителемъ Петра ни въ какой наукѣ, не былъ мастеромъ никакого дѣла; но это былъ человѣкъ бывалый и притомъ необыкновенно живой, ловкій, веселый, открытый, симпатичный, душа общества. Петръ подружился съ нимъ, подружился дружбою молодаго человѣка, дружбою страстною, увлекающеюся, преувеличивающею достоинства любимаго человѣка. Вліяніе Лефорта на молодаго Петра сильное, потому что мы подчиняемся самому сильному вліянію не того человѣка, котораго мы только уважаемъ, но того кого мы любимъ. Петру было весело, занятно въ нѣмецкой слободѣ, среди людей, которыхъ рѣчи были для него полны содержанія, чего онъ не находилъ въ рѣчахъ окружавшихъ его русскихъ людей, и всего пріятнѣе и занятнѣе было съ Лефортомъ. Что же дѣлалъ Петръ въ этотъ періодъ вліянія нѣмецкой слободы, Лефортовскаго вліянія? Развитіе шло быстро; отъ работы, которая имѣла видъ потѣхи, Петръ переходилъ къ настоящему дѣлу; и Бѣлое море становилось тѣсно, плаваніе по немъ безцѣльно, имѣло также видъ потѣхи, а потѣхи уже наскучивали, не удовлетворяли, отъ нихъ оставалась пустота въ душѣ, отъ нихъ саднило на сердцѣ. Человѣкъ мужалъ и являлась потребность сдѣлать что нибудь важное, полезное. Что же сдѣлать? Сначала, какъ обыкновенно, прельщаютъ мечты, молодой человѣкъ еще рвется на предпріятія далекія, имѣющія связь съ любимымъ занятіемъ; зачѣмъ безъ цѣли строить корабли въ Архангельскѣ, заказывать ихъ иностранцамъ? Нельзя ли чрезъ сѣверный Океанъ отыскать проходъ къ Китаю, Индіи? Потомъ мечта уступаетъ мысли серіозной, осуществимой; на юговостокѣ Россія прикасается также къ морю, имѣющему выгодное положеніе, чрезъ него можно ближе, удобнѣе завести торговыя сношенія съ богатыми странами Азіи; на него давно уже иностранцы указывали московскому правительству, требуя свободнаго проѣзда къ нему для торговли: это Каспійское море. Надобно строить корабли для него, надобно ѣхать въ Астрахань, завести сношенія съ Персіею. И такъ движеніе на востокъ, къ Азіи; но естественно ли такое движеніе въ тотъ періодъ жизни народа, когда онъ именно стремился уйти съ востока на западъ, когда все вниманіе его было обращено на Европу? Естественно ли было ожидать, чтобъ Петръ началъ съ Каспійскаго моря? И вотъ поѣздка въ Казань и Астрахань, не смотря на видимую пользу, практичность, приложимость, откладывается, какъ дѣло тяжелое, непріятное. Все вниманіе и желаніе обращено на западъ, тамъ завѣтное море, туда надобно пробраться; но какъ? заперто и ключь у Шведовъ. Мысль кружится около Россіи, постоянно останавливается у Балтійскаго моря, постоянно должна отступать, отталкиваться отъ него, и все же опять, неодолимо влечется къ нему. Молодой орелъ бьется въ клѣткѣ. Но молодой орелъ ростетъ, мужаетъ; уставши отъ круженія мысли около Россіи, молодой человѣкъ мало по малу, войдетъ внутрь ея, станетъ на дѣйствительную почву, начнетъ заниматься настоящимъ, текущимъ дѣломъ. Сѣверный Океанъ, Китай, Индія, Каспійское море, Персія, Балтійское море, въ которое труднѣе пробраться, чѣмъ въ Восточный Океанъ, все это мечты, сказочные подвиги богатыря, ищущаго приключеній, отправляющагося на поискъ заколдованнаго терема, спящей царевны и т. п.; человѣкъ пробуждается, грезы исчезаютъ; является жизнь, наяву, настоящая, дѣйствительная, а настоящее, дѣйствительное-это Россія съ ея внутреннею и внѣшнею жизнію, вотъ чѣмъ надобно заняться. Что же здѣсь на первомъ планѣ? Война съ Турціею, война, начавшаяся въ правленіе Софьи, и ведшаяся при ней неудачно; надобно загладить эти неудачи,

кончить войну съ честію, славою, здѣсь самый удобный случай выступить на сцену достойно передъ Россіею и Европою; а война идетъ Европейская, первая Европейская война для Россіи въ союзѣ съ Европейскими государствами. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича продолжительная тяжкая война Россіи съ Польшею за Малоросію кончилась крайнимъ истощеніемъ обоихъ государствъ, съ тѣмъ различіемъ, что Россія имѣла средства поправиться, а Польша ихъ не имѣла. По окончаніи этой войны польскій вопросъ получаетъ новый видъ. Оказалось, что Россіи нечего бояться Польши; Польша не будетъ болѣе помѣхою движенію Россіи въ Европу; напротивъ Польша должна затянуть Россію въ европейскія дѣла, въ общую европейскую жизнь, если бы даже Россія этого и не хотѣла: Польша по своему безсилію, по своему страдательному положенію, становилась ареною, на которой должны были бороться чужіе народы, бороться съ оружіемъ въ рукахъ и дипломатическими средствами; Россія не могла оставаться праздною зрительницею этой борьбы, волею-неволею она должна принять въ ней участіе, не дать усилиться здѣсь враждебному вліянію, не дать чужимъ захватить своего, русскаго, а извѣстно, сколько было русскаго добра у рѣчи посполитой польской. Гдѣ трупъ, тамъ соберутся орлы, и хищники вились надъ Польшею. Козакъ Дорошенко, гетманъ польской Украйны, кликнулъ турецкаго султана на добычу, поддавшись ему, Турки явились на зовъ и разгромили Польшу, объявляя притязаніе на всю Украйну, которую именемъ козачества, отдавалъ имъ Дорошенко. Такимъ образомъ Россія втягивалась въ первый разъ непосредственно въ войну съ Турціею, и естественно должна была помогать Польшѣ. Турки, въ послѣдній разъ передъ упадкомъ своимъ, явились грозны для сосѣдей; Австріи, Венеціи предстояла страшная опасность; Вѣна подверглась осадѣ. Такое положеніе естественно вело къ союзу этихъ сосѣдей противъ общаго врага, врага всему христіанству. Россія и Польша заключили вѣчный миръ; Янъ Собѣскій со слезами подписалъ знаменитый Московскій договоръ, по которому Кіевъ навсегда оставался за Россіею; но за эти слезы Россія должна была заплатить дѣятельною помощію Польшѣ противъ Турокъ. Впервые Россія вступала въ общее дѣйствіе съ европейскими державами, съ Польшею, Австріею, Венеціею, явилась членомъ этого союза, который назывался священнымъ. Въ Москвѣ рѣшено было дѣйствовать противъ Крыма, чтобъ удержать Татаръ отъ поданія помощи Туркамъ. Два степныхъ похода на Крымъ, соединенные съ страшными тягостями для войска, были неудачны, что наложило пятно на правленіе Софіи, на ея любимца, кн. В. В. Голицына, предпринимавшаго эти походы. Крупныхъ военныхъ дѣйствій не было до тѣхъ поръ, пока въ развитіи Петра не произошелъ поворотъ отъ юношеской мечты, отъ неясныхъ стремленій, неопредѣленныхъ порывовъ къ дѣйствительности, отъ юношеской потѣшной дѣятельности къ труду государя. Надобно было продолжать энергически и кончить съ честію и пользою турецкую войну, тѣмъ болѣе, что восточный вопросъ представлялся уже съ тѣмъ великимъ политическимъ и нравственнымъ значеніемъ, какое онъ имѣетъ въ жизни русскаго народа. Іерусалимскій патріархъ писалъ, что Французы, пользуясь враждою между Россіею и Портою, отнимаютъ святыя мѣста у православныхъ. „Намъ лучше жить съ Турками, чѣмъ съ Французами, писалъ патріархъ, но вамъ не полезно, если Турки останутся жить на сѣверѣ отъ Дуная, или въ Подолѣ, или на Украйнѣ, или если Іерусалимъ оставите въ ихъ рукахъ: худой это будетъ миръ, потому что ни одному государству Турки такъ не враждеб-

ны какъ вамъ. Если не будетъ освобождена Украйна и Іерусалимъ, если Турки не будутъ изгнаны изъ Подоліи, не заключайте мира съ ними, но стойте крѣпко. Если будутъ отдавать вамъ весь Іерусалимъ, а Украйны и Подоліи не уступятъ — не заключайте мира. Помогите Полякамъ и другимъ пока здѣшніе погибнутъ. Впередъ такого времени не сыщете какъ теперь. Вы упросили у Бога, чтобъ у Турокъ была война съ Нѣмцами; теперь такое благопріятное время, а вы не радѣете? Въ досаду вамъ Турки отдали Іерусалимъ Французамъ и васъ ни во что ставятъ. Много разъ вы хвалились, что хотите сдѣлать и то и другое, и все оканчивалось одними словами, а дѣла не явилось никакого.“ Не Петру было слушать, что дѣло не явилось. Дѣло явилось въ 1695 году. Но *шкиперъ* не пойдетъ въ степной походъ; онъ подплыветъ къ сильной турецкой крѣпости Азову, загораживающей дорогу къ морю. Шкиперъ подплылъ подъ Азовъ, преодолѣвъ большія препятствія, задержки: „больше всѣхъ задержка была отъ глупыхъ кормщиковъ и работниковъ, которые именемъ слывутъ мастера, а дѣло отъ нихъ, что земля отъ неба, писалъ Петръ: но, продолжалъ онъ, по молитвамъ св. апостолъ, яко на камени утвердясь, несомнѣнно вѣруемъ, яко сыны адскіе не одолѣютъ насъ.“ При осадѣ шкиперъ превратился въ бомбардира, самъ чинилъ гранаты и бомбы, самъ стрѣлялъ и записалъ: „Зачалъ служить съ перваго азовскаго похода бомбардиромъ.“ Но дѣло не сдѣлалось, Азовъ не былъ взятъ; Петръ возвратился въ Москву и начинается страшная дѣятельность. Царь вызываетъ изъ-за границы новыхъ мастеровъ, изъ Архангельска иностранныхъ корабельныхъ плотниковъ, хочетъ строить суда, которыя должны плыть къ Азову и запереть его отъ турецкихъ судовъ, дававшихъ помощь осажденнымъ. Это было въ ноябрѣ 1695; корабли должны быть готовы къ веснѣ будущаго 1696 года. Возможно ли это? Въ Москвѣ строятъ галеры по образцу привезенной изъ Голландіи; въ лѣсныхъ мѣстахъ, ближайшихъ къ Дону, 26,000 работниковъ рубятъ струги, лодки, плоты. Въ началѣ 1696 года Петръ съ больною ногою ѣдетъ въ Воронежъ. Опять препятствія, задержки: иностранные лѣкаря пьютъ и въ хмѣлю колятъ другъ друга шпагами, подводчики бѣгутъ съ дороги, бросая перевозимыя вещи; лѣса горятъ именно тамъ, гдѣ рубятъ струги; въ Воронежѣ капитанъ кричитъ, что въ кузницѣ уголья нѣтъ; морозъ не во время снова леденитъ рѣки и останавливаетъ работы; но Петръ не отчаявается: „Мы, пишетъ онъ, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой.“ Этотъ хлѣбъ ѣлъ онъ въ маленькомъ домикѣ, состоявшемъ изъ двухъ комнатъ. И вотъ лѣтомъ въ Москвѣ получаютъ отъ него письмо: „Господь Богъ двалѣтніе труды и крови наши милостію своею наградилъ: Азовцы, видя конечную свою бѣду, сдались.“ Неудача, сламывающая слабаго, возбуждаетъ силы сильнаго; неудача перваго азовскаго похода выказала тѣ громадныя силы, которыми обладалъ Петръ; здѣсь послѣдовало явленіе великаго человѣка. Съ этихъ поръ мы будемъ имѣть дѣло съ Петромъ *Великимъ*.

ЧТЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Послѣ неудачи не отчаяваться, но усилить трудъ для того, чтобъ какъ можно скорѣе поправиться; послѣ удачи не отдыхать, не складывать рукъ, но также усили-

вать трудъ, чтобъ воспользоваться плодами удачи—вотъ примѣта великаго человѣка. По возвращеніи изъ втораго азовскаго похода, у царя идутъ совѣщанія съ боярами: „Нельзя довольствоваться тѣмъ, говоритъ Петръ, что Азовъ взятъ; послѣ осады онъ въ самомъ печальномъ положеніи, надобно его укрѣпить, устроить, снабдить жителями и гарнизономъ; но и этого мало; сколько бы мы войска не ввели въ Азовъ, Турокъ и Татаръ не удержимъ, тѣмъ болѣе, что конницы тамъ много имѣть нельзя. Надобно воевать моремъ; для этого нуженъ флотъ или карованъ морской въ 40 и болѣе судовъ. Прошу порадѣть отъ всего сердца для защиты единовѣрныхъ и для своей безсмертной памяти. Время благопріятное, фортуна сквозь насъ бѣжитъ, никогда она къ намъ такъ близко на югѣ не бывала: блаженъ, кто схватитъ ее за волосы.“ Рѣшено поднять общими силами великую, небывалую тягость строенія флота. Землевладѣльцы, патріархъ, архіереи и монастыри, бояре и всѣ служилые люди съ извѣстнаго числа крестьянскихъ дворовъ ставятъ по кораблю; торговые люди должны поставить 12 кораблей. Общее дѣло: надобно соединяться, складываться и потому составляется нѣсколько компаній (кумпанствъ). Кромѣ русскихъ плотниковъ каждое кумпанство обязано было содержать на свой счетъ мастеровъ и плотниковъ иностранныхъ, переводчиковъ, кузнецовъ, рѣзчика, столяра, живописца, лѣкаря съ аптекою. Чѣмъ больше новаго необходимаго дѣла, тѣмъ больше нужды въ иностранцахъ, которыхъ надобно вызывать толпами. Долго ли же такъ будетъ? долго ли оставаться въ такой зависимости отъ иностранцевъ? Необходимо, чтобъ русскіе скорѣе выучились, скорѣе и какъ можно лучше выучились: для этого надобны большія средства, а главное, лучшіе учителя. Но западная Европа вдругъ не перенесетъ къ намъ своихъ средствъ, накопленныхъ вѣками, и не пришлетъ къ намъ лучшихъ своихъ учителей. Надобно слѣдовательно послать русскихъ людей учиться за границу, и 50 человѣкъ молодыхъ придворныхъ отправились въ Венецію, Англію и Голландію. Но какъ они тамъ будутъ учиться, у кого? какъ потомъ узнать, хорошо ли они выучились, всѣмъ ли воспользовались и къ чему способны? Надобно, чтобъ кто-нибудь изъ русскихъ прежде ихъ тамъ выучился, все узналъ, и кто же будетъ этотъ русскій первый ученикъ? Разумѣется начальный человѣкъ въ великой работѣ, на которую шелъ народъ, извѣстный шкиперъ, бомбардиръ и капитанъ. Въ 1697 году по Европѣ проходятъ странныя вѣсти: при разныхъ дворахъ является русское посольство, въ челѣ его два великихъ полномочныхъ посла, одинъ иностранецъ, женевецъ Лефортъ, другой русской Головинъ; въ свитѣ посольства удивительный молодой человѣкъ, называется Петръ Михайловъ; онъ отдѣляется отъ посольства, останавливается въ разныхъ мѣстахъ, учится, работаетъ, особенно занимается морскимъ дѣломъ, но ничто не ускользаетъ отъ его вниманія, жажда знанія, понятливость, способности необыкновенныя, — и этотъ необыкновенный человѣкъ самъ царь русскій. Явленіе, никогда не бывалое въ исторіи, возбуждаетъ сильное любопытство, и вотъ двѣ женщины, которыя могли справедливо считаться представительницами западно-европейскаго цивилизованнаго общества по своимъ способностямъ и образованію, спѣшатъ посмотрѣть на диковину, на дикаря, который хочетъ быть образованнымъ и образовать свой народъ; эти женщины были: ганноверская курфюрстина Софія, и дочь ея, курфюрстина бранденбургская Софія Шарлота. Какое же впечатлѣніе произвелъ на нихъ Петръ? Вотъ ихъ отзывъ: „Я представляла себѣ его гримасы хуже, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ и удержаться отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не въ его власти. Видно также, что его не выучили ѣсть

опрятно; но мнѣ понравилась его естественность и непринужденность,“ говоритъ одна; другая распространяется болѣе: „Царь высокъ ростомъ; у него прекрасныя черты лица и благородная осанка; онъ обладаетъ большою живостію ума, отвѣты его быстры и вѣрны. Но при всѣхъ достоинствахъ, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтобъ въ немъ было поменьше грубости. Это государь очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной; въ нравственномъ отношеніи онъ полный представитель своей страны. Еслибъ онъ получилъ лучшее воспитаніе, то изъ него вышелъ бы человѣкъ совершенный, потому что у него много достоинствъ и необыкновенный умъ.“

Странный, а можетъ быть и оскорбительный отзывъ? Государь очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной! Дѣйствительно мы къ такому рѣзкому сопоставленію противоположныхъ сторонъ не привыкли. По слабости своей природы человѣкъ съ большимъ трудомъ привыкаетъ къ многосторонности взгляда, для него гораздо легче, покойнѣе и пріятнѣе видѣть одну сторону предмета, явленія, на одну сторону клонить свои отзывы, бранить такъ бранить, хвалить такъ хвалить. Найдутъ хорошее качество, хорошій поступокъ, хорошее слово у какого-нибудь Нерона и пишутъ цѣлыя сочиненія, что напрасно считаютъ Нерона Нерономъ, онъ былъ хорошій человѣкъ, и найдутся люди, которые восхищаются: ахъ какая новая мысль: Неронъ былъ хорошій человѣкъ; честь и слава историку, который открылъ такую новость, наука двинулась впередъ. Отыщутъ дурное качество или дурной поступокъ у человѣка, который пользовался славою, противоположною славѣ Нерона, и начинаются толки, что напрасно величали его благодѣтельную дѣятельность, вотъ какой дурной поступокъ онъ сдѣлалъ тогда-то; а другіе возстаютъ съ ожесточеніемъ на дерзкаго, осмѣлившагося заявить, что въ солнцѣ есть пятна; въ солнцѣ не можетъ быть пятенъ, въ дѣятельности такого-то знаменитаго дѣятеля не можетъ быть темныхъ сторонъ, въ ней все хорошо, кто находитъ, что не все хорошо, тотъ человѣкъ злонамѣренный, и вотъ этого злонамѣреннаго благонамѣренные стараются принести въ жертву памяти знаменитаго человѣка; жертва языческая, закланіе человѣка тѣнямъ умершихъ! А все отъ того, что забывается чему учатъ въ раннемъ дѣтствѣ, забываются двѣ первыя заповѣди, что Богъ единъ, одно только существо совершенное, и не должно имѣть другихъ боговъ, не должно творить себѣ кумировъ изъ существъ несовершенныхъ. Памятованіе этихъ заповѣдей есть первая обязанность историка, если онъ дѣйствительно хочетъ двигать впередъ свою науку, хочетъ представлять живыхъ людей, съ свѣтлыми и темными сторонами ихъ умственной и нравственной дѣятельности, называя знаменитыми тѣхъ, у кого результаты дѣятельности свѣтлыхъ сторонъ далеко превысили результаты дѣятельности темныхъ, называя великими тѣхъ, которые по свѣту и теплотѣ своей дѣятельности являются солнцами, хотя и не безъ пятенъ, которые окупили свои темныя стороны великими дѣлами, великими жертвами, которымъ много оставляется, потому что возлюбили много.

Поэтому мы нисколько не смутимся приговоромъ образованной наблюдательной женщины надъ нашимъ Петромъ. Онъ ей показался очень хорошимъ и вмѣстѣ очень дурнымъ, и мы даже не ограничимъ этого дурнаго однимъ внѣшнимъ, не скажемъ, чтобы эта владѣтельная дама образованной Европы была оскорблена внѣшнею грубостію, незнаніемъ правилъ внѣшняго приличія, неумѣньемъ ѣсть опрятно: мы признаемъ, что здѣсь дѣло идетъ не объ одномъ внѣшнемъ. Петръ былъ человѣкъ одаренный необыкновенными силами: дѣло воспитанія состоитъ въ томъ, чтобъ пріучать

человѣка давать правильное употребленіе своимъ силамъ, ставить нравственныя границы для нихъ. Воспитаніе не оканчивается домомъ, школою; воспитываетъ главнымъ образомъ общество; оно воспитываетъ хорошо, если выработало извѣстные нравственные законы, поставило нравственныя границы и зорко смотритъ, чтобъ личная сила не переступила ихъ; общество воспитываетъ хорошо, если даетъ просторъ всякой силѣ въ ея хорошемъ направленіи и сейчасъ же ее сдерживаетъ, какъ скоро она уклонилась отъ этого направленія. Что обыкновенно дѣлаетъ человѣкъ, когда отправляется изъ дому въ общество, гдѣ встрѣтитъ людей, къ которымъ питаетъ уваженіе: онъ заботится чтобъ все его внѣшнее не произвело невыгоднаго впечатлѣнія, онъ охорашивается, старается вести себя прилично. Благо тому обществу, которое необходимо требуетъ, чтобъ каждый членъ, входя въ него, нравственно охорашивался, чтобъ каждая сила употреблялась надлежащимъ образомъ, чтобъ личная сила не переступала извѣстныхъ нравственныхъ границъ, поставленныхъ общественнымъ самоуваженіемъ, общественнымъ тактомъ: такое общество даетъ хорошее воспитаніе человѣку. Но горе тому обществу, гдѣ сила не находитъ себѣ нравственныхъ границъ, гдѣ она не считается съ другими силами, не чувствуетъ обязанности сторониться передъ ними, гдѣ передъ нею разступается доступная ея давленію, мягкая, слабая толпа и сила разнуздывается безпрепятственно. Горе тому обществу, которое не можетъ встрѣтить каждую силу строгимъ допросомъ: откуда она и куда направлено ея стремленіе, не можетъ испытать, настоящая ли это сила, или фальшивая, самозванная; горе тому обществу, которое способно преклониться и служить этой фальшивой, самозванной силѣ. Горе тому обществу, въ которое можно вступить, не охорашиваясь нравственно, съ полнымъ неряшествомъ, безъ уваженія къ общественному глазу въ дѣлахъ своихъ, безъ уваженія къ общественному уху въ словахъ своихъ, безъ уваженія къ общественному смыслу въ мысляхъ своихъ. Горе тому обществу, гдѣ порокъ не ищетъ темныхъ угловъ, но горделиво разгуливаетъ при дневномъ свѣтѣ по улицамъ и площадямъ. Горе тому обществу, которое не умѣетъ повѣрять ни словъ, ни дѣлъ, которое безотчетно увлекается какъ ребенокъ первымъ движеніемъ, первымъ громкимъ словомъ. Такое общество не можетъ дать хорошаго воспитанія: дѣти могутъ ли воспитать мужей?

Мы видѣли, что Петръ не могъ получить школьнаго воспитанія, разумѣя подъ нимъ правильное научное образованіе умственное и нравственное подъ руководствомъ болѣе или менѣе искусныхъ наставниковъ. Но, быть можетъ, общество могло восполнить этотъ недостатокъ, могло дать ему хорошее воспитаніе? Послѣ внимательнаго разсмотрѣнія состоянія стариннаго русскаго общества, въ которомъ Петръ необходимо долженъ былъ воспитываться, мы получимъ отвѣтъ отрицательный. Физической разбросанности, разрозненности народа соотвѣтствовала нравственная несплоченность общества и потому невозможность выработать крѣпкія нравственныя границы для силъ, которымъ предоставлялся широкій степной просторъ; личная сила могла встрѣтить себѣ сдержку въ другой большой личной силѣ, или въ собирательной физической силѣ толпы. Дурной воевода, напримѣръ, могъ дѣлать все что хотѣлъ, нравственныхъ сдержекъ не было, онъ могъ пасть если встрѣчался съ какимъ-нибудь другимъ болѣе сильнымъ лицомъ, или отъ возстанія, бунта толпы, выведенной изъ терпѣнія его насиліями. Экономическія условія, о которыхъ была рѣчь прежде, не могли вести къ благопріятнымъ для нравственныхъ сдержекъ отношеніямъ,

ибо эти условія заставили невооруженную часть народонаселенія непосредственно кормить вооруженную. Не выработались извѣстныя, сословныя группы, крѣпкія своею внутреннею сплоченностію, сознаніемъ своихъ общихъ интересовъ, своихъ правъ, опредѣленностью своихъ отношеній другъ къ другу, сознаніемъ, которое могло поднимать нравственно каждаго члена такой группы, сильнаго не личною силою, но своею крѣпкою связью съ сочленами своими при равенствѣ между ними. Всѣ отношенія основывались на личной силѣ: человѣкъ безусловно подчинялся болѣе сильному и въ то же время безусловно подчинялъ себѣ менѣе сильнаго, и такимъ образомъ преобладающимъ отношеніемъ было отношеніе господина къ рабу. Отсутствіе образованія, науки, задерживало развитіе духовныхъ силъ, не вело къ появленію особаго рода авторитетовъ, сильныхъ не физическою силою, не силою своего положенія, но средствами исключительно нравственными. Отсутствіе образованія, науки отнимало возможность самостоятельно относиться къ каждому явленію, повѣрять его, отличать истинные авторитеты отъ ложныхъ. Отсутствіе образованія, науки давало то печальное духовное равенство, при которомъ различію по матеріальнымъ средствамъ давалась полная сила. Все это вмѣстѣ съ долговременнымъ отчужденіемъ народа отъ общенія съ народами, стоявшими на ровной или высшей ступени общественнаго развитія, постоянное обращеніе съ народами, стоявшими на нисшей ступени, не могло благопріятно дѣйствовать на состояніе общества въ древней Россіи, давать ему возможность хорошо воспитывать своихъ членовъ. Нравы были грубы, и намъ не нужно входить въ подробности для доказательства сказаннаго, стоитъ указать на одно доказательство ясное и неопровержимое — затворничество женщины. Существо, отъ котораго преимущественно зависитъ соблюденіе чистоты семейной, наряда внутренней жизни, и существо слабое матеріально, женщина не могла быть безопасна въ обществѣ, на улицѣ; въ обществѣ мужчинъ, дома и внѣ дома глазъ ея не былъ безопасенъ отъ оскорбительнаго для нравственности зрѣлища, ухо отъ оскорбительнаго для нравственности слова, существо слабое физически не было безопасно при отсутствіи уваженія сильнаго къ слабому вообще. Но при такихъ условіяхъ естественное и необходимое дѣло уйти, спрятаться, запереться, не выглядывать на свѣтъ, чтобъ не видать дѣлъ темныхъ. При объясненіи этого явленія не нужно прибѣгать къ мудрствованіямъ, натяжкимъ, предполагать какія то чужія вліянія; дѣло объясняется для каждаго ясно: выпустимъ ли мы женщину или ребенка ночью на улицу, когда знаемъ, что на улицѣ не безопасно, тоже сдѣлаемъ и днемъ, когда удостовѣримся, что и днемъ не безопасно; при отсутствіи безопасности сильный выходитъ вооруженный, слабый сидитъ дома запершись: такъ естественно произошло затворничество женщины въ древнемъ русскомъ обществѣ, разумѣется въ классахъ достаточныхъ, гдѣ женщина могла не быть работницею, обязанною поневолѣ выходитъ изъ дому. Понятно, что такое общество не могло дать хорошаго воспитанія, понятно, что представитель такого общества являлся очень дурнымъ, хотя по природнымъ своимъ качествамъ былъ очень хорошимъ человѣкомъ. Петръ обладалъ необыкновеннымъ нравственнымъ величіемъ: это величіе выражалось въ томъ, что онъ не побоялся сойти съ трона и стать въ ряды солдатъ, учениковъ и работниковъ, когда сознаалъ что необходимо ввести въ свой народъ силу, до тѣхъ поръ мало извѣстную и въ почетѣ не находившуюся, силу умственнаго развитія, искусства и личной заслуги. Необыкновенное нравственное величіе Петра выражалось въ способности

уважать нравственное величіе въ другихъ и сдерживаться имъ; какъ бы онъ ни былъ раздраженъ, онъ умѣлъ всегда преклониться предъ подвигомъ гражданскаго мужества, предъ рѣзкимъ, но правдивымъ словомъ подданнаго, которое противорѣчило его собственному взгляду. Но въ то же время Петръ былъ человѣкъ въ высшей степени страстный, и тамъ, гдѣ онъ видѣлъ явную ошибку, злонамѣренность, преступленіе, тамъ онъ уже не сдерживался, выходилъ изъ себя, становился свирѣпъ, употреблялъ матеріальныя средства для прекращенія зла и вѣрилъ въ ихъ дѣйствительность, тамъ онъ схватывался съ человѣкомъ, какъ съ личнымъ врагомъ своимъ и позволялъ себѣ терзать его. Петръ умѣлъ сдерживаться уваженіемъ къ хорошему человѣку, и отъ этого проистекали безчисленныя благодѣтельныя послѣдствія; но онъ не умѣлъ сдерживаться уваженіемъ къ человѣку, какъ человѣку. Скажутъ, что это происходило отъ дурного воспитанія, общество не могло хорошо воспитать его, ибо не выработало въ себѣ нравственныхъ здержекъ для сильнаго человѣка. Историкъ отвѣтитъ, что это объясненіе, которое вполнѣ принимается, объясненіе, но не оправданіе; темная сторона остается и мы признаемъ вѣрнымъ отзывъ умной принцессы, что Петръ былъ очень хорошій и очень дурной человѣкъ. Послѣднее не отниметъ у насъ права признать вполнѣ первое, признать необыкновенное величіе человѣка и дѣлъ его; оно только не позволитъ намъ сотворить себѣ кумиръ и воздать человѣку поклоненіе большее чѣмъ достоитъ человѣку.

Когда при этомъ свиданіи двухъ курфюрстинъ съ Петромъ зашелъ разговоръ о томъ, чѣмъ молодой царь любитъ больше всего заниматься, Петръ показалъ свои руки жесткія отъ работы. Такимъ образомъ и предъ Западною Европою Петръ явился въ томъ же образѣ, въ какомъ явился передъ своею Россіею. Въ голландскомъ мѣстечкѣ Сардамѣ появился молодой, красивый плотникъ изъ Россіи, Петръ Михайловъ; въ свободное отъ работы время плотникъ ходитъ по фабрикамъ и заводамъ, все ему нужно видѣть, обо всемъ узнать, какъ дѣлается, самому принять участіе въ производствѣ. Изъ Сардама плотникъ перешелъ на амстердамскія верфи; и тутъ занимался не однимъ плотничествомъ; его видѣли повсюду, въ госпиталяхъ, воспитательныхъ домахъ, на фабрикахъ и въ мастерскихъ, на профессорскихъ лекціяхъ, которыя иногда читались для него на яхтѣ, во время пути, ибо надобно было дорожить каждою минутою. Ненасытная жадность все видѣть и знать приводила въ отчаяніе голландскихъ провожатыхъ; только и слышалось: „это я долженъ видѣть,“ и надобно было вести, несмотря ни на какія затрудненія. Но обиліе любопытныхъ предметовъ, которые представила ему западная Европа, не подавило его духа; онъ не забывалъ, что прежде всего онъ русскій, и царь, и потому идетъ дѣятельная переписка съ людьми, оставленными работать въ Россіи, доканчивать то, что было начато до поѣздки за границу. Въ Россіи уже были оставлены имъ усердные работники; молодой царь уже отличался этою изумительною вѣрностію взгляда при выборѣ людей, которая помогла ему набрать столько сотрудниковъ, наготовить способныхъ людей не на одно только свое царствованіе, оставить Россіи драгоцѣнное наслѣдство, которымъ она жила долго и по смерти преобразователя. Извѣстна эта способность Петра съ перваго взгляда, посмотрѣвъ внимательно въ лицо человѣку, даже ребенку, угадывать въ немъ полезнаго дѣятеля. При этомъ Петру помогала широта выбора; онъ не стѣснялся ни чѣмъ, бралъ способности одинаково сверху и снизу; не стѣснялся и возрастомъ, приготовляя молодое поколѣніе работниковъ по всѣмъ частямъ государственной дѣятельности.

онъ не обходилъ и старика, который могъ изумить молодыхъ своею неутомимою дѣятельностію. Такъ въ это время изумлялъ ею старикъ Виніусъ, обрусѣлый иноземецъ, открывшій сибирскія минеральныя богатства: „Особенно болитъ сердце, писалъ Виніусъ Петру за границу, что иноземцы высокою цѣною продавъ шведское желѣзо и побравъ деньги, за границу поѣхали, а наше сибирское желѣзо гораздо лучше шведскаго.“ Петръ хлопоталъ, чтобъ у Виніуса не болѣло сердце, хлопоталъ о наборѣ иностранныхъ мастеровъ, которые бы помогли на первый разъ разработать русскія минеральныя богатства. Олонецкіе заводы уже начали свою дѣятельность. Такимъ образомъ Петръ, работая на иностранныхъ верфяхъ, не спускалъ глазъ съ Россіи, участвовалъ и въ работѣ, въ ней производившейся. На печатяхъ писемъ, присылаемыхъ Петромъ въ Россію, читалась надпись: „Азъ бо есмь въ чину учимыхъ, и учащихъ мя требую.“ Къ патріарху онъ писалъ: „мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами при добромъ состояніи живы, и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся, что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями, и христіанъ, тамо будущихъ, свободителями благодатію Его, быть, чего до послѣдняго издыханія желать не престану.“ Въ началѣ 1698 года Петръ уже въ Англіи, работаетъ на дептфортской верфи, оканчиваетъ здѣсь кораблестроительную науку, дѣлаетъ, какъ и на твердой землѣ, большой наборъ мастеровъ. Проведя три мѣсяца въ Англіи, онъ опять на твердой землѣ и направляетъ путь въ Вѣну: здѣсь надобно хлопотать, чтобъ императоръ не заключалъ отдѣльнаго мира съ Турками, чтобъ Россію не оставили одну въ войнѣ съ ними, при чемъ трудно было бы заключить скорый и выгодный миръ. Изъ Вѣны Петръ собрался въ Венецію, въ это южное морское государство — но вмѣсто Венеціи надобно было возвратиться въ Россію: тамъ бунтовали стрѣльцы.

Стрѣльцы и Петръ — мы привыкли въ этихъ явленіяхъ представлять себѣ что-то крайне враждебное другъ другу. Но при этой враждебности нельзя останавливаться только на личныхъ отношеніяхъ стрѣльцовъ къ Петру. Первыя впечатлѣнія, впечатлѣнія дѣтства бываютъ самыя сильныя, ими воспитывается, слагается человѣкъ. Намъ укажутъ ребенка, одареннаго необыкновенно сильною природою, огненнаго, страстнаго, и скажутъ, что этотъ ребенокъ, какъ только началъ понимать, находился среди тяжкихъ, раздражающихъ впечатлѣній, какъ только началъ понимать, существа самыя близкія, начиная съ матери, питаютъ его горькими жалобами на гоненія, неправду и такимъ образомъ постоянно раздражаютъ его, держатъ это нѣжное, распускающееся растеніе подъ палящимъ, изсушающимъ вѣтромъ вражды, ненависти; намъ скажутъ, что этому ребенку наконецъ прояснили душу, порадовали, объявили, что гоненія кончились, онъ объявленъ царемъ, его мать весела, ея родные, ея благодѣтель возвращаются изъ ссылки, и вдругъ въ слѣдъ за этимъ ужасныя, кровавыя сцены бунта, мать въ отчаяніи, ея братья, благодѣтель истерзаны; опять гоненія, опять безпрестанныя жалобы: какъ становится страшно за этого ребенка, воспитывающагося подъ такими впечатлѣніями, и чѣмъ сильнѣе его природа, тѣмъ страшнѣе за него. Какой губительный ядъ принялъ онъ и въ какомъ количествѣ! Говорятъ, что десятилѣтній Петръ сохранялъ изумительное спокойствіе, твердость во время стрѣлецкаго бунта: тѣмъ хуже: лучше бы онъ кричалъ, плакалъ, бросался въ отчаяніи, ломалъ себѣ руки!

онъ былъ твердъ и спокоенъ, а откуда это трясеніе головы, откуда эти конвульсіи въ лицѣ, эти гримасы, о которыхъ говорила намъ недавно нѣмецкая принцесса, и отъ которыхъ не въ его власти было удержаться? Петръ вышелъ изъ своей тяжелой школы отравленнымъ этою семейною борьбою между мачихой и падчерицами, этою кровью, которою стрѣльцы такъ усердно поливали передъ нимъ кремлевскую почву. Что-то выйдетъ изъ него? въ русской исторіи былъ уже примѣръ царственнаго ребенка, высоко даровитаго и страстнаго, воспитаннаго подобнымъ же образомъ: изъ этого ребенка вышелъ Іоаннъ Грозный. Не отыщется ли, къ счастію Россіи, какое-нибудь противоядіе? Кажется отыскалось: это кипучая практическая дѣятельность, постоянное пребываніе въ работѣ, а трудъ есть могущественное средство успокоенія, просвѣтленія души, трудъ, соотвѣтствующій, разумѣется, силамъ, а какой трудъ могъ соотвѣтствовать силамъ Петра: трудъ преобразованія! Древняя Россія дала ядъ великому человѣку въ стрѣлецкомъ бунтѣ, она же представила и противоядіе въ своей потребности преобразованія, въ своей готовности къ нему. Пусть же молодой человѣкъ пребываетъ въ работѣ, эта работа вылѣчиваетъ его отъ яда, принятаго въ дѣтствѣ; пусть не знаетъ покоя, бросается къ широкому морю, пусть строитъ корабль, на которомъ человѣкъ борется съ страшною волнующеюся стихіею и владѣетъ ею, пусть молодой царь упражняетъ свои силы въ этомъ трудѣ, въ этой борьбѣ, столь достойной человѣка; чѣмъ болѣе, чѣмъ многообразнѣе онъ будетъ трудиться, чѣмъ далѣе уйдетъ, чѣмъ болѣе предметовъ завидитъ и усвоитъ себѣ, тѣмъ скорѣе успокоится, скорѣе просвѣтлѣетъ душою, скорѣе дастся перевѣсъ добрымъ въ ней началамъ, скорѣе онъ забудетъ о стрѣлецкомъ бунтѣ, о кремлевской крови.

Но ему не даютъ забыть: только, что собрался за границу, какъ узнаетъ, что люди недовольные имъ и его дѣломъ дожидаются его отъѣзда для исполненія своихъ замысловъ, ихъ надежда на стрѣльцовъ и козаковъ, надежда, что одни начнутъ съ одного конца, а другіе съ другого. Смутники были переказнены; Петра проводили кровавыми проводами. Путешествіе, сильная дѣятельность за границею успокоили его; онъ сбирается окончить путешествіе, посмотрѣвъ на царицу южнаго моря, на Венецію; онъ возвратится домой спокойный, довольный, съ богатою добычею... Нѣтъ, поѣхалъ отъ крови и возвратится къ крови; ему не даютъ окончить путешествіе; его зовутъ раздѣлываться съ стрѣльцами. Софья не умерла для міра въ монастырской кельѣ; она воспользовалась отсутствіемъ брата и опять обратилась къ стрѣльцамъ, и на этотъ разъ стрѣльцы откликнулись, потому что были недовольны, сильно раздражены. Они видѣли ясно, что имъ предстоитъ тяжкое преобразованіе: изъ стрѣльцовъ превратиться въ солдатъ. Стрѣлецъ несъ легкую службу: сходитъ на караулъ и свободенъ; у него свой домъ въ слободѣ, своя семья, своя лавочка, гдѣ онъ торгуетъ въ свободное время. Но теперь постоянная, тяжелая служба. Стрѣльцы оторваны отъ привольной московской жизни и двинуты на край свѣта — въ Азовъ; ждутъ не дождутся когда отпустятъ ихъ домой въ Москву, а тутъ указъ, велятъ имъ идти на другой край свѣта—на Литовскую границу, куда царь велѣлъ собирать войска, чтобъ поддерживать избраніе на польскій престолъ пригоднаго для Россіи кандидата, курфюрста Саксонскаго Августа. Тоска стрѣльцовъ по Москвѣ достигла высшей степени; нѣкоторые бѣжали изъ полковъ въ Москву и принесли оттуда товарищамъ призывъ отъ царевны Софьи: „Теперь вамъ худо, а впредь будетъ еще хуже. Ступайте къ Москвѣ, чего вы стали? про

государя ничего не слышно. Быть вамъ на Москвѣ, стать таборомъ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ и бить мнѣ челомъ, чтобъ я шла по прежнему на державство; а еслибы солдаты пускать къ Москвѣ не стали, то ихъ побить.“ Бунтъ вспыхнулъ, раздались крики: „Идти къ Москвѣ! Нѣмецкую слободу разорить и Нѣмцевъ побить за то, что отъ нихъ правословіе закоснѣло; бояръ побить; стрѣльцы отъ бояръ и отъ иноземцевъ погибаютъ и Москвы не знаютъ; непремѣнно идти къ Москвѣ, хотябъ умереть, а одинъ предѣлъ учинить. И къ Донскимъ козакамъ вѣдомость послать; государя въ Москву не пустить и убить за то, что почалъ вѣровать въ Нѣмцевъ, сложился съ Нѣмцами.“ Стрѣльцы двинулись къ Москвѣ; солдаты подъ начальствомъ боярина Шеина, загородили имъ дорогу и поразили ихъ. Плѣнныхъ подвергли розыску; винились въ бунтѣ; но никто не сказалъ о призывѣ изъ Москвы. Шеинъ не догадался объ этомъ призывѣ; но Петръ тотчасъ догадался, какъ только получилъ извѣстіе о стрѣлецкихъ волненіяхъ, это было больное мѣсто, рана раскрылась, Петръ спѣшилъ въ Москву въ тревогѣ и гнѣвѣ, и чѣмъ онъ сдержится? онъ схватится съ стрѣльцами въ рукопашную, съ этими врагами, которые истерзали его родныхъ, заставили рости въ униженіи, пренебреженіи, отняли средства учиться вовремя, какъ слѣдуетъ; съ этими врагами, которые объявили, что не пустятъ его въ Россію, убьютъ за то, что онъ увѣровалъ въ Нѣмцевъ, сложился съ ними, которые стали поперекъ его дѣлу, позорятъ это дѣло въ глазахъ русскихъ людей, клевещутъ на царя, выставляютъ его еретикомъ, Нѣмцемъ, а себя людьми, ставшими за православіе, тогда какъ въ сущности у нихъ другія побужденія столь ненавистныя Петру: онъ зоветъ свой народъ къ тяжелому, необходимому труду, и самъ подаетъ примѣръ такого труда, а тутъ люди, которые хотятъ его убить, чтобъ избавиться отъ трудныхъ походовъ, возвратиться въ Москву и жить покойно. Страсть, гнѣвъ, мщеніе сдерживаются религіозно-нравственными правилами, христіанскимъ уваженіемъ, любовію къ ближнему, страхомъ Божіимъ для однихъ, страхомъ человѣческимъ для другихъ; умъ часто становится угодникомъ страсти; онъ внушаетъ гнѣвному человѣку, стремящемуся схватиться съ врагомъ: дѣйствуй сильнѣе, истреби зло съ корнемъ, вырѣжь, выжги, порази толпу ужасомъ, который бы отнялъ всякую способность къ сопротивленію; тебѣ предстоитъ громадная дѣятельность для благородной цѣли, есть люди злонамѣренные, которые будутъ ей противиться: истреби ихъ, не оставляй врага въ тылу у себя. И вотъ страсть, гнѣвъ получаютъ новую пищу, получаютъ оправданіе. И вотъ Петръ покончиваетъ съ стрѣльцами пыткой, висѣлицей и плахой.

Но кровь не проливается даромъ, она вопіетъ. Пролитіе крови очищаетъ, какъ свободная жертва, оно сквернитъ какъ дѣло насилія. Проходитъ минута гнѣва, страсти, и другія чувства поднимаются въ душѣ человѣка и зовутъ его на судъ, передъ которымъ прежнія мудрствованія о правдѣ дѣла являются мудрствованіями лукавыми. Стрѣлецкое дѣло дорого стоило Петру. Напрасно старались развлечь его: онъ былъ мраченъ и скорбенъ, подвергался страшнымъ припадкамъ болѣзненнаго раздраженія; онъ упалъ духомъ, имъ овладѣло сомнѣніе, достанетъ ли у него силъ совершить задуманное, то, что мы называемъ преобразованіемъ. Сомнѣніе естественно поддерживалось различіемъ между тѣмъ, что онъ видѣлъ въ западной Европѣ, и тѣмъ, что нашелъ въ Россіи. Прежде, до путешествія, это различіе не могло представляться ему такъ ясно, такъ рѣзко. Но сильная природа брала верхъ; Петръ не могъ оставаться долго въ тоскѣ и раздумьѣ. Онъ поѣхалъ въ

Воронежъ. Успѣшный ходъ тамошнихъ работъ относительно флота и магазиновъ развеселилъ его, но не совсемъ, что видно изъ писемъ его оттуда; такъ въ одномъ онъ пишетъ, что несмотря на зѣло изрядное состояніе флота и магазиновъ, облакъ сомнѣнія закрываетъ мысль, не слишкомъ ли замедлится плодъ, какъ плодъ финика, котораго не видятъ насаждающіе дерево. Въ другомъ письмѣ Петръ пишетъ, что ждетъ добраго утра, чтобъ прогнанъ былъ мракъ сомнѣнія. Мракъ сомнѣнія исчезалъ, душа прояснялась обращеніемъ къ работѣ, къ сильной преобразовательной дѣятельности. Уже не разъ было нами говорено, что въ основѣ преобразованій должно было находиться преобразованіе экономическое. Для того чтобъ видѣть плодъ отъ преднамѣренныхъ великихъ дѣлъ, необходимыхъ въ народной жизни, нужны были большія финансовыя средства, которыхъ бѣдное, земледѣльческое государство дать не могло. Чтобы добыть эти средства нужо было вывести государство изъ этой односторонности поднятіемъ промышленнаго и торговаго движенія, поднятіемъ города, который въ послѣдствіи могъ поднять и освободить село. Что же могло и должно было правительство сдѣлать для города? Оно должно было обратить большее вниманіе на безпрестанныя, продолжавшіяся вѣка жалобы горожанъ на притѣсненія отъ воеводъ и приказныхъ людей, на дурное состояніе правосудія, одну изъ главныхъ помѣхъ народному благосостоянію; должно было вмѣсто полумѣръ употребить рѣшительныя мѣры для освобожденія горожанъ отъ кормленщиковъ, и 30 января 1699 года выходитъ знаменитый указъ объ учрежденіи бурмистрской палаты. Отъ воеводъ и приказныхъ людей, отъ проволочки дѣлъ и взяточничества торговымъ и промышленнымъ людямъ убытки и разоренье: государь велѣлъ сказать указъ всѣмъ промышленнымъ людямъ, чтобъ вѣдались во всѣхъ своихъ дѣлахъ и тяжбахъ и сборахъ доходовъ своими выборными людьми въ земскихъ избахъ. Малые города приписывались къ большимъ и составляли съ ними провинцію, при чемъ земскіе бурмистры большихъ городовъ вѣдали земскихъ бурмистровъ городовъ приписанныхъ во всякихъ дѣлахъ и сборахъ, и въ свою очередь находились въ вѣдѣніи московской бурмистрской палаты или ратуши, составленной изъ бурмистровъ, выбранныхъ московскими горожанами; одинъ изъ этихъ бурмистровъ былъ президентомъ и смѣнялся ежемѣсячно. Въ палату входили всѣ собранныя по городамъ суммы, отсюда выдавались деньги на расходы, но не иначе какъ по именному царскому указу. Палата входила съ докладами прямо къ государю.

Историкъ не можетъ ограничиться одною экономическою или финансовою стороною этого учрежденія. Бурмистрскою палатою начинается рядъ преобразовательныхъ мѣръ, которыя должны были пробуждать собственныя силы, пріучать гражданъ къ дѣятельности сообща, къ охраненію общихъ интересовъ соединенными средствами, отучать отъ жизни особной, при которой каждый слабѣйшій предавался безоружнымъ въ руки каждаго сильнѣйшаго. Начинается школа, гдѣ человѣкъ воспитывается для общественной дѣятельности, посредствомъ которой общество получаетъ способность воспитывать человѣка. Тяжкая болѣзнь древней Россіи происходила отъ розни силъ, необходимымъ слѣдствіемъ была слабость, бѣдность результатовъ народной дѣятельности. Причина болѣзни сознается и предлагается лѣкарство—соединеніе силъ, пріученіе къ дѣятельности сообща, къ дѣятельности самостоятельной, самоуправительной. Давно уже русскіе торговые люди признавались, что имъ съ иностранными купцами не стянуть, потому что тѣ торгуютъ сообща. Те-

перь Петръ предписываетъ: „Купцамъ торговать также, какъ торгуютъ въ другихъ государствахъ купцы, компаніями; имѣть о томъ всѣмъ купцамъ между собою съ общаго совѣта установленіе, какъ пристойно бы было къ распространенію торговъ ихъ.“ Не на одномъ военномъ или дипломатическомъ поприщѣ русскому человѣку открывается практическая школа, необходимая для его самосостоятельнаго развитія. Эту школу встрѣчаемъ и будемъ встрѣчать повсюду; повсюду преобразователь будетъ требовать дѣятельности сообща, коллегіальной, формы вслѣдствіе уразумѣнія, что причина болѣзни въ разрозненности дѣйствія, а средство къ исцѣленію дѣятельность сообща и дѣятельность самостоятельная. Въ характерѣ великаго человѣка мы увидали явные признаки того, что общество не могло дать своему члену хорошаго воспитанія; мы увидали эту темную сторону великаго человѣка; но великій человѣкъ остается великимъ человѣкомъ; его величіе оказалось въ томъ, что онъ понялъ неспособность общества давать хорошее воспитаніе и употребилъ всѣ средства искоренить эту неспособность: поэтому исторія признаетъ за нимъ высокій титулъ народнаго воспитателя.

ЧТЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Въ прошедшей бесѣдѣ нашей мы видѣли, что Петръ еще въ концѣ XVII вѣка приступилъ къ преобразованіямъ, которыя должны были имѣть воспитательное значеніе для общества. Но мы еще не касались того преобразованія, которое произошло тотчасъ по возвращеніи изъ-за границы, и которое чаще, чѣмъ другія преобразованія, было предметомъ толковъ у современниковъ и потомковъ: я говорю о знаменитомъ брадобритіи и перемѣнѣ платья. У потомства толки были частые по самой простой причинѣ: дѣло близкое, доступное, легкое, не требующее обширнаго знанія исторіи преобразовательной эпохи. И люди, которые не входили въ подробности петровскихъ преобразованій, не задавали себѣ вопроса о ихъ значеніи или отзывались объ нихъ вообще съ сочувствіемъ, позволяли себѣ вопросы: но зачѣмъ Петръ велѣлъ бороды брить, что онѣ ему помѣшали? зачѣмъ перемѣнилъ старое русское платье на иностранное? Историкъ не можетъ отдѣлаться отъ этого вопроса, указавши на его незначительность; не можетъ сказать: занимаясь изученіемъ такой громадной, важной дѣятельности, стоитъ толковать о бородѣ и платьѣ? Стоитъ толковать, какъ стоитъ толковать о всѣхъ другихъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности, человѣческаго творчества. Одеждою человѣкъ дополняетъ свое существо, потребностію одежды отличается отъ другихъ животныхъ и тѣмъ прямо указываетъ на отношеніе одежды къ высшей, чисто человѣческой сторонѣ своей природы, въ одежду человѣкъ кладетъ свою мысль, въ одеждѣ отражается его внутренній, духовный строй. Говорятъ, человѣкъ погруженный во внутренній, духовный міръ свой, занятый преимущественно его интересами, мало заботится объ одеждѣ; но эта малая заботливость также выражается въ одеждѣ, которая и тутъ не теряетъ своего значенія; одежда выразитъ и не нравственное побужденіе человѣка въ пренебреженіи ею, какъ было замѣчено объ одномъ древнемъ философѣ, что чрезъ прорѣхи его неряшливой одежды виднѣется его тщеславіе: такимъ образомъ одежда, назначенная для прикрытія тѣла, об-

нажаетъ сокровенное духа. Отсюда понятно, почему вопросъ объ одеждѣ имѣлъ такое важное значеніе при переходѣ русскихъ людей изъ древней своей исторіи въ новую, почему съ него началось, можно сказать, это движеніе. Мы видимъ, что движеніе началось прежде Петра, до него русскіе люди стали работать новому началу, и перемѣна внутренняя необходима должна была выражаться во внѣшнемъ, требовалось новое знамя, и этимъ знаменемъ прежде всего должно было служить измѣненіе наружности, измѣненіе одежды. Выставлялось новое знамя; одни шли подъ него; но другіе упирались; мы знаемъ, какъ при подобныхъ движеніяхъ въ народахъ проходитъ рознь и страшная борьба, и если одни выставляютъ свое знамя, то другіе выставляютъ свое и съ ожесточеніемъ его отстаиваютъ и съ такимъ же ожесточеніемъ стремятся сорвать знамя противниковъ; не говоримъ уже о томъ, что въ обществахъ подобныхъ древнему русскому, сильно обнаруживается извѣстное стремленіе къ идолопоклонству, т.-е. смѣшеніе внутренняго съ внѣшнимъ, существеннаго съ несущественнымъ, образа съ изображаемымъ, случайное, измѣняющееся представляется священнымъ, неприкосновеннымъ, стремленіе, которое такъ ясно выразилось въ раскольничествѣ, старообрядствѣ. Сто лѣтъ прежде описываемаго времени, на грани XVI и XVII вѣковъ, въ царствованіе Бориса Годунова, когда рѣшенъ былъ вопросъ о необходимости учиться у иностранцевъ, т.-е. когда въ сознаніи народномъ дано было иностранцамъ преимущество какъ учителямъ, начинается въ Москвѣ бритье бородъ, и тутъ же начинаются противъ этого сильныя выходки ревнителей старины. Послѣ смутнаго времени и послѣ отдыха отъ него при царѣ Михаилѣ, вопросъ о необходимости сближенія съ западомъ поднимается снова, снова рѣшается также утвердительно, и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ усиливается брадобритіе и также слышатся сильныя выходки противъ этого гнуснаго, эллинскаго обычая, какъ выражались ревнители старины. Правительство колеблется, оно стремится къ новому и въ то же время пугается выходокъ ревнителей старины противъ знамени новаго, и въ угоду имъ не только запрещаетъ брадобритіе, но отнимаетъ чины за подрѣзываніе волосъ. Но это гоненіе на короткіе волосы разумѣется только раздражало людей, стремившихся къ новому, заставляло ихъ относиться къ длинной бородѣ и старому длинному платью также враждебно, какъ ревнители старины относились къ гнусному, эллинскому образу. Но ревнители старины не могли остановить роковое движеніе. Въ 1681 году царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ издалъ указъ всѣмъ вельможамъ, дворянамъ и приказнымъ людямъ носить короткіе кафтаны вмѣсто прежняго длиннаго платья (охабней и однорядокъ), въ которомъ никто не смѣлъ являться не только во дворецъ, но и въ Кремль. Длинное платье замѣняется короткимъ: здѣсь весь смыслъ дѣла. Тѣ, которые жалуются на смѣну русскаго народнаго платья иностраннымъ, не обращаютъ вниманія на то, что здѣсь произошла перемѣна стариннаго платья не на платье какого-нибудь отдѣльнаго чужаго народа, но на обще-европейское въ различіе отъ обще-азіатскаго, къ которому принадлежала древнерусская одежда. Въ чемъ же состоитъ главное различіе обще-европейской отъ обще-азіатской одежды: въ первой господствуетъ узкость и короткость, во второй широта и длиннота. Что же это: случайность, или здѣсь выраженіе духа народовъ, духа ихъ дѣятельности, ихъ исторіи? Длинная и широкая одежда есть выраженіе жизни спокойной, по преимуществу домашней, отдохновенія, сна; короткая и узкая одежда есть выраженіе бодрствованія, выраженіе сильной дѣятельности. Объясненіе сказанному представляетъ явленіе,

безпрестанно совершающееся передъ нашими глазами: что дѣлаетъ человѣкъ, носящій длинную одежду, когда онъ хочетъ работать или идти пѣшкомъ? онъ подбираетъ свою длинную одежду. Тоже самое сдѣлало европейское человѣчество въ стремленіи къ той сильной работѣ, которою оно такъ отличалось передъ азіатскимъ человѣчествомъ, получило преобладаніе надъ нимъ: европейское человѣчество постоянно подбирало свое платье, укорачивало, обрѣзывало его и дошло до фрака, который называютъ безобразнымъ. Историкъ не станетъ спорить съ художникомъ относительно красоты или безобразія; но его обязанность указать на смыслъ явленія. Широкая и длинная одежда должна была остаться въ Европѣ, какъ выраженіе особеннаго величія, спокойствія и торжественности въ противоположность будничной, рабочей жизни; она осталась одеждою царя въ чрезвычайныхъ случаяхъ; она осталась одеждою служителей алтаря; она осталась одеждою женщины, представительницы жизни внутренней, домашней, т. е. чуждой той уличной хлопотливости и бѣготни, которыя выпали на долю мужчины въ его преимущественно внѣшней, общественной жизни. Раздѣленіе занятій между мужчиною и женщиною, это основное условіе развитія общества, раздѣленіе занятій, которое, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, служитъ самою крѣпкою связью между раздѣляющими занятіе и условіемъ успѣха въ дѣлѣ, это раздѣленіе занятій естественно и необходимо выражается въ одеждѣ, и замѣчено, что у народовъ менѣе развитыхъ, мы видимъ и меньшее различіе въ мужской и женской одеждѣ.

Въ постановленіи царя Θеодора Алексѣевича о ношеніи короткой одежды высказалось стремленіе измѣнить азіатскій покрой одежды на европейскій. Укороченіе платья предвѣщало укороченіе бороды. Напрасно люди, ревностные не по разуму, усиливали свои выходки противъ брадобритія, посредствомъ котораго, по ихъ мнѣнію, губили образъ, отъ Бога мужу дарованный; тщетно отлучали отъ церкви не только брѣющихъ бороды, но и тѣхъ, которые имѣли общеніе съ брадобрійцами, тщетно вопили противъ еретическаго безобразія, уподобляющаго человѣка котамъ и псамъ; тщетно стращали вопросомъ: если русскіе обрѣютъ бороды, то гдѣ станутъ на страшномъ судѣ—съ праведниками ли, украшенными брадою или съ обритыми еретиками? — Всѣ эти выходки только вредили авторитету церкви, только усиливали раздраженіе въ противной сторонѣ, только увеличивали значеніе бороды какъ знамени, и когда приверженцы новаго возьмутъ верхъ, то, разумѣется, они бросятся на враждебное знамя и сорвутъ его, выставятъ свое. И Петръ сорвалъ это знамя, когда возвратился изъ заграницы въ Москву въ страшномъ раздраженіи противъ людей, выставлявшихъ это знамя, какъ знамя православія и народности, въ страшномъ раздраженіи противъ стрѣльцовъ. За тѣмъ послѣдовали указы и о ношеніи европейскаго платья, указы, не могшіе очень поразить новизною послѣ указовъ царя Θеодора.

Въ концѣ 1699 года была объявлена другая новость: приказано вести лѣтосчисленіе не отъ сотворенія міра, какъ дѣлалось до сихъ поръ, а отъ Рождества Христова, и новый годъ считать не съ 1-го сентября, а съ 1-го января, ибо говорилъ указъ, „извѣстно великому государю, что не только во многихъ европейскихъ христіанскихъ странахъ, но и въ народахъ славянскихъ, которые съ восточною православною нашею церковью во всемъ согласны, какъ: Валахи, Молдавы, Сербы, Далматы, Болгары, и самые великаго государя подданные Черкасы (Малороссіяне) и всѣ Греки, отъ которыхъ вѣра наша православная принята, —

всѣ тѣ народы согласно лѣта свои счисляютъ отъ Рождества Христова восемь дней спустя. Преобразователь зналъ, съ кѣмъ и съ чѣмъ имѣетъ дѣло, зналъ, какъ трудно сдвинуть народъ съ вѣковыхъ привычекъ даже и въ томъ случаѣ, когда христіанскому народу предлагалось вести лѣтосчисленіе отъ рождества начальника вѣры и спасенія; нужно было ослабить отталкивающей примѣръ нѣмцевъ, еретиковъ, и вотъ впервые предъ русскимъ народомъ выставляется примѣръ, авторитетъ народовъ близкихъ, родныхъ, примѣръ православныхъ Славянъ. На границѣ двухъ вѣковъ, на границѣ древней и новой Россіи раздался призывъ русскимъ людямъ къ единенію съ родными народами. Была и другая новость въ послѣдній годъ XVII вѣка: учрежденъ русскій „славный чинъ" св. Апостола Андрея. Первымъ кавалеромъ былъ ближній бояринъ и воинскаго морскаго каравана (флота) генералъ-адмиралъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ. Первымъ генералъ-адмираломъ былъ другъ юности Петра — Лефортъ, который умеръ въ мартѣ 1699 года. Съ его смертію порвалась эта личная такъ сказать связь Петра съ иностранцами, кончился періодъ вліянія нѣмецкой слободы. Заграничное путешествіе, это расширеніе сферы при практической дѣятельности окончило воспитаніе Петра; какъ человѣкъ силы онъ воспользовался всѣмъ, что представилъ ему богатый цивилизацією западъ, но возвратился болѣе русскимъ, чѣмъ выѣхалъ изъ Россіи. Имя Лефорта долго еще будетъ на языкѣ враговъ преобразованія, но это будетъ съ ихъ стороны уже злоупотребленіе, злонамѣренность, ибо соблазнъ дружбы съ иностранцемъ исчезъ навсегда. При царѣ на первомъ планѣ русскій человѣкъ, Головинъ, превосходившій всѣхъ русскихъ людей своею бывалостію: онъ заключилъ договоръ съ Китайцами на границахъ Сибири, онъ же велъ переговоры въ Голландіи о союзѣ противъ Турокъ. Головинъ съ званіемъ генералъ-адмирала соединялъ завѣдываніе иностранными дѣлами, являлся въ глазахъ иностранцевъ первымъ министромъ.

Царю и первому министру предстоитъ много дѣла, много испытаній въ первый годъ новаго вѣка: оканчивалась одна война и начиналась другая въ болѣе широкихъ размѣрахъ, болѣе опасная, небывалая для русскаго народа по своей продолжительности, великая сѣверная война. Мы привыкли слышать въ разныя времена заявленіе правительствъ различныхъ державъ, что они избѣгаютъ войны, не желая развлекаться во внутренней дѣятельности, ибо положеніе страны требуетъ усиленія этой дѣятельности, требуетъ важныхъ преобразованій. И такія заявленія вполнѣ понятны: два дѣла вдругъ дѣлать трудно. Но положеніе Россіи въ началѣ XVIII вѣка было чрезвычайное, и человѣкъ, ставшій въ ея челѣ, соотвѣтствовалъ этому положенію, былъ человѣкъ необыкновенный, могъ дѣлать вдругъ много дѣла, обладая самъ громадными силами, имѣя горячую вѣру въ силы своего народа. Человѣкъ сильный нравственно избѣгаетъ опасностей, борьбы не нужной; но не боится ихъ, принимаетъ борьбу когда она необходима для достиженія извѣстныхъ цѣлей или когда мимо воли своей, извнѣ получаетъ вызовъ на борьбу. То же самое вѣрно и относительно цѣлыхъ народовъ. Народу, для выраженія своей силы, не нужно быть воинственнымъ, завоевателемъ; человѣкъ-драчунъ далеко не всегда бываетъ сильнымъ человѣкомъ; народъ—драчунъ, охотникъ нападетъ не всегда бываетъ способенъ защищаться; но сильный народъ, сильное народное правительство никогда не боятся войны, не пугаютъ себя словами: гдѣ намъ, мы не готовы, насъ побьютъ. Бываетъ въ народѣ готовность къ войнѣ внѣшняя матеріальная и бываетъ внутренняя, нравственная: первая безъ второй ничего не значитъ, вторая можетъ

восполнить первую, создать ее въ короткое время. Въ нашей исторіи выдаются двѣ великія войны, въ началѣ обоихъ вѣковъ нашей европейской жизни, великая сѣверная война и война 12 года: къ обѣимъ Россія не была готова, средства ея не были въ уровень съ средствами противниковъ, и, несмотря на то, изъ обѣихъ войнъ она вышла побѣдительницею. Борьба сильная, опасная борьба вызываетъ нравственныя силы народа, очищаетъ, поднимаетъ его, отвлекаетъ отъ мелочныхъ заботъ ежедневной жизни, борьба ведетъ его къ алтарю, дѣлаетъ жрецомъ, потому что заставляетъ приносить жертвы; никогда въ народѣ не живется такъ тепло, такъ дружно, такъ сплоченно какъ во время борьбы, никогда правительство и народъ не соприкасаются такъ близко въ общей дѣятельности; никогда знамя народности не развивается такъ высоко; борьба, какъ гроза, очищаетъ нравственную атмосферу народа, бодритъ, выпрямляетъ его нравственно; борьба есть праздникъ народный, ибо освобождаетъ его отъ будничнаго, низкаго настроенія духа, и горе народу, который не способенъ пробудиться и встать на праздничный благовѣстъ, народу, который ропщетъ: зачѣмъ такъ рано звонятъ, не дадутъ покоя, не дадутъ отдохнуть, приготовиться. А если спросить, отъ чего онъ такъ усталъ? но лучше не спрашивать.

Сильный человѣкъ, представитель сильнаго народа, Петръ ясно понималъ значеніе борьбы, и не боялся ея, не сдерживался страхомъ предъ матеріальною, видимою неприготовленностію. Петръ былъ представитель сильнаго народа, но не народа-драчуна, не воинственнаго, не завоевательнаго народа, ибо кто же изъ насъ не знаетъ, что въ насъ, въ нашемъ народѣ меньше всего драчливости, воинственнаго задора. Иностранцы, по незнанію нашей исторіи, позволили себѣ увлечься внѣшнимъ взглядомъ и никакъ до сихъ поръ не могутъ освободиться отъ мысли о завоевательныхъ стремленіяхъ Россіи, о стремленіяхъ къ всемірному владычеству. Здѣсь географія ввела ихъ въ заблужденіе на счетъ исторіи. Дѣйствительно первый взглядъ на карту поражаетъ: Россія представляетъ такую небывалую обширность государственной области, предъ которою области другихъ европейскихъ государствъ ничтожны: отсюда первая мысль, что такая громада необходимо образовалась посредствомъ завоеванія, какъ образовывались древнія колоссальныя государства, Персидское, Македонское, Римское. При этомъ географическомъ взглядѣ и остались, не провѣривъ его исторіею; тогда какъ исторія говоритъ, что Россія, какъ сплошная равнина, орашаемая большими, переплетающимися въ своихъ системахъ рѣками, родилась уже съ огромною государственною областію, послѣ рожденія подверглась общему процессу видимаго раздѣленія въ слѣдствіе государственной слабости; а потомъ при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ происходило постепенное государственное сплоченіе, собраніе русской земли подъ одну власть; до сихъ поръ не всѣ области, дѣйствовавшія какъ чисто русскія въ нашей начальной исторіи, входятъ въ составъ русскаго государства: остается въ составѣ чужаго государства Червонная Русь, то знаменитое галицкое княжество, о которомъ такъ часто идетъ рѣчь въ нашихъ лѣтописяхъ. Но укажутъ на распространеніе русской государственной области далеко на востокъ, вплоть до Восточнаго Океана, укажутъ на входящія теперь въ составъ русской имперіи земли, которыхъ мы не видимъ за русью при ея первыхъ князьяхъ, земли, которыя не имѣли славяно-русскаго народонаселенія: какъ же пріобрѣтены онѣ? Разумѣется завоеваніемъ. Тутъ уже не иностранцы, а сами русскіе натолковываютъ самимъ се-

бѣ и другимъ о завоеваніи, безъ точнаго опредѣленія, какъ разумѣть завоеваніе. Съ дѣтства заучиваютъ, что царь Иванъ IV завоевалъ три царства — Казанское, Астраханское, Сибирское. Три царства! На восточныхъ границахъ московскаго государства образовалось татарское разбойничье гнѣздо, отъ котораго русскимъ людямъ не было покоя; долго терпѣли, наконецъ собрали силы, двинулись и отняли у разбойниковъ ихъ гнѣздо: это называется завоеваніемъ царства Казанскаго. Астрахань поддалась сама; на сѣверо-востокѣ Камская область была занята мирными колонистами, промышленниками, область громадная, пустая, ничья, естественно принадлежащая первому, кто въ ней поселится; эти промышленники, неимѣя покоя отъ сибирскихъ хищныхъ Татаръ, которые своими набѣгами мѣшали имъ соль варить, наняли небольшую толпу казаковъ, которые заняли разбойничье гнѣздо, прогнали оттуда князька, и хотя сами потомъ погибли, но это дѣло называется покореніемъ царства сибирскаго. Такъ слово можетъ вести къ неправильному представленію, когда подробнымъ изученіемъ явленія не опредѣлится точно, въ какомъ смыслѣ употреблять слово. Присматриваясь внимательно къ явленію, мы видимъ на первомъ планѣ не завоеваніе однимъ воинственнымъ, сильнымъ государствомъ другихъ большихъ государствъ, болѣе или менѣе цивилизованныхъ, мы видимъ на первомъ планѣ колонизацію, занятіе пустынныхъ пространствъ подъ мирный трудъ; народы или лучше сказать народцы, встрѣчающіеся на этихъ необъятныхъ пространствахъ, по своему характеру, стоя на низкой ступени политическаго развитія, невольно влекутъ народъ, стоящій выше ихъ, влекутъ все далѣе и далѣе на занятіе новыхъ земель: они своимъ хищничествомъ не даютъ ему покоя; заставить ихъ уважать право, договоръ, нельзя, они умѣютъ жить только или въ постоянной враждѣ къ сосѣду или въ рабской подчиненности, и невольно ихъ приходится покорять. Таковъ господствующій характеръ русскихъ отношеній къ восточнымъ народамъ, даже до нашихъ дней, характеръ любопытный, потому что въ покореніи врага здѣсь заключается необходимая оборона отъ него.

Такъ при невоинственномъ характерѣ народа, а слѣдовательно и правительства образовалась громадная государственная область, и мы знаемъ какъ эта громадность неблагопріятно дѣйствовала на развитіе народной жизни, на всѣ ея отправленія. Государственныя требованія, слишкомъ тяжело падавшія на малочисленное, разбросанное и потому бѣдное народонаселеніе заставляли послѣднее еще болѣе разбрасываться, уходить все дальше и дальше, что было легко русскому человѣку: ему не нужно было переплывать Океанъ, какъ должны были дѣлать западные колонисты, или переселяться къ чужимъ народамъ, въ совершенно чуждую нравственную сферу; передъ глазами были необъятныя и пустыя пространства, гдѣ безпрепятственно можно было утвердиться, безпрепятственно сохранить свой народный образъ. Эта происшедшая сказаннымъ образомъ обширность русской государственной области, въ свою очередь, отнимала у народа воинственность, отнимая побужденіе къ захвату чужаго, къ насильственному расширенію владѣній и безъ того слишкомъ обширныхъ. И несмотря на то Россія ознаменовываетъ начало своей новой жизни воинственнымъ движеніемъ, двадцать слишкомъ лѣтъ ведетъ тяжкую, упорную борьбу, которую оканчиваетъ важными земельными пріобрѣтеніями. Но мы видѣли главный характеръ переворота, совершавшагося въ жизни народа русскаго, видѣли стремленіе къ морю и смыслъ этого стремленія. Во время младенчества Руси, при отсутствіи крѣпкой государственной связи, единства

направленія народныхъ силъ и яснаго сознанія народныхъ интересовъ, въ это безпомощное время орденъ меченосцевъ отнялъ у Руси Ливонію, захватилъ здѣсь русскіе города и княжества; въ послѣдствіи, когда объединенная Россія, съ яснымъ сознаніемъ необходимости для себя моря устремилась къ нему, — Поляки и Шведы оттолкнули ее отъ него. Но внутреннее преобразовательное движеніе все болѣе и болѣе усиливалось, а вмѣстѣ усиливалось и такъ тѣсно соединенное съ нимъ стремленіе къ морю, слѣдовательно мы естественно должны ожидать, что когда преобразовательное движеніе пошло такъ рѣшительно, Россія немедленно начнетъ опять биться за берега Балтійскаго моря. Будучи полнымъ представителемъ своего народа, будучи совершенно чуждъ воинственности, вовсе не гоняясь за славою полководца-завоевателя, занятый одной мыслію о внутреннемъ преобразованіи, Петръ начинаетъ войну съ Шведами за Балтійское море, смотря на нее только какъ на средство этого преобразованія, исполняя завѣщаніе предковъ, соединяя древнюю и новую Россію правильнымъ историческимъ движеніемъ, ибо правильность историческаго развитія народа, правильность въ преемствѣ дѣятельности различныхъ эпохъ народной жизни состоитъ въ томъ, когда то, что въ извѣстную эпоху вырабатывается народомъ, какъ мысль, какъ стремленіе, осуществляется въ послѣдующую эпоху. Петръ не усумнился начать опасную войну одновременно со многими важными внутренними преобразованіями, ибо видѣлъ въ войнѣ только средство для успѣшнѣйшнаго проведенія внутреннихъ преобразованій, и въ послѣднихъ видѣлъ средство для успѣшнѣйшаго окончанія войны. На войну великій царь смотрѣлъ гражданскимъ взглядомъ, именно какъ подобаетъ правителю; онъ смотрѣлъ на нее какъ на школу для народа, который хотѣлъ занять почетное мѣсто среди другихъ народовъ, не выпрашивать цивилизаціи какъ милости, но предъявить на нее свои безспорныя права. Вотъ программа курса въ этой школѣ: сначала учителя намъ зададутъ тяжелые уроки; сначала насъ будутъ бить; но мы будемъ учиться прилежно, и сперва станемъ бить учителей превосходными матеріальными силами, потомъ дойдемъ до того, что будемъ бить ихъ съ равными силами, а наконецъ пріобрѣтемъ такое искусство, что станемъ побѣждать и съ меньшими силами. И такъ война есть школа, практическая школа, школа первой необходимости, ибо континентальное государство, и такъ дурно защищенное природою какъ Россія, можетъ поддержать свою самостоятельность, свое значеніе только постоянною готовностію принять бой при первомъ вызовѣ, мало того, только этою готовностію можетъ отклонить вызовъ, поддержать миръ для себя и для другихъ. Но война въ описываемое время не имѣла тѣснаго значенія только военной школы для народа: война сильная, опасная война служитъ для преобразователя могущественнымъ средствомъ вести преобразованіе, вести эту школу въ самыхъ широкихъ размѣрахъ безъ приниженія народнаго духа, которое было такъ естественно въ страдательномъ положеніи русскихъ людей относительно чужихъ образованнѣйшихъ народовъ, въ положеніи учениковъ предъ учителями. Царь увѣровалъ въ Нѣмцевъ, сложился съ ними,—говорятъ противники преобразованія. Но эти злонамѣренные толки не имѣютъ смысла предъ дѣйствительностію, которая у всѣхъ въ глазахъ: царь воюетъ съ Нѣмцами, бьетъ ихъ, отнимаетъ у нихъ города и земли. Война трудная, опасная, врагъ силенъ, онъ легко можетъ придти къ намъ; вотъ онъ уже вошелъ въ русскіе предѣлы, одна проигранная битва и онъ очутится подъ Москвою; силы живаго народа по-

трясаются отъ опасной ожесточенной борьбы, народное знамя поднимается высоко; такія времена поднятія народныхъ силъ бываютъ удобны для великихъ дѣлъ, потому что располагаютъ къ великимъ жертвамъ, и царь умѣетъ пользоваться временемъ, умѣетъ ковать желѣзо пока горячо! народъ въ тяжкой работѣ, засаженъ въ школу съ иностранными учителями, которыхъ преимущества долженъ признать, слѣдовательно необходимо принижается предъ ними. Чтожъ дастъ ему отраду, что заставитъ его поднять голову и съ уваженіемъ посмотрѣть на самого себя. Успѣхи мирнаго труда? но они разбросаны, не видны, далеко не у всѣхъ предъ глазами, не производятъ сильнаго впечатлѣнія; кто знаетъ, что тамъ роютъ каналы, здѣсь какая-нибудь фабрика идетъ очень успѣшно, кто знаетъ, что съ богатымъ результатомъ разрабатываются минеральныя богатства далекой Сибири? Не то война, военные успѣхи: одержана побѣда — общенародное торжество, всѣ это знаютъ, всѣ поднимаютъ головы, не войско только побѣдило, цѣлый народъ побѣдилъ, вотъ до чего мы дошли въ такое короткое время, благодаря тому что трудимся, учимся! и ученикъ, сознавая все яснѣе и яснѣе необходимость ученія, не приниженъ предъ учителемъ, онъ ровенъ съ нимъ, онъ выше его, ученіе становится дѣломъ легкимъ, дѣломъ силы и свободы; народный духъ, народное самоуваженіе спасены въ самое опасное для нихъ время, время народнаго ученичества у другихъ народовъ.

Мы видѣли, что Россія находилась въ войнѣ съ Турціею, и что Петръ далъ этой войнѣ новый характеръ, характеръ морской войны, приготовилъ флотъ для Азовскаго моря, берега котораго старался укрѣпить для себя. Онъ продолжалъ считать это дѣло важнымъ, обратилъ на него сильное вниманіе, но продолженіе турецкой войны онъ вовсе не считалъ желаннымъ дѣломъ: турецкая война не могла быть школою для русскаго сухопотнаго войска: такою школою могла быть только европейская война, и именно война шведская, въ которой достигалась двойная цѣль, войско получало хорошую школу и слѣдствіемъ хорошаго прохожденія этой школы было утвержденіе на берегахъ завѣтнаго европейскаго моря. Притомъ для новорожденныхъ военныхъ силъ Россіи война была невозможна безъ союзниковъ, а члены священнаго союза спѣшили заключить миръ съ Турками; долженъ былъ спѣшить этимъ и Петръ. Для скорѣйшаго и выгоднѣйшаго заключенія мира Петръ хотѣлъ изумить и напугать Турокъ: онъ отправилъ своего посланника Украинцева въ Константинополь на русскомъ военномъ кораблѣ: „Крѣпость.“ Русскій военный корабль на якорѣ противъ Сераля раздразнилъ, испугалъ не однихъ Турокъ, Восточный вопросъ перемѣнилъ видъ: до тѣхъ поръ европейскія державы, боясь Турокъ, постоянно и усердно приглашали русскихъ царей къ войнѣ съ ними, при чемъ указывали на тѣсную связь Россіи съ христіанскимъ народонаселеніемъ Турціи по единству не только вѣры, но исповѣданія, указывали на обязанность Россіи возстановить восточную греческую имперію на развалинахъ турецкой; но теперь когда Россія исполнила наконецъ требованія, вошла въ европейскій союзъ противъ Турокъ, когда Турки со всѣхъ сторонъ потерпѣли неудачи, выказали свою слабость, и когда Россія обнаружила удивительную силу, удивительную дѣятельность, когда русскій военный корабль явился предъ Константинополемъ, когда Россія оказалась готовою выполнить эту начертанную ей въ Европѣ програму, Европа съ негодованіемъ и ужасомъ отвернулась отъ этой програмы и начертала для себя другую, — поддерживать всѣми средствами Турцію противъ Россіи. Украинцевъ долженъ былъ познакомиться съ этою новою

программою восточнаго вопроса: „Отъ пословъ цесарскаго, англійскаго, венеціанскаго, писалъ Украинцевъ Петру, помощи мнѣ никакой нѣтъ, и не только помощи, не присылаютъ даже никакихъ извѣстій. Послы англійскій и голландскій во всемъ держатъ крѣпко турецкую сторону, и больше хотятъ всякаго добра Туркамъ, нежели тебѣ, великому государю; завидуютъ, ненавидятъ то, что у тебя завелось корабельное строеніе и плаваніе подъ Азовъ и у Архангельска, думаютъ, что отъ этого будетъ имъ въ ихъ морской торговлѣ помѣшка.“ Но Турки были страшно истощены и заключили миръ, уступили Россіи Азовъ со всякими старыми и новыми, уже построенными Петромъ городками; а Крымскій ханъ долженъ былъ отказаться отъ дани, которую до сихъ поръ платила ему Россія подъ благовиднымъ названіемъ поминковъ или подарковъ. И здѣсь прошла граница между древнею и новою Россіею. Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ предъ христіанскою Византіею явились впервые русскія лодки; это было знакомъ, что на сѣверѣ, въ этой Скиѳіи и Сарматіи, гдѣ господствовали кочевыя азіатскія орды, явилось владѣніе съ европейскимъ характеромъ, на которое легла обязанность постоянной, ожесточенной борьбы съ степными кочевыми ордами, обязанность защищать отъ нихъ Европу. Борьба была трудная: степные хищники не дали Руси пустить государственныхъ корней на югѣ, на берегахъ Днѣпра, въ слѣдствіе чего силы народныя и главная историческая сцена перенеслись съ юго-запада на сѣверо-востокъ; и здѣсь степные хищники не давали покоя, пустошили страну, наложили дань; но здѣсь имъ было не такъ удобно, какъ на югѣ, здѣсь они запутывались въ непроходимыхъ лѣсахъ и вязли въ болотахъ; здѣсь безпрепятственнѣе могла собраться русская земля въ одно государство, и собралась около Москвы, и Москва вела постоянную, ожесточеную борьбу съ степными варварами, видала ихъ не разъ подъ своими стѣнами, превращалась ими въ пепелъ, и хотя на востокѣ дѣла шли успѣшно, хотя тамъ татарскія орды съ громкимъ названіемъ царствъ, покорялись царю московскому, но на югъ, въ Крымскую орду продолжались посылаться поминки. Эта посылка прекратилась, когда русскій военный корабль появился передъ магометанскимъ Стамбуломъ. Такъ Петръ отпраздновалъ девятивѣковой юбилей перваго появленія русскихъ лодокъ передъ Константинополемъ. Но ему предстояло съ большимъ торжествомъ отпраздновать юбилей на другомъ морѣ, откуда пошла русская земля, и куда должна была возвратиться для пріобрѣтенія средствъ къ продолженію исторической жизни. Здѣсь нужно было отпраздновать девяти-вѣковой юбилей также появленіемъ русскаго военнаго корабля, появленіемъ русскаго войска, сильнаго своимъ европейскимъ искусствомъ. На юговостокѣ, со стороны степей, со стороны степнаго моря опасности исчезали, поминки прекратились. Но опасность большая вставала теперь съ запада, благоразуміе требовало идти къ ней навстрѣчу, благоразуміе требовало приготовить средства чтобъ не посылать поминковъ на западъ, потому что и тамъ на западѣ большіе охотники до поминковъ, стоитъ только немного обнаружить слабость, сейчасъ пришлютъ за поминками.

18 Августа 1700 года въ Москвѣ сожженъ былъ „преизрядный фейерверкъ: царь Петръ Алексѣевичъ праздновалъ турецкій миръ, пріобрѣтеніе Азова, уничтоженіе обязанности посылать поминки въ Крымъ. На другой день 19 августа объявлена война Шведамъ. Заключеніемъ мира съ Турками поспѣшили, потому что союзники покинули Россію; потому же самому спѣшили объявленіемъ швед-

ской войны, чтобъ не упустить союзниковъ, не однимъ бороться съ самою сильною державою на Сѣверѣ. Союзъ былъ необходимъ; но вѣрны ли были союзники? Донесенія Украинцева изъ Константинополя уже опредѣлили отношенія европейскихъ державъ къ Россіи; за союзниками нужно было также зорко смотрѣть, какъ и за врагами, и противъ нихъ нужны были тоже смѣлость, рѣшительность, ясное пониманіе русскихъ интересовъ, неуклонное ихъ преслѣдованіе. Россія могла быть спокойна: у ея царя не было недостатка въ этихъ качествахъ.

ЧТЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Кто же были союзники Петра въ Шведской войнѣ? Швеція заявила свою европейскую дѣятельность, вошла въ систему европейскихъ державъ, какъ говорится, только въ XVII вѣкѣ, предупредила въ этомъ отношеніи Россію какими-нибудь 70 годами. Она явилась на сцену общей европейской дѣятельности съ шумомъ и блескомъ. Даровитый, воинственный, честолюбивый король Густавъ Адольфъ, по призыву Франціи, привелъ шведское войско въ Германію для участія въ Тридцатилѣтней войнѣ, для поддержанія протестантизма. За эту поддержку Германія должна была дорого заплатить Швеціи своими землями, и нѣмецкіе владѣльцы стали косо смотрѣть на нее, особенно когда она содѣйствовала вреднымъ для Германіи стремленіямъ Франціи. Еще большее раздраженіе возбудила противъ себя Швеція въ трехъ другихъ сосѣднихъ государствахъ, Даніи, Польшѣ и Россіи своими захватами на ихъ счетъ. Она обобрала Данію со стороны Норвегіи, отняла у Польши Ливонію; пользуясь смутнымъ временемъ и слабостію Россіи послѣ смутъ, въ царствованіе Михаила Θеодоровича, она отобрала у нея коренныя русскія владѣнія, чтобъ какъ можно дальше отодвинуть ее отъ Балтійскаго моря. Такое поведеніе Швеціи относительно сосѣдей разумѣется заставляло ожидать, что оскорбленные воспользуются первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ соединиться и возвратить себѣ свое. И въ началѣ XVIII вѣка, когда въ западной Европѣ произошло сильное движеніе противъ Франціи, раздражившей всѣхъ своимъ властолюбіемъ, своими безцеремонными захватами чужаго, когда противъ Франціи образовывался великій союзъ, чтобъ не дать ей захватить Испаніи или значительную часть ея владѣній, на сѣверо-востокѣ Европы, по тѣмъ же побужденіямъ, образуется союзъ противъ Швеціи и начинается великая Сѣверная война. Естественные члены союза противъ Швеціи — это обобранныя ею государства, Данія, Польша и Россія. Отношенія Даніи и Россіи были просты: они хотѣли возвратить свое, при чемъ Петръ, во что бы то ни стало, хотѣлъ пріобрѣсти хотя одну гавань на Балтійскомъ морѣ. Но отношенія Польши были иныя. Мы уже упоминали о крайней слабости этой державы, обнаружившейся особенно во второй половинѣ XVII вѣка, слабости, которая отнимала у нея всякую самостоятельность, дѣлала изъ нея арену, гдѣ ближнія и дальнія государства должны были бороться за свои интересы. Борьба эта особенно усиливалась, когда наступало время королевскихъ выборовъ. Такъ въ концѣ XVII вѣка сосѣднія государства были чрезвычайно взволнованы королевскими выборами въ Польшѣ по состоянію тогдашнихъ дѣлъ въ Европѣ. Уже было сказано, что въ это время господствовало сильное раздраженіе противъ властолюбія Фран-

ціи, противъ ея короля, Людовика XIV. Постоянною союзницею Франціи была Турція, служившая для Франціи орудіемъ для отвлеченія Австріи отъ вмѣшательства въ европейскія дѣла, отъ союзовъ, заключавшихся противъ Франціи. Легко понять, какъ выгодно было для Франціи имѣть сильную партію въ Польшѣ, посадить тамъ королемъ кого-нибудь изъ своихъ принцевъ или, по крайней мѣрѣ, кого-нибудь изъ своей партіи, чтобы по сосѣдству съ Австріею пріобрѣсти новое орудіе для отвлеченія ея силъ. Но легко понять также, какъ для Австріи было важно чтобъ французскіе замыслы не удались, чтобъ на польскомъ престолѣ былъ кто-нибудь свой или чужой, только не Французъ и не изъ французской партіи. О томъ же должна была хлопотать и Россія, которая находилась въ одинакомъ съ Австріею положеніи относительно Турціи; она была также въ войнѣ съ Турціею и должна была надѣяться, что по ея отношеніямъ къ христіанскому народонаселеніи Турціи, вражда между нею и Портою будетъ постоянная и самая сильная; а пустить на польскій престолъ французскаго кандидата, значило пустить естественнаго союзника Турціи. Вотъ почему Петръ такъ энергически объявилъ себя противъ французскаго кандидата на польскій престолъ, принца Конти; онъ уже придвинулъ свое войско къ границамъ Литвы, чтобъ силою противиться его избранію, и торжествовалъ какъ побѣду отстраненіе Конти, избраніе его соперника Курфюрста саксонскаго Августа. Избраніе Августа успокоивало Австрію, Россію: на престолѣ польскомъ не будетъ союзника Франціи и Турціи; но могла ли быть покойна сама Польша? Государство сильное можетъ безопасно призвать государя—иностранца, владѣльца чужой земли; Англія, напримѣръ, могла безопасно признать своимъ королемъ ганноверскаго курфюрста; но что позволительно сильному, того слабый не можетъ дѣлать безнаказанно. На польскомъ престолѣ Нѣмецъ и владѣлецъ одного изъ самыхъ значительныхъ нѣмецкихъ государствъ, Саксоніи. Въ раздробленной Германіи уже обозначилось то явленіе, что усиливаются ея владѣнія, находящіяся на востокѣ, усиливаются на счетъ другихъ иноплеменныхъ народовъ, преимущественно Славянскихъ. Въ Германіи, какъ и во всякой другой странѣ собраніе земли, объединеніе могло произойти однимъ путемъ: сильнѣйшее владѣніе мало по малу должно было подчинить себѣ всѣ слабѣйшія; въ Германіи это явленіе запоздало, но при благопріятныхъ условіяхъ оно могло произойти, и легко понять, какъ въ этомъ отношеніи было важно усиленіе одного изъ германскихъ владѣній чѣмъ бы то ни было и какъ бы то ни было. Ни одному германскому владѣльцу не было возможности усилиться прямо на счетъ своихъ товарищей, другихъ владѣльцевъ; императорское достоинство по крайней ограниченности средствъ главы имперіи, не могло этому содѣйствовать, и оставалось одно средство усилиться — сначала на счетъ чужихъ, и этимъ пріобрѣсти возможность усилиться потомъ и на счетъ своихъ. Гогенштауфены пытались усилиться на счетъ Италіи, но попытка, благодаря папской силѣ, кончилась очень печально для знаменитой швабской династіи. Счастливѣе были восточныя династіи, восточныя германскія владѣнія. Габсбурги, владѣльцы очень небольшой нѣмецкой области, Австріи, браками и духовными завѣщаніями, образовали обширную монархію изъ разныхъ чужихъ элементовъ, преимущественно Славянскаго. Примѣръ счастливой Австріи не могъ остаться безъ подражанія; тѣмъ болѣе, что Австрія не все захватила, оставалась еще богатая добыча, Польша, государство обширное, но совершенно беззащитное отъ крайней внутренней слабости. Мы говорили о значеніи войны, борьбы въ жизни

народной, о его воспитательномъ значеніи, о томъ, какъ нравственныя силы народа его напрягаются, развиваются, какъ развиваются всякимъ трудомъ, всякимъ преодолѣніемъ сильныхъ препятствій, всякою опасностію. Мы видѣли, какъ бѣдно и трудно жилъ нашъ народъ въ первой половинѣ своей исторіи; но благословимъ эту бѣдность и великій трудъ нашихъ предковъ, эти постоянныя опасности, въ которыхъ они находились, и которыя пріучались преодолѣвать. Приготовительная девятивѣковая школа была тяжка, но она дала хорошее воспитаніе: народъ привыкъ къ труду, къ подвигамъ, жертвамъ, сталъ способенъ откликнуться на призывъ къ небывалому труду, къ небывалымъ подвигамъ и жертвамъ, призывъ, сдѣланный человѣкомъ, всегда въ работѣ пребывающимъ. Благословимъ этотъ призывъ, и этого призывателя, потому что у насъ передъ глазами страшный примѣръ, къ чему ведетъ отвращеніе отъ подвига, отъ жертвы, къ чему ведетъ войнобоязнь. Польша была одержима въ высшей степени этою опасною болѣзнію, войнобоязнію. Тщетно люди предусмотрительные, патріоты указывали на гибельныя слѣдствія отсутствія сильнаго войска въ государствѣ континентальномъ, указывали, какъ Польша теряетъ отъ этого всякое значеніе, тщетно на сеймахъ ставился вопросъ о необходимости усиленія войска, эта необходимость признавалась всѣми, но когда рѣчь заходила о средствахъ для усиленія войска, о пожертвованіяхъ для этого, то недоходили ни до какого рѣшенія и страна оставалась беззащитною, въ унизительномъ положеніи, когда всякій сосѣдъ, подъ видомъ друга, союзника, могъ для своихъ цѣлей, вводить въ нее войско и кормить его на ея счетъ; отъ нежеланія содержать свое войско, отъ нежеланія жертвовать для этого принуждены были содержать чужое, враждебное войско, смотрѣть, какъ оно пустошило страну. Теперь на престолѣ польскомъ нѣмецкій государь, саксонскій курфирстъ, который неудовольствуется однимъ титуломъ королевскимъ; но что же больше можетъ дать Польша? если не захочетъ дать волею, то можно взять силою; для этого надобно ввести свое нѣмецко свойско въ предѣлы Рѣчи Посполитой, сперва, разумѣется подъ благовиднымъ предлогомъ.

Что же можетъ быть благовиднѣе предлога, какъ война съ Швеціею для возвращенія Польшѣ Ливоніи. Дѣло легкое: сама Ливонія хочетъ отторгнуться отъ Швеціи и поддаться Польшѣ; объ исполненіи этого желанія хлопочетъ Паткуль, принужденный оставить родную страну за то что сильно отстаивалъ интересы своего сословія, интересы ливонскаго дворянства, безцеремонно обобраннаго шведскимъ королемъ, который хотѣлъ обогатиться и усилиться на счетъ дворянства какъ въ Швеціи, такъ и въ Ливоніи. Ливонія проситъ освободить ее отъ шведскаго ига, хочетъ поддаться Польшѣ, Паткуль уполномоченъ рыцарствомъ заключить объ этомъ договоръ. Но Польша не хочетъ тронуться, боится войны, боится усиленія королевской власти отъ войны. И вотъ король будетъ воевать одинъ съ своимъ саксонскимъ войскомъ. Заключенъ договоръ, по которому Ливанія присоединялась къ Польшѣ; а въ секретныхъ пунктахъ рыцарство обязывалось признавать верховную власть Августа и его потомковъ, еслибы даже они не были королями польскими и всѣ доходы отправлять прямо къ нимъ. Такимъ образомъ Ливонія поддавалась не Польшѣ, а нѣмецкому государю, курфюрсту саксонскому, который пріобрѣтетъ чрезъ это выгодную позицію для дѣйствій противъ Польши, для утвержденія наслѣдственности въ своемъ домѣ, для усиленія своей власти. Если сосѣди будутъ мѣшать ему въ этомъ, то можно кинуть имъ по куску польскихъ владѣній, лишь бы быть сильнымъ, самодержавнымъ въ остальныхъ. Но прежде всего надоб-

но пріобрѣсть хорошую позицію, овладѣть Ливоніею; одному трудно. Данія вѣрная союзница по ненависти къ Швеціи; и необходимо, чтобъ Россія также приняла участіе въ войнѣ. Дѣло очень возможное: молодой царь только и думаетъ о томъ, какъ бы утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря; возвращаясь изъ заграничнаго путешествія онъ видѣлся съ королемъ Августомъ и изъявлялъ желаніе въ союзѣ съ нимъ воевать противъ Шведовъ. „Надобно взять у царя деньги и войско, особенно пѣхоту, которая очень способна работать въ траншеяхъ подъ непріятельскими выстрѣлами“, писалъ Паткуль. Но при этомъ лифляндскимъ патріотомъ овладѣваетъ сильное сомнѣніе: царь человѣкъ необыкновенный, съ нимъ надобно обращаться осторожнѣе; даромъ, въ угоду саксонскимъ и лифляндскимъ патріотамъ онъ не подставитъ своихъ солдатъ подъ непріятельскіе выстрѣлы въ траншеяхъ. Съ нимъ надобно дѣлиться добычею, а со львомъ опасно дѣлиться. „Надобно опасаться, писалъ Паткуль, чтобъ этотъ могущественный союзникъ не выхватилъ у насъ изъ подъ носа жаркое, которое мы воткнемъ на вертелъ; надобно договориться, чтобъ онъ не шелъ дальше Нарвы и Пейпуса; если онъ захватитъ Нарву, то ему легко будетъ потомъ овладѣть Лифляндіею и Эстляндіею.“ А Петръ именно и хотѣлъ прежде всего овладѣть двумя крѣпостями — Нарвою и Нотебургомъ, старымъ русскимъ Орѣшкомъ, чтобъ получивши эти двѣ опоры, легче занять и укрѣпиться въ странѣ между ними лежавшей, въ этойзавѣтной странѣ, гдѣ море было такъ близко къ русскимъ владѣніямъ. Царь направилъ свои полки къ Нарвѣ, но скоро общая страшная опасность для союзниковъ прекратила споры о раздѣлѣ добычи.

Союзники надѣялись напасть на Швецію врасплохъ, пользуясь молодостію ея короля, Карла XII, молодостію, которая не обѣщала повидимому ничего хорошаго для Швеціи: полъ и стѣны королевскихъ комнатъ были улиты кровью: молодой король отсѣкалъ саблею головы баранамъ и телятамъ, пригнаннымъ для этой потѣхи во дворецъ; ночью въ стокгольмскихъ домахъ дребежжать, валятся стекла: это потѣшается молодой король; кто ѣдетъ днемъ по улицѣ съ шумомъ и гамомъ въ однихъ рубашкахъ? — молодой король съ своею свитою; кто охотится за зайцемъ въ сеймовой залѣ? молодой король. Но этотъ неугомонный мальчикъ, отличавшійся такими дурными шалостястями, явился героемъ, когда затрубила военная труба, когда опасность начала грозить Швеціи съ трехъ сторонъ. Карлъ XII явился съ войскомъ предъ Копенгагеномъ и принудилъ датскаго короля къ миру; вслѣдъ затѣмъ высадился на восточный берегъ Балтійскаго моря, въ Пернау, чтобъ идти на помощь Нарвѣ, осажденной русскими. Мы видѣли, какъ Петръ смотрѣлъ на войну: онъ смотрѣлъ на нее какъ на школу. Онъ сдѣлалъ нужныя приготовленія, онъ покончилъ съ прежнимъ строемъ и составомъ войска, его армія не представляла болѣе, какъ армія царей предшествовавшихъ, ветхое рубище съ новою заплатою; но и его армія представлялась далеко не въ удовлетворительномъ видѣ. Легко сказать: преобразовать войско. Оно было дѣйствительно преобразовано, но оно было невычено, неопытно. Петръ не обольщалъ себя: онъ изображалъ свой флотъ въ видѣ лодки, на которой дѣти учатся плавать; и войско свое онъ могъ изображать въ видѣ толпы дѣтей. Онъ не бросился въ войну одинъ на одинъ съ европейскимъ знаменитымъ военными успѣхами народомъ; онъ вступилъ въ нее въ союзѣ съ Даніею, которая прежде всего должна была задержать Шведовъ, съ королемъ Августомъ, который имѣлъ военную репутацію, и который уже началъ

военныя дѣйствія въ Ливоніи. Петръ началъ съ третьей стороны, послалъ значительное войско съ хорошею артиллеріею осаждать Нарву, учиться осаждать крѣпость, защищаемую европейскимъ гарнизономъ. Битва не входила въ его разчеты; у него не было искусныхъ генераловъ, не было главнокомандующаго; онъ далъ званіе фельдмаршала тому же Головину, генералъ-адмиралу, завѣдывавшему иностранными сношеніями, но дѣйствительно поручать ему начальство надъ войскомъ онъ не хотѣлъ. Ему прислали генерала изъ за границы съ отличными рекоммендаціями, герцога фонъ-Круа, и онъ поручилъ ему начальство надъ войскомъ для первой встрѣчи со Шведами, для перваго урока. Первый урокъ былъ тяжелъ: русскіе потерпѣли пораженіе, потеряли много людей, всю артиллерію. Но у нихъ оставался Петръ Великій, а великіе люди бываютъ сильны приготовленіемъ къ неудачѣ и къ успѣху, ибо не теряютъ духа при неудачѣ и умѣютъ пользоваться успѣхомъ. Неудача — проба генія, и Петръ умѣлъ выдержать страшное искушеніе. Кромѣ матеріальныхъ потерь нравственное впечатлѣніе нарвскаго пораженія было ужасно. Извѣстно, какъ ободряетъ первый успѣхъ, какъ отнимаетъ духъ первая неудача, а теперь неудачно начинается дѣло, которому далеко не всѣ сочувствуютъ; въ глазахъ многихъ нарвское пораженіе было явнымъ наказаніемъ Божіимъ за грѣхъ новаго дѣла.

Задавъ русскимъ такой тяжелый урокъ, Карлъ XII пошелъ на югъ преслѣдовать короля Августа; ибо гнаться за непріятелемъ слабымъ, оставляя въ тылу сильнаго и рѣшиться съ небольшимъ войскомъ во второй половинѣ ноября идти въ глубь Россіи было бы крайнимъ безразсудствомъ. Петръ воспользовался удаленіемъ Карла: ему представилась возможность проходить съ своимъ войскомъ школу по извѣстной программѣ. Но прежде всего надобно было поднять духъ своихъ послѣ перваго тяжелаго урока, заставить ихъ идти въ школу, которая такъ имъ опротивила послѣ Нарвы. Отъ нарвскаго плѣна спасся бѣгствомъ съ своею конницею Бор. Петр. Шереметевъ, человѣкъ очень способный, но при Петрѣ, самъ же по себѣ, по природѣ своей, неготовый къ неудачѣ и къ успѣху: послѣ неудачи падалъ духомъ, а послѣ успѣха—какъ бы отдохнуть, поѣхать въ Москву, повидаться съ семьею, позаняться домашними дѣлами. Петру въ продолженіе всей службы Шереметева было много хлопотъ съ нимъ въ этомъ отношеніи. Двѣ недѣли спустя послѣ нарвскаго пораженія Петръ пишетъ ему: „Не годится при несчастіи всего лишаться, и потому повелѣваемъ быть при начатомъ дѣлѣ, съ конницею беречь ближнихъ мѣстъ, и идти далѣе, для большаго вреда непріятелю. Да и отговариваться нечѣмъ: людей довольно, рѣки и болота замерзли. Не чини отговорки ничѣмъ; а если болѣзнію, и та получена между бѣглецами.“ А между тѣмъ въ пограничныхъ мѣстахъ, Новгородѣ, Псковѣ, псковскомъ Печерскомъ монастырѣ кипѣли работы для ихъ укрѣпленія: работали всѣ, солдаты и священники, мужчины и женщины, и горе тому, кто не хотѣлъ работать или хотѣлъ поживиться при общемъ дѣлѣ: въ Москвѣ и Новгородѣ повѣшено было двое людей, которые брали взятки у пріема подводъ. Артиллерія была потеряна подъ Нарвою; надобно было какъ можно скорѣе приготовить другую. Петръ велѣлъ со всего государства, съ знатныхъ городовъ отъ церквей и монастырей собрать часть колоколовъ на пушки и мортиры. Старикъ Виніусъ „Надзиратель артиллеріи,“ работалъ по-петровски, и въ концѣ 1701 года было приготовлено больше 300 орудій, хотя Виніусъ и сильно жаловался на пьянство мастеровъ, которыхъ, писалъ онъ, ни ласкою, ни битьемъ отъ той страсти отучить не-

возможно. Но въ то же время надобно было приготовлять и людей; 250 мальчиковъ собрано было въ школы, изъ которыхъ, по обѣщанію Виніуса, должны были выйти хорошіе инженеры, артиллеристы и мастера. Вслѣдъ за добрыми вѣстями отъ Виніуса добрыя вѣсти отъ Шереметева: пользуясь превосходствомъ своихъ силъ онъ поразилъ шведскаго генерала Шлиппенбаха при мызѣ Эрестферъ, потеря Шведовъ была втрое противъ потери Русскихъ. Великое торжество: первая побѣда и побѣда послѣ Нарвы! Въ Москвѣ, на башняхъ и стѣнахъ Кремлевскихъ развѣваются знамена, взятыя у Шведовъ. Шереметевъ сдѣланъ былъ фельдмаршаломъ, получилъ андреевскій орденъ, портретъ царя, осыпанный брилліантами. Побѣдителю захотѣлось отдохнуть, побывать въ Москвѣ: „Въ началѣ 1702 года хотя и быть, отвѣчалъ Петръ: чтобъ на страстной или на шестой пріѣхать, а на святой паки назадъ.“ Въ концѣ мая Петръ сталъ торопить Шереметева въ новый походъ въ Ливонію, ибо пришло извѣстіе, что непріятель готовитъ въ эту страну транспортъ изъ Помераніи: „Теперь истинный часъ, пока транспортъ не учиненъ, таковой предварить,“ писалъ царь фельдмаршалу; Борисъ Петровичъ двинулся и въ іюлѣ опять нанесъ сильное пораженіе тому же Шлиппенбаху при Гуммельсгофѣ. Послѣ этого Шереметевъ началъ „изрядно гостить“ въ Лифляндіи по выраженію Петра, т. е. страшно опустошалъ страну, по совѣту союзника, польскаго короля Августа, чтобъ шведскія войска не могли найти въ Ливоніи пріюта и продовольствія. Петръ смотрѣлъ на Ливонскіе походы какъ на школу для своихъ и какъ на средство ослабленія непріятеля; объ утвержденіи въ странѣ онъ не думалъ. Онъ все лѣто 1702 года провелъ въ Архангельскѣ, ибо получилъ извѣстіе, что Шведы намѣрены захватить этотъ городъ. Лѣто проходило, опасности для старой морской пристани не было, и Петръ сталъ думать о пріобрѣтеніи новой, на Балтійскомъ морѣ. Петръ явился въ Ладогу и призвалъ къ себѣ Шереметева „чтобъ сего, Богомъ даннаго времени не потерять.“ По прибытіи Шереметева Петръ повелъ войско къ Нотебургу (Орѣшку), и 11 октября взялъ его, труднымъ и кровавымъ приступомъ. „Правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ. Артиллерія наша зѣло чудесно дѣло свое исправила.“ Такъ писалъ Петръ Надзирателю Артиллеріи, Виніусу. Семидесятилѣтній старикъ, съѣздивши по артиллерійскимъ дѣламъ въ Новгородъ и Псковъ, отправился въ Сибирь, чтобъ посмотрѣть тамошніе рудники и заводы и писалъ: „Толикое обрѣлъ я множество рудъ желѣзныхъ, что мню до скончанія міра не выкопаются.“ Жесткій орѣхъ былъ названъ Шлиссельбургомъ, Ключемъ — городомъ. Для чего же понадобился Ключъ? Въ апрѣлѣ 1703 года отъ него по правому берегу Невы, лѣсами шли русскія войска подъ начальствомъ Шереметева и нашли при устьѣ Охты въ Неву маленькую шведскую крѣпость Канцы или Ніеншанцъ, сторожившую устье Невы. Къ русскому войску пріѣхалъ бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ и отправился на 60 лодкахъ осматривать невское устье. 1 мая Канцы были взяты, но на взморьи показались два непріятельскихъ судна, и 5 мая подошли къ устью Невы. Капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Меншиковъ съ Преображенскимъ и Семеновскимъ полками въ 30 лодкахъ окружили ихъ и взяли. Первый успѣхъ на морѣ! обрадовались какъ дѣти, тою живою, сильною радостію, которая обличаетъ горячее участіе къ дѣлу, условіе успѣха въ немъ. Капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Меншиковъ получили андреевскія ленты. Добрались наконецъ до Балтійскаго моря; завѣщаніе предковъ исполненно, но не совсѣмъ: надобно

укрѣпиться на этомъ морѣ. 16 мая 1703 года, на одномъ изъ островковъ Невскаго устья рубили деревянный городокъ. Городокъ назвали Петербургомъ. Изъ него потомъ вышла новая столица, столица Русской Имперіи. Зачѣмъ это новая столица? На этотъ вопросъ пусть отвѣчаетъ древняя исторія, пусть укажетъ, что новыя столицы не были новостями и въ старину.

Дѣйствительно съ дѣтства въ школахъ узнаемъ мы изъ учебниковъ русской исторіи, что у насъ переносятся столицы изъ одного мѣста въ другое, изъ Новгорода въ Кіевъ, изъ Кіева во Владиміръ, изъ Владиміра въ Москву. Откуда это явленіе, отъ чего мы не видимъ его въ другихъ государствахъ, государствахъ западной Европы? Причина уясняется при первомъ взглядѣ на карту. Чрезвычайная обширность государственной области, особенно при малочисленности народонаселенія и отсутствіе цивилизаціи необходимо условливала это явленіе. Какъ человѣкъ, находящійся въ очень обширномъ помѣщеніи, не можетъ, оставаясь неподвижно въ одномъ какомъ-нибудь углу, ясно обозрѣвать всего помѣщенія, всего разнообразія находящихся въ немъ предметовъ, и потому необходимо сосредоточиваетъ свое вниманіе на одномъ какомъ-нибудь кругѣ предметовъ, особенно ему нужныхъ и остается извѣстное болѣе или менѣе продолжительное время тамъ, гдѣ они помѣщаются и потомъ переходитъ на другое мѣсто обратившее на себя его вниманіе и здѣсь опять останавливается; такъ и правительство чрезвычайно обширной страны принуждено переносить свое мѣстопребываніе изъ одной части страны въ другую, по мѣрѣ надобности, по мѣрѣ прилива и отлива силъ народныхъ въ ту или другую страну, по мѣрѣ сосредоточенія народныхъ интересовъ, народнаго вниманія здѣсь или тамъ, слѣдовательно это перенесеніе правительственныхъ мѣстопребываній не можетъ являться въ исторіи чѣмъ-то произвольнымъ. Такъ называемое перенесеніе столицы изъ Кіева во Владиміръ Андреемъ Боголюбскимъ не было дѣломъ произвола одного князя, это явленіе было слѣдствіемъ отлива народныхъ силъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ; доказательство слишкомъ ясно: этотъ юго-западъ, эта Русь, главная начальная историческая сцена оказалась столь слабою, что не могла поддержать своей политической самостоятельности, и Русь самостоятельная могла явиться только на сѣверо-востокѣ. Также не было произвольно утвержденіе правительственнаго мѣстопребыванія въ Москвѣ, когда понадобилась средина восточной Россіи для ея собранія и для обороны русской самостоятельности равно отъ востока и отъ запада, отъ Татаръ и Литвы, отъ бесерменства и латинства. Также непроизвольно было появленіе новой столицы на берегу моря въ началѣ новой русской исторіи, исторіи по преимуществу европейской. Не Петръ по своему произволу утвердилъ правительственное пребываніе въ Петербургѣ, ибо новопостроенный городокъ былъ оставленъ своимъ основателемъ вовсе не въ такомъ привлекательномъ положеніи, чтобъ удобствами жизни заставить дворъ предпочесть его Москвѣ или какому бы то ни было другому мѣсту. Послѣ Петра мы видимъ извѣстную реакцію противъ его дѣятельности; русскіе люди имѣли полную возможность разобраться въ матеріалѣ преобразованія и разбирались: одно оставили нетронутымъ, другое измѣнили, а потомъ опять нашли нужнымъ уничтожить измѣненія, возвратиться къ петровскимъ формамъ, нѣкоторыя же учрежденія, какъ совершенно неспособныя привиться къ русской почвѣ, изчезли. Что же мѣшало не укрѣплять за Петербургомъ значеніе столицы? Ясно, слѣдовательно, что онъ пріобрѣлъ это значеніе не по произволу Петра, это значеніе дано ему ходомъ

исторіи, точно также какъ поднятъ былъ Владиміръ на счетъ Кіева и Москва поднялась на счетъ Владиміра. Петру принадлежитъ указаніе, но не насиліе. И чѣмъ сильнѣе жалобы на счетъ невыгодъ положенія новой столицы, чѣмъ сильнѣе упреки, дѣлаемые совершенно несправедливо Петру за выборъ мѣста для столицы, тѣмъ яснѣе для историка необходимость явленія, ибо что́ же заставило сносить такія неудобства? Одинъ отвѣтъ: необходимость. Что касается до выбора мѣста для Петербурга, перваго русскаго города при западномъ морѣ, выбора, за который упрекаютъ Петра, то стоитъ только взглянуть на тогдашнюю карту восточной Европы, чтобъ понять этотъ выборъ: новый городъ основанъ тамъ, гдѣ западное море всего глубже входитъ въ великую восточную равнину, и наиболѣе приближается къ собственно русской землѣ, къ тогдашнимъ русскимъ владѣніямъ. Наконецъ, что касается неудобствъ климата и почвы, то нельзя требовать отъ людей физически сильныхъ, чтобъ они предчувствовали немощи болѣе слабыхъ своихъ потомковъ. Петра менѣе чѣмъ кого-либо можно упрекнуть въ односторонности взглядовъ и направленій. Онъ, не скажу: не отнялъ, потому что онъ не могъ этого сдѣлать, но и необнаруживалъ ни малѣйшаго намѣренія отнять у Москвы ея значенія въ пользу Петербурга; и тутъ не было одного, такъ сказать, археологическаго уваженія къ царствующему граду, Москва не осталась только памятникомъ древности. Въ разгаръ преобразовательной дѣятельности, въ которой такъ рѣзко обозначался экономическій характеръ, Москва по своему положенію и подъ особеннымъ покровительствомъ преобразователя, приняла самое дѣятельное участіе въ новомъ движеніи, и въ то время какъ съ такимъ стараніемъ отстраивался приморскій городъ, долженствовавшій имѣть первенствующее торговое значеніе, старая Москва становилась средоточіемъ новорожденной мануфактурной промышленности. Съ появленіемъ Петербурга, Москва не утратила своего значенія, и когда при дочери Петра Великаго Россіи понадобился университетъ, мѣсто ему было указано въ Москвѣ. Москва не потеряла своего значенія ни для своихъ, ни для чужихъ, ни для друзей, ни для враговъ. Враги почтили ее своею враждою, почтили ее своимъ посѣщеніемъ, вписали новую славную страницу въ ея исторію. Москва по прежнему терпѣла бѣды, по прежнему горѣла, и по прежнему росла отъ непрестающаго прилива къ ней жизненныхъ силъ русской земли. Научная жизнь Москвы, какъ университетскаго города, должна высказываться въ спокойномъ уясненіи историческихъ явленій, въ спокойномъ указаніи законовъ народнаго бытія, а такая дѣятельность, расширяя сферу мысли, возвышая духъ, несовмѣстима съ односторонностію, мелочностію взглядовъ, мелкимъ соперничествомъ, завистію. Москва знаетъ, что съ появленіемъ новой столицы, между ними произошло раздѣленіе занятій, а слѣдовательно и соединеніе силъ. Москва знаетъ, что Петръ ничего у нея не отнялъ, что онъ далъ ей все то, что далъ Россіи, и Москва воспользовалась его дарами прежде другихъ и больше другихъ. Москва чтитъ Петра за то мѣсто, которое онъ далъ Россіи, ибо знаетъ, какое мѣсто она, Москва занимаетъ въ Россіи, знаетъ по этому, какъ она возвеличена Петромъ, возвеличившимъ Россію. И въ день славнаго воспоминанія дѣятельности великаго человѣка, Москва должна поступить достойнымъ ея образомъ: спокойно, безпристрастно сказать свое слово и усердно сдѣлать свое дѣло.

Достиженіе завѣтной цѣли вело къ усиленію труда; добыли новый морской берегъ, надобно было строить новый флотъ, и на берегахъ Свири кипѣла работа,

ронили громадныя деревья, и на новой верфи, въ Лодейномъ полѣ строили морскія военныя суда. Разумѣется сардамскій плотникъ былъ тамъ; но въ глубокую осень, когда по Невѣ уже плаваетъ ледъ, онъ въ Петербургѣ, около Котлина острова мѣряетъ морскую глубину: здѣсь будутъ укрѣпленія, оборона Петербурга, куда уже пришелъ первый иностранный купеческій корабль. А между тѣмъ Шереметевъ забиралъ старые русскіе города, которые Шведъ завелъ за себя въ XVII вѣкѣ, Копорье, Ямы, и опустошалъ Эстляндію, чтобъ на будущее время не дать Шведамъ пристанища и прокормленія. Петръ торжественнымъ въѣздомъ въ Тріумфальные ворота отпраздновалъ въ Москвѣ возвращеніе русскихъ городовъ и немедленно отправился въ Воронежъ: чуждый односторонности, онъ одинаково внимательно смотрѣлъ на западъ и востокъ: на сѣверозападѣ нужно было работать, чтобъ отбивать Шведа, на юговостокѣ нужно было также работать, чтобъ сдерживать Турка. Весною 1704 года Петръ опять на западѣ, по обычаю торопитъ Шереметева, чтобъ шелъ поскорѣе и взялъ Дерптъ: „Идти и осадить конечно Дерптъ, чтобъ сего Богомъ даннаго случая не пропустить, и зачѣмъ мѣшкаете не знаю, не извольте медлить." Простодушно отвѣчаетъ Шереметевъ: „Здоровье мое уже не прежнее и не отъ кого помощи нѣтъ, легко мнѣ было жить при тебѣ, да при Данилычѣ (Меньшиковѣ): ничего я за милостію вашею не зналъ." Шереметевъ осадилъ Дерптъ; чтобъ ему было легко, пріѣхалъ самъ Петръ, и Дерптъ былъ взятъ: „Сей славный отечественный градъ паки полученъ," писалъ царь своимъ. Изъ Дерпта Петръ поѣхалъ подъ Нарву, и скоро пошли отъ него письма: „Гдѣ четыре года тому назадъ Господь оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдителями учинилъ, ибо сію преславную крѣпость шпагою въ три четверти часа получили".

Главное на западѣ было сдѣлано. Петръ не хотѣлъ ничего болѣе, сильно желалъ прекращенія войны съ удержаніемъ завоеваннаго, готовъ былъ и уступить часть завоеваній, только бы удержать новопостроенный приморскій городокъ. Но согласится ли Карлъ XII на такой миръ? Конечно нѣтъ. Петръ успѣлъ сдѣлать свое дѣло потому, что „Шведъ увязъ въ Польшѣ." Но Шведъ увязъ въ Польшѣ для того, чтобъ обезпечить себѣ тылъ для дѣйствія противъ Россіи, чтобъ свергнуть съ престола короля Августа и возвести на его мѣсто человѣка себѣ вполнѣ преданнаго, слѣдовательно враждебнаго Россіи. Чтобъ воспрепятствовать этому способу, плану, надобно было дѣятельно помочь Августу. Но помочь ему было трудно. Русскій посланникъ въ Польшѣ, князь Григорій Долгорукій писалъ, что „въ королѣ крѣпости немного; какъ у короля, такъ и въ казнѣ рѣчи посполитой денегъ нѣтъ, но на польскихъ дамъ, на оперы и комедіи у короля деньги есть, однимъ опернымъ пѣвцамъ дано на зиму 100,000 ефимковъ." Русскаго посланника особенно должны были поражать эти издержки, ибо онъ зналъ, какъ просто и бѣдно жилъ въ Россіи шкиперъ и капитанъ Петръ Михайловъ. Долгорукій чрезвычайно наглядно изображаетъ это страшное разслабленіе, овладѣвшее польскимъ высшимъ сословіемъ, которое на словахъ было готово воевать, но не было способно ни къ какому движенію: „Хотятъ они на коней сѣсть, только еще у нихъ стременъ нѣтъ, не по чему взлѣзть."—Надѣйтесь на Бога, писалъ Долгорукій Петру, а на Поляковъ и Саксонцевъ надѣяться нельзя." Карлу XII легко было при такомъ разслабленіи объявить Августа лишеннымъ польскаго престола и провозгласить королемъ познанскаго воеводу Станислава Лещинскаго. Петръ не оставилъ Августа: съ помощію русскаго войска тотъ взялъ у Шведовъ Варшаву. Русскія войска заняли

Курляндію и Литву. Меньшиковъ шелъ дальше и поразилъ Шведовъ при Калишѣ; Петръ запировалъ въ своемъ парадизѣ Петербургѣ, узнавъ, что его любимецъ одержалъ побѣду „какой еще никогда не бывало.“ Но вслѣдъ за этимъ онъ узналъ, что Августъ, чтобъ спасти свою Саксонію отъ вторгнувшихся въ нее Шведовъ, помирился съ Карломъ, отказавшись отъ польскаго престола, слѣдовательно Шведъ уже не увязнетъ болѣе въ Польшѣ, и все бремя войны надобно будетъ взять на одни свои плеча. Въ концѣ 1707 года Карлъ XII двинулся на Петра, грозясь свергнуть его съ престола. Петръ распорядился, чтобъ въ польскихъ владѣніяхъ не вступать съ непріятелемъ въ генеральную битву, а стараться заманивать его къ своимъ границамъ, вредя ему при всякомъ удобномъ случаѣ, особенно при переправахъ через рѣки. Петръ находился въ затруднительномъ положеніи, потому что Карлъ подолгу останавливался, и неизвѣстно было, куда онъ направитъ путь. Петръ въ одно время укрѣплялъ и Москву и Петербургъ. Только въ іюнѣ 1708 года Карлъ переправился черезъ Березину. Послѣ жаркаго дѣла при Головчинѣ, русское войско отступило, и Петръ былъ доволенъ: „Зѣло благодарю Бога, писалъ онъ, что наши прежде генеральной баталіи видѣлись съ непрістелемъ хорошенько, и что всю его армію одна наша треть такъ выдержала и отошла.“ Подождавъ нѣсколько времени въ Могилевѣ своего генерала Левенгаупта, и не дождавшись, Карлъ повернулъ на юговостокъ къ рѣкѣ Сожѣ, потомъ на сѣверъ къ Мстиславлю. У мѣстечка Добраго князь Михайла Голицынъ напалъ на правое непріятельское крыло и поразилъ его, когда же самъ король пришелъ на помощь, то Голицынъ отступилъ въ порядкѣ. Петръ былъ доволенъ и писалъ: „Я, какъ началъ служить, такого огня и порядочнаго дѣйствія отъ нашихъ солдатъ не слыхалъ и не видалъ, и такого еще въ сей войнѣ король Шведскій ни отъ кого самъ не видалъ. Боже! не отъими милость свою отъ насъ впредь!“ Въ сентябрѣ Карлъ повернулъ къ Украйнѣ; самъ царь 28 сентября перехватилъ спѣшившаго къ нему Левенгаупта при деревнѣ Лѣсной, недалеко отъ Пропойска и поразилъ на голову, взялъ всю артиллерію и обозъ, на которыя такъ надѣялся Карлъ. „Сія у насъ побѣда, по словамъ Петра, можетъ первая назваться, понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не бывало, къ тому же еще гораздо меньшимъ числомъ будучи предъ непріятелемъ: тутъ первая проба солдатская была.“ Карлъ вошелъ въ Украйну; Малороссійскій гетманъ Мазепа перешелъ на его сторону, перешли на его сторону запорожскіе козаки; но масса народная въ Малороссіи осталась вѣрна русскому царю; Петръ далъ сей новаго гетмана, Меньшиковъ въ виду Шведовъ взялъ гетманскую столицу Батуринъ, которую защищали приверженцы Мазепы. Запорожская сѣчь была разорена. Петръ, по его словамъ „съ превеликою радостію услыхалъ о разореніи проклятаго мѣста, которое корень злу и надежда непріятелю была.“ Карлъ обманулся во всѣхъ своихъ надеждахъ: послѣ Мазепы и Запорожцевъ онъ еще надѣялся на Турцію, что та воспользуется случаемъ и поднимется вмѣстѣ съ нимъ на Россію; но Турки и Татары не трогались; повсюду кругомъ было тихо; всѣ сосѣдніе народы отказались принять участіе въ борьбѣ за ту или за другую сторону; все какъ будто притаило дыханіе, дожидаясь, чѣмъ разыграется кровавая игра между Петромъ и Карломъ, чѣмъ рѣшится судьба восточной Европы. Она рѣшилась 27 іюня 1709 года подъ Полтавою. „Доносимъ вамъ, писалъ Петръ своимъ: доносимъ вамъ о зѣло превеликой и нечаемой викторіи, которую Господь Богъ намъ чрезъ неописанную храбрость нашихъ солдатъ даровать изво-

лилъ. Вся непріятельская армія фаетоновъ конецъ воспріяла. Нынѣ уже совершенно камень во основаніе С.-Петербурга положенъ съ помощію Божіею."

Превеликая викторія! Спустя полтораста слишкомъ лѣтъ историкъ имѣетъ право прибавить къ словамъ побѣдителя, что эта викторія была однимъ изъ величайшихъ всемірно-историческихъ событій; могущество Швеціи, созданное искусственно посредствомъ завоеваній, было сокрушено; исчезла завѣса, скрывавшая Россію отъ остальной Европы, и предъ изумленными народами запада явилось новое обширное и могущественное государство, умѣвшее побѣдить вождя и войско, считавшіеся до сихъ поръ непобѣдимыми. При громѣ полтавской битвы родился для Европы, для общей европейской жизни новый великій народъ; но и не одинъ народъ: при громѣ этой битвы родилось цѣлое новое племя, племя славянское, нашедшее для себя достойнаго представителя, при помощи котораго могло подняться для сильной и славной исторической жизни. Въ европейской исторіи наступила новая эпоха.

Чѣмъ славнѣе, многозначительнѣе побѣда, тѣмъ выше поднимается побѣдитель. Но Петръ поднимается ли высоко для насъ какъ полтавскій побѣдитель? Нѣтъ, въ глазахъ историка онъ стоитъ такъ высоко, что титулъ побѣдителя, даже и полтавскаго является чѣмъ-то малымъ и одностороннимъ. Въ этомъ побѣдителѣ мы не видимъ ничего воинскаго, ничего геройскаго въ тѣсномъ смыслѣ военномъ, никакого пристрастія къ войнѣ, никакого стремленія къ военной славѣ. Мы видимъ великаго человѣка, народнаго героя, сознательно удовлетворяющаго извѣстной народной потребности; разъ начерталъ онъ свой преобразовательный планъ и выполняетъ его неуклонно; война, военный успѣхъ входятъ въ этотъ планъ только какъ средство. Мы видѣли это необыкновенное спокойствіе и ясность взгляда при оцѣнкѣ каждаго военнаго дѣйствія; эти спокойствіе и ясность не покидаютъ Петра и при оцѣнкѣ полтавской побѣды. Война начата какъ тяжкая необходимость для произведенія экономическаго переворота въ народной жизни, для пріобрѣтенія моря; послѣ долгихъ, тяжкихъ трудовъ и опасностей одержана блестящая, рѣшительная побѣда, сокрушившая всѣ силы врага, изумившая Европу; какъ же побѣдитель смотритъ на значеніе побѣды? она, по его взгляду, кладетъ камень въ основаніе приморскаго городка, даетъ средство закрѣпить для Россіи берегъ западнаго моря. Война, побѣда исчезаютъ въ своемъ самостоятельномъ значеніи, исчезаетъ полководецъ, побѣдитель, но тѣмъ выше поднимается великій человѣкъ, вождь своего народа въ великомъ движеніи, обхватившемъ весь организмъ народной жизни.

ЧТЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Война входила въ общій планъ преобразованія какъ средство для достиженія ясно сознанныхъ, опредѣленныхъ цѣлей этого преобразованія, входила въ общій планъ какъ школа, дававшая извѣстное приготовленіе народу, приготовленіе необходимое въ его новой жизни, новыхъ отношеніяхъ къ другимъ народамъ. Поэтому мы должны ожидать, что война не останавливала преобразовательнаго движенія въ другихъ сферахъ. Мы видѣли, что еще передъ сѣверною войною, въ концѣ XVII вѣка Петръ высвободилъ промышленное городское населеніе изъ

подъ власти воеводъ и далъ ему самоуправленіе, и было замѣчено, что подобныя преобразованія имѣли воспитательное значеніе для общества, пріучая его членовъ къ самостоятельной дѣятельности и дѣятельности сообща, уничтожая рознь, причину слабости гражданскаго духа въ народѣ. Упомянутое преобразованіе въ жизни промышленнаго городского населенія не стояло одиноко и безсвязно. Цѣлая система подобныхъ учрежденій проводилась неуклонно и сильно преобразователемъ, и, разумѣется, только такая система и можетъ дать историку право говорить о воспитательномъ значеніи преобразовательной дѣятельности. Знакомые уже съ характеромъ дѣятельности Петра, съ его постояннымъ движеніемъ изъ одного угла обширнѣйшей страны въ другой, то въ Петербургъ, то въ Воронежъ, то въ Азовъ, то въ Литву мы должны ожидать измѣненій и въ высшемъ управленіи. Прежде царь постоянно находился въ Москвѣ, и дума, совѣтъ, собиравшійся при немъ изъ трехъ знатнѣйшихъ чиновъ, бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ, постоянно была подъ вліяніемъ этого царскаго присутствія; какъ угодно было государю вести совѣщаніе, такъ оно и велось, не было никакихъ формъ, которыя бы опредѣляли степень участія и отвѣтственности членовъ думы. Но теперь царь часто и по долгу отсутствуетъ изъ Москвы, пріѣдетъ на короткое время, укажетъ на множество необходимыхъ дѣлъ и уѣдетъ. Члены думы остаются одни съ обязанностію обсудить, какъ что лучше сдѣлать и непремѣнно сдѣлать, и скоро сдѣлать; царь не такой человѣкъ, чтобъ хладнокровно смотрѣлъ на медленность, на дѣланіе кое-какъ, чтобъ принималъ какія-нибудь отговорки. И вотъ старая дума должна усилить свою дѣятельность: царя нѣтъ, нельзя ждать какъ онъ укажетъ въ трудномъ дѣлѣ, надобно рѣшить самимъ трудное дѣло и исполнить. Тяжело, непривычно. Одинъ кто-нибудь скажетъ, какъ надобно сдѣлать: и прекрасно, что долго думать, сдѣлать такъ. И вдругъ царь разгнѣвался: не такъ. Что жъ дѣлать? кто виноватъ? никто, всѣ такъ рѣшили. Но царь принимаетъ свои мѣры, приходитъ требованіе, безцеремонное въ выраженіяхъ, какъ всѣ требованія петровскія, требованіе, чтобъ они всякія дѣла, о которыхъ совѣтуются, записывали, и каждый бы своею рукою подписывалъ, и безъ того никакого дѣла не рѣшать, „ибо этимъ дурость всякаго будетъ явна." Каждый, слѣдовательно, долженъ обдумать дѣло, подать свое мнѣніе и подписать его, согласился съ другимъ и это обозначится подписью, каждый долженъ принять на себя отвѣтственность за свое мнѣніе, ибо уже не скроется, что кто думалъ; надобно думать да и думать, а то придется объявить свою „дурость". И вотъ нѣкоторые отзываются съ готовностію на призывъ къ самостоятельной дѣятельности, другіе болѣе лѣнивые по натурѣ, невольно должны становиться на свои ноги, пріучаться къ самостоятельной дѣятельности, думать, изучать дѣло, справляться, совѣтоваться съ другими, а сфера все болѣе и болѣе расширяется, безпрестанно слышатся слова: въ такой-то странѣ дѣлается такъ, въ другой иначе, и побужденіе къ дѣятельности не ослабѣваетъ, не ослабѣваетъ царское требованіе—не смѣть своего сужденія не имѣть. Въ старину если посылали кого-нибудь исполнить извѣстное порученіе, то давали ему длинный наказъ, инструкцію, опредѣлявшую съ точностію каждое его движеніе, длинный свивальникъ, которымъ пеленали взрослаго человѣка. Дѣйствія свивальника оказывались тотчасъ же, отнимая всякую свободу движенія: какъ скоро исполнитель порученія, спеленатый наказомъ, встрѣчалъ какое-нибудь малѣйшее обстоятельство, непредвидѣнное въ наказѣ, онъ останавливался, и слалъ изъ дальняго мѣста въ

Москву за новымъ наказомъ; между тѣмъ благопріятное время уходило невозвратно. Петръ не могъ равнодушно сносить этой привычки русскихъ людей къ пеленкамъ, и требовалъ, чтобъ посланные съ порученіемъ поступали по своему разсужденію, смотря на оборотъ дѣлъ, ибо „издали, писалъ онъ, нельзя такъ знать, какъ тамъ (на мѣстѣ) будучи.“ И повторялъ: „Во всякомъ къ вамъ указѣ, всегда я по окончаніи письма полагался на ваше по тамошнему состоянію дѣлъ разсужденіе, что и нынѣ подтверждаю, ибо намъ, такъ отдаленнымъ, невозможно конечнаго рѣшенія вамъ дать, понеже случаи ежедневно перемѣняются.“

Болѣе десяти лѣтъ старинная дума привыкала къ новому положенію, управлять во время отсутствія царя, привыкала къ самостоятельной дѣятельности и къ необходимо связанной съ такою дѣятельностію отвѣтственности, отвѣтственности предъ царемъ, о которомъ знала, что не пропуститъ никакого упущенія, не посмотритъ ни на что сквозь пальцы. Между тѣмъ новыя слова для выраженія новыхъ отношеній незамѣтно входятъ въ употребленіе. Высшее правительственное собраніе называется уже *конзиліею*, и члены его министрами. Въ 1711 году эта конзилія министровъ получила новое названіе, и болѣе опредѣленное значеніе и устройство: учрежденъ Правительствующій Сенатъ, которому каждый обязанъ былъ послушаніемъ, какъ самому царю, и въ то же время явилась новая форма присяги государю и государству. Правый судъ, наказаніе несправедливыхъ судей и ябедниковъ, соблюденіе строгой бережливости въ расходахъ, умноженіе доходовъ, снабженіе войска людьми, усиленіе торговли — вотъ первыя обязанности сената, предписанныя ему учредителемъ. Дѣла рѣшались единогласно, каждый указъ должны подписывать всѣ члены собственноручно; если одинъ откажется подписать, то приговоръ остальныхъ недѣйствителенъ, но несоглашающійся сенаторъ долженъ изложить причины своего несогласія на письмѣ. За два года передъ тѣмъ Россія была раздѣлена на 8 большихъ губерній, подраздѣлявшимися на области, которыми управляли по прежнему воеводы. Теперь губернаторы стали подчинены сенату, въ канцеляріи котораго безотлучно находились коммиссары изъ каждой губерніи для пріема указовъ и подачи отвѣтовъ на вопросы по дѣламъ, касавшимся ихъ губерній. Считались нужными эти живые посредники, живые и скорые отвѣтчики на запросы правительствующаго, ибо губернаторы, по непривычкѣ къ своему положенію, къ разнообразію дѣлъ въ обширныхъ областяхъ, при недостаткѣ способныхъ, знающихъ, привычныхъ и благонамѣренныхъ людей, отличались медленностію въ своихъ распоряженіяхъ и отвѣтахъ. Но дѣлать нечего, надобно было и губернаторамъ проходить свою тяжелую школу, пріучаться къ быстротѣ движенія, потому что царь не выносилъ медленности, она его приводила въ печаль, а печалить Петра была нельзя безъ опасныхъ послѣдствій. Такъ въ началѣ 1711 года Петръ писалъ Меншикову: „Донынѣ Богъ вѣдаетъ, въ какой печали пребываю, ибо губернаторы зѣло раку послѣдуютъ въ присхожденіи своихъ дѣлъ, которымъ послѣдній срокъ въ четвергъ на первой недѣлѣ (поста), а потомъ буду не словомъ, но руками съ оными поступать.“

Но признакъ великаго человѣка—приготовленность къ удачѣ и неудачѣ; неудача ожидается, какъ естественное слѣдствіе новости дѣла, непривычки къ нему, человѣкъ долженъ знать, что въ дѣлѣ человѣческомъ нѣтъ совершенства, должны непремѣнно обнаружиться темныя, нежеланныя стороны. Видя эти неудачи, несовершенства, темныя стороны новаго дѣла, люди обыкновенные тревожатся, теряютъ вѣру въ пользу новаго дѣла, кричатъ, за чѣмъ оно, прежде луч-

ше было, или, по крайней мѣрѣ, оно рановременно, надобно было подождать, пока народъ, общество будутъ къ нему готовы, и вотъ стремленіе если не уничтожить новое дѣло, то хотя измѣнить, ограничить его. Но великій человѣкъ, сознавши необходимость извѣстнаго дѣла, не тревожится первою неудачею, несовершенствами; онъ можетъ печалиться, оскорбляться неприготовленностію людей, особенно если это нравственная неприготовленность, но непридетъ въ отчаяніе, не броситъ дѣла, а усилитъ только вниманіе къ нему, уходъ за нимъ. Мы не приходимъ въ отчаяніе отъ того, что новорожденный ребенокъ является такимъ слабымъ существомъ, не можетъ ходить, и спокойно ждемъ, когда онъ окрѣпнетъ и станетъ ходить, и тутъ не приходимъ въ отчаяніе, что онъ еще плохо держится на ногахъ, часто падаетъ. Мы смотримъ спокойно на эти явленія, ибо привыкли смотрѣть на нихъ какъ на естественныя и необходимыя; но не всѣ способны привыкнуть къ признанію общихъ законовъ въ явленіяхъ, не всѣ привыкли въ каждомъ новомъ дѣлѣ видѣть новорожденнаго ребенка, которому надобно окрѣпнуть, а для этого нуженъ самый старательный уходъ, устраненіе всѣхъ вредныхъ вліяній. Новыя дѣла, а ихъ было много при Петрѣ, приносили ему, особенно вначалѣ, много огорченій тѣмъ, что шли не такъ какъ бы хотѣлось; но огорченіе не переходило въ отчаяніе, и послѣ неудачъ въ дѣлахъ внутреннихъ Преобразователь являлся такъ же великъ, какъ послѣ неудачи перваго азовскаго похода, какъ послѣ нарвскаго пораженія. Мы видѣли, что однимъ изъ первыхъ внутреннихъ преобразованій его было высвобожденіе городскаго промышленнаго народонаселенія отъ власти воеводъ, самоуправленіе промышленнаго сословія. Дѣло было новое и пошло неудачно. И здѣсь, какъ во всѣхъ неудачахъ коллегіальнаго управленія при Петрѣ, была повѣрка древней Руси, и повѣрка мнѣніямъ о древней Руси. Еслибы въ древней, допетровской Руси былъ силенъ такъ называемый общинный бытъ, была сильна привычка къ общему дѣйствію, къ соединенію силъ, привычка отзываться на общее дѣло и дѣлать его усердно, умѣнье видѣть въ общемъ интересѣ охрану интереса частнаго, привычка сильныхъ, для сохраненія своей силы, нравственнаго и политическаго вліянія сторониться съ своимъ интересомъ предъ интересомъ слабыхъ по одиночкѣ, но сильныхъ опять тою же привычкою къ соединенію, — еслибы всѣ эти привычки были сильны въ древней Руси, то когда Петръ, отстраняя существовавшія до него препятствія, призывалъ русскихъ людей къ общему дѣйствію, они должны были бы явиться съ великою охотою и дѣло пошло бы чрезвычайно успѣшно съ самаго начала. Но если мы видимъ явленіе обратное, то естественно и необходимо должны придти къ заключенію, что привычка къ общему дѣлу была очень слаба въ древней Руси, и въ дѣятельности великаго человѣка, великаго государя, который въ своихъ учрежденіяхъ завелъ школы для общаго дѣла, мы должны видѣть благодѣтельный почин народнаго воспитанія. Мы видѣли, что на выборныхъ для городскаго самостоятельнаго управленія, или такъ называемыхъ бурмистровъ возложенъ былъ сборъ казенныхъ доходовъ и повѣрка ихъ, и вотъ оказались сильные безпорядки при этой повѣркѣ и казнокрадство въ обширныхъ размѣрахъ. Обнаружился и другой признакъ крайней слабости въ дѣлѣ самоуправленія, неумѣнье соединенными силами слабыхъ сдерживать сильныхъ, которые стремятся къ господству, къ удовлетворенію своимъ личнымъ выгодамъ на счетъ слабыхъ, порозненныхъ и потому не могущихъ выставить никакого сопротивленія. Такое положеніе есть самое

опасное для общества или учрежденія, которому дано самоуправленіе; освобожденное отъ тяжести внѣшней власти, получивши свободу управляться само собою, выбирать изъ своей среды людей, которые должны завѣдывать его дѣлами, общество или учрежденіе выбрало себѣ господъ, которые стремятся употребить во зло свое значеніе и могутъ дѣлать это тѣмъ безнаказаннѣе, тѣмъ благовиднѣе, что они выборные представители свободнаго общества или учрежденія, дѣйствуютъ во имя его. Раждается вопль: что же выиграно? Прежде не было такъ тяжело, прежде было лучше, надобно возвратиться къ прежнему или, по крайней мѣрѣ, передѣлать, измѣнить новое сообразнѣе существующимъ средствамъ, ясно что люди неспособны къ новому дѣлу, нѣтъ людей, надобно ихъ приготовить, воспитать; такъ вопятъ люди, не знающіе, что извѣстная дѣятельность и есть необходимое приготовленіе, воспитаніе. Но эти вопли способны сильно смутить, ввести въ искушеніе преобразователя. Петръ выдержалъ искушенія. Его сильно печалилъ неудачный ходъ новыхъ дѣлъ; человѣка съ орлинымъ полетомъ сильно оскорбляли и раздражали люди, которые, по его выраженію, *подобились раку* въ своемъ движеніи; но онъ не потерялъ вѣры въ свое дѣло и въ свой народъ, остался вѣренъ мысли о необходимости дѣятельной школы, которую долженъ былъ проходить народъ, и въ которой долженъ былъ учиться неудачами, остался вѣренъ мысли, что каждое учрежденіе должно имѣть свою Нарву, чтобъ имѣть Полтаву, остался непоколебимъ въ проведеніи всюду коллегіальнаго устройства, какъ устройства, имѣвшаго воспитательное значеніе для народа.

Въ этой вѣрѣ въ дѣло и народъ Преобразователя поддерживалъ тотъ живой сильный откликъ, который послышался отовсюду, когда вождь кликнулъ кличь по дружину, по смѣлыхъ, неутомимыхъ работниковъ. Не все были люди, которые вначалѣ раку подобились въ новомъ дѣлѣ; поднялись и молодые орлята, которые, сгарая нетерпѣніемъ, стали торопить дѣло, забѣгали впередъ, требовали мѣръ рѣшительныхъ и крутыхъ, революціонныхъ, какъ мы теперь называемъ. Сильное движеніе преобразовательной эпохи, новые предметы и учрежденія, расширеніе сферы, противоположность толковъ все это должно было поднять людей живыхъ и способныхъ въ разныхъ слояхъ общества, въ самомъ низшемъ, возбудить въ нихъ надежду на болѣе широкую дѣятельность. Это движеніе, новости, обхватъ цѣлаго общества какимъ-то другимъ воздухомъ выразилось еще въ 1694 году однимъ если угодно комическимъ, или трагико-комическимъ, но любопытнымъ явленіемъ: явился въ Москву крестьянинъ и потребовалъ у правительства средствъ сдѣлать крылья, потому что онъ сумѣетъ полетѣть какъ журавль. Опытъ кончился неудачно и очень печально для русскаго Икара; но скоро движеніе пошло болѣе серіознымъ образомъ. Мы не разъ упоминали о томъ, что преобразованіе имѣло экономическій характеръ; вопросъ о бѣдности и богатствѣ, о бѣдности Россіи сравнительно съ другими государствами, о средствахъ сдѣлать ее богатой, сдѣлать для нея возможнымъ удовлетвореніе громаднымъ издержкамъ преобразованія, предпринимаемаго для усиленія и обогащенія Россіи — этотъ вопросъ былъ на первомъ планѣ для всякаго, возбужденнаго движеніемъ человѣка, и вотъ снизу является рядъ людей, способныхъ, бывалыхъ, которые предлагаютъ правительству свои планы относительно увеличенія доходовъ, свои услуги въ этомъ важномъ дѣлѣ. Мысли выслушаны, услуги приняты, и нѣкоторые изъ этихъ людей, отмѣченныхъ въ народѣ названіемъ *прибыльщиковъ*, стали видными дѣятелями эпохи преобразованія. Взглядъ прибыльщиковъ, ихъ ученіе, ихъ те-

орія высказалась въ извѣстномъ сочиненіи крестьянина Посошкова: *О скудости и богатствѣ*, которое самымъ названіемъ своимъ даетъ намъ знать, что въ это время болѣе всего лежало на сердцѣ у мыслящаго русскаго человѣка, пробужденнаго движеніемъ преобразовательной эпохи. Обогащеніе Россіи посредствомъ обезпеченія промышленнаго труда и трудящагося человѣка отъ печальнаго положенія суда, управленія и сословныхъ отношеній, завѣщаннаго древнею Россіею, причемъ Посошковъ предлагаетъ самыя крутыя, восточныя, турецкія мѣры, показывающія, что самъ авторъ принадлежитъ половиною своего нравственнаго существа древней Россіи; сильное сочувствіе преобразователю, жалоба на то, что онъ въ меньшинствѣ тянетъ въ гору, тогда какъ большинство стремится подъ гору, — вотъ основныя черты сочиненія Посошкова. Въ практической дѣятельности изъ этихъ людей, поднятыхъ снизу вверхъ преобразовательнымъ движеніемъ былъ знаменитъ прибыльщикъ Курбатовъ. Въ одномъ изъ приказовъ подкинуто было письмо. Вмѣсто извѣта о какомъ-нибудь зломъ умыслѣ государь нашелъ въ письмѣ проектъ о гербовой или *орленой* бумагѣ. Гербовая бумага, какъ важный источникъ дохода, была немедленно введена. Сочинителемъ проекта оказался Курбатовъ, дворецкій боярина Бор. Петр. Шереметева, человѣкъ очень бывалый и не въ одной Россіи; вмѣстѣ съ господиномъ своимъ онъ путешествовалъ и за границей. Курбатовъ былъ щедро награжденъ, пожалованъ въ дьяки Оружейной палаты и получилъ возможность уже не подметными, но явными письмами сообщать царю свои мнѣнія обо всѣмъ. Курбатову Петръ поручилъ устроить порядокъ въ московской ратушѣ или бурмистрской палатѣ, въ которой, какъ мы упоминали, дѣло шло дурно по непривычкѣ къ новому дѣлу, по неохотѣ заниматься общимъ дѣломъ, неприносящимъ непосредственной выгоды частному человѣку, или по стремленію извлечь изъ общаго дѣла какъ можно больше частныхъ выгодъ, покормиться на счетъ казны.

Петръ не пришелъ въ отчаяніе отъ картины тѣхъ злоупотребленій и безпорядковъ по ратушному, т. е. по финансовому управленію, какую представилъ ему Курбатовъ; онъ не дотронулся до учрежденія, поручивъ только временно надежному человѣку уничтоженіе безпорядковъ и злоупотребленій. Печальный примѣръ коллегіальнаго управленія въ ратушѣ не отнялъ у него вѣры въ достоинство этой формы и онъ немедленно ввелъ ее въ областное управленіе, велѣлъ всякія дѣла съ воеводами вѣдать дворянамъ, въ большихъ городахъ человѣка по четыре и по три, а въ меньшихъ по два, указы чинить дворянамъ обще съ воеводами, а одному воеводѣ безъ дворянъ никакихъ дѣлъ не дѣлать. Легко понять, какъ должны были оскорблять и раздражать Петра извѣстія о страшномъ казнокрадствѣ въ то время, когда при громадномъ увеличеніи расходовъ нужно было изыскивать всѣ средства къ увеличенію доходовъ въ бѣдномъ государствѣ, когда народъ долженъ былъ платить тяжелыя подати, когда на него наложенъ былъ великій трудъ, когда самъ царь, подавая примѣръ, трудился небывалымъ образомъ и для уменьшенія расходовъ жилъ чрезвычайно просто съ отстраненіемъ царской обстановки. Не одна продолжительная и тяжелая война, не одно переустройство войска и заведеніе флота, построеніе крѣпостей требовали большихъ расходовъ: Россія должна была войти въ систему европейскихъ державъ, жившихъ общею жизнію и потому постоянно сносившихся другъ съ другомъ, наблюдавшихъ за движеніями, за внутреннею жизнію другъ друга. Для этого каждый дворъ имѣетъ при другихъ дворахъ постоянныхъ представителей; Россія должна была выполнить это необходи-

мое условіе вступленія въ общую европейскую жизнь. Мы уже видѣли, какъ ей трудно было это сдѣлать, и какъ Петръ, съ глубокою вѣрою въ способности своего народа, рѣшилъ трудный вопросъ, признавши и здѣсь необходимость практической школы и назначилъ на важнѣйшіе дипломатическіе посты русскихъ людей. Но мало было, чтобъ представители Россіи при чужихъ дворахъ вели себя искусно и достойно: они должны были поддерживать достоинство своего двора внѣшнею обстановкою, на что нужно было много денегъ; кромѣ того посланники должны были имѣть въ своемъ распоряженіи значительныя суммы для подкупа вліятельныхъ лицъ, для узнанія нужныхъ секретовъ. Для удовлетворенія всѣмъ этимъ требованіямъ прибыльщики изыскивали всевозможныя средства; взято было все, что только можно было взять; отдано было на откупъ все что можно было отдать. Отнято было право владѣльцевъ мѣстъ, гдѣ производились торжки, брать пошлину на себя, пошлина стала идти въ казну, уничтожены были такъ называемые тарханы, по которымъ извѣстныя лица освобождались отъ платежа пошлинъ. У бѣднаго народа была роскошь — дубовые гробы: и этотъ предметъ роскоши казна взяла себѣ и продавала противъ покупной цѣны вчетверо дороже; наложена была пошлина на бороду и усы: кто не хотѣлъ бриться, отплачивался деньгами. Всѣ эти тяжести и трудъ русскій народъ долженъ былъ поднять временно, чтобъ вдвинуть Россію въ Европу и пріобрѣсти средства усиленія и обогащенія, а эти средства состояли въ искусствѣ и знаніи. Петръ прямо и для всѣхъ понятно указывалъ своему народу цѣли его и своей чрезвычайной дѣятельности, — внутреннее спокойствіе и внѣшняя безопасность посредствомъ хорошо устроеннаго войска и обогащеніе страны посредствомъ торговли. Такъ эти цѣли прямо были высказаны въ знаменитомъ манифестѣ 1702 года о вызовѣ иностранцевъ въ Россію: „Мы побуждены были, говоритъ царь, въ самомъ правленіи учинить нѣкоторыя нужныя и къ благу земли нашей служащія перемѣны, дабы наши подданные могли тѣмъ болѣе и удобнѣе научиться понынѣ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ и тѣмъ искуснѣе становиться во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ.“ При такомъ практическомъ взглядѣ легко понять, какого рода школы должны были явиться въ Москвѣ; явились школы Математическая и Навигаторская, гдѣ первыми преподавателями были три англичанина. Школы эти находились въ вѣдѣніи Оружейной Палаты, т. е. адмирала Головина и дьяка, извѣстнаго намъ Курбатова. Скоро послѣ заведенія школъ знаменитый прибыльщикъ уже радовался, что многіе всякаго званія и зажиточные люди познали сладость науки и отдаютъ въ тѣ школы дѣтей своихъ, а иные молодые люди сами приходятъ съ немалою охотою. Мы уже упоминали о правилѣ Петра, котораго держались и всѣ его сотрудники — брать иностранцевъ, но строго наблюдать за ними, чтобъ они не тѣснили русскихъ и какъ можно скорѣе выдвигать послѣднихъ, чтобъ они могли замѣнить наемниковъ. Такъ и Курбатовъ немедленно къ тремъ учителямъ Англичанамъ приставилъ помощника русскаго, Леонтія Магницкаго, и, замѣтивъ, что иностранцы „обязали себя къ нему ненавистію,“ по выраженію Курбатова, за отличное исполненіе имъ своихъ обязанностей, Курбатовъ всѣми силами поддерживалъ Магницкаго, въ слѣдствіе чего Англичане должны были только усерднѣе исполнять свои обязанности. Этотъ Магницкій былъ авторомъ знаменитой „Ариѳметики, сирѣчь науки числительной,“ изданной въ 1703 году.

Для школъ и для распространенія свѣдѣній между любознательными взрослыми людьми нужны были книги на русскомъ языкѣ, прежде всего учебники. Понят-

но, что нужно было переводить ихъ съ иностранныхъ языковъ, понятно, что дѣло перевода книгъ было однимъ изъ самыхъ важныхъ и самыхъ трудныхъ дѣлъ. Кромѣ страшной трудности передачи научныхъ понятій на языкѣ народа, у котораго до сихъ поръ не было науки, была еще трудность, происходившая отъ существованія двухъ языковъ, рѣзко различавшихся другъ отъ друга, книжнаго или такъ называемаго церковно-славянскаго и народнаго. Естественно наука должна была избрать для себя послѣдній языкъ, но ученые люди, знающіе иностранные языки, переводчики привыкли къ книжному языку и живой языкъ народной былъ въ ихъ глазахъ языкомъ подлыхъ людей. Переводъ книгъ, сказалъ я, былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ дѣлъ, и мы уже должны ждать, что Петръ усердно займется имъ: онъ не только указывалъ какія книги надобно переводить, но и требовалъ переводы къ себѣ, самъ исправлялъ ихъ, училъ, какъ надобно переводить, училъ, что не надобно держаться мертваго перевода слово въ слово, но выразумѣвши смыслъ, передавать живымъ образомъ этотъ смыслъ совершенно удобопонятно для русскаго человѣка, т. е. совершенно соотвѣтственно складу русской рѣчи, тогда какъ подстрочный переводъ необходимо искажалъ русскую рѣчь, давалъ ей чужіе обороты. Такъ онъ писалъ одному изъ переводчиковъ: „Книгу о фортификаціи, которую вы перевели, мы прочли: разговоры зѣло хорошо и внятно переведены; но какъ учить фортификаціи дѣлать, то зѣло темно и непонятно переведено; не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ; но точію его выразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть!“ Въ 1707 году типографскіе мастера привезли изъ Голландіи три азбуки „новоизобрѣтенныхъ русскихъ литеръ.“ Этими литерами или такъ называемымъ гражданскимъ шрифтомъ начали печататься книги съ 1708 года, и первою книгою, напечатанною такимъ образомъ, была „Геометрія, словенски землемѣріе.“ Но какъ вездѣ въ дѣятельности Петра, такъ и здѣсь не было односторонности: Царь поручилъ извѣстному тогда ученому Поликарпову написать русскую исторію, и въ то же время приказывалъ переводить книги о событіяхъ всеобщей исторіи, которыя, по господству древней исторіи и литературы въ Европѣ, были у всѣхъ въ устахъ: книгу о Троянской войнѣ, Квинта Курція о дѣяніяхъ Александра Македонскаго.

Могущественное средство развитія человѣка состоитъ въ расширеніи сферы; человѣкъ развивается, когда переносится изъ бѣдной простой обстановки жизни, изъ круга немногихъ и постоянно повторяющихся явленій, въ жизнь обставленную богаче, представляющую больше разнообразія предметовъ и явленій; сельчанинъ поэтому развивается когда переносится въ городъ, еще сильнѣе развиваетъ путешествіе, бывалость; но человѣкъ новой Европы пріобрѣлъ еще средство развитія, возможность участія въ жизни всего современнаго человѣчества; это вѣдомости обо всемъ совершающемся въ современности, вѣдомости, которые распространяются съ такою быстротою посредствомъ печати. Петръ, разумѣется, не могъ обойти и этого средства развитія своего народа. До него знаніе того, что дѣлалось у себя и въ чужихъ странахъ было привилегіею правительства; извлеченія изъ иностранныхъ газетъ (куранты) составлялись для царя и немногихъ приближенныхъ особъ и бережно хранились какъ тайна государственная. Петръ хотѣлъ, чтобъ всѣ русскіе люди знали, что дѣлается на свѣтѣ, и съ 1703 года начали издаваться въ Москвѣ Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ московскомъ государствѣ и въ иныхъ

окрестныхъ странахъ,“ и на первомъ же листкѣ вѣдомости объявили, что московскія школы умножаются, сорокъ пять человѣкъ слушаютъ философію, а въ математической штюрманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся и добрѣ наукѣ пріемлютъ. Не забыто было и четвертое средство для народнаго развитія. Какъ до Петра куранты составлялись только для царскаго употребленія, такъ и сценическія представленія давались только для потѣхи великаго государя: Петръ и то, и другое ввелъ въ народное употребленіе. На Красной площади построена была деревянная комедіальная храмина—для всѣхъ; какъ при царѣ Алексѣѣ, такъ и теперь набрали подъячихъ изъ разныхъ приказовъ и отдали ихъ учиться нѣмцу Куншту, который обязался учить ихъ всякимъ комедіямъ. Въ репертуарѣ этого перваго всенароднаго театра послѣ пьесъ историческаго содержанія видимъ и пьесу „Докторъ принужденный:“ это Мольеровъ Лѣкарь по неволѣ; играли также пьесы, нарочно сочиненныя по поводу какого-нибудь важнаго событія, торжества, напр. въ 1703 году по случаю взятія Орѣшка. Кромѣ этого всенароднаго театра театральныя представленія давались еще учениками славяно-латинской академіи (новосіяющихъ славяно-латинскихъ Аѳинъ); здѣсь пьесы имѣли религіозное содержаніе, но иногда съ примѣсью политическихъ намековъ.

Всѣ эти средства развитія, воспитанія народнаго, и школы, и книги, и вѣдомости, и театръ представляли, разумѣется, еще слабые начатки; чтобъ оказалось ихъ вліяніе, нужно было еще долго ждать, а между тѣмъ нельзя было не обратить вниманія на нѣкоторыя печальныя явленія, которыя были слѣдствіемъ крайне недостаточнаго народнаго воспитанія въ древней Россіи: такъ былъ обычай убивать младенцевъ, родившихся съ физическими недостатками; Петръ вооружился противъ этого варварскаго обычая, не признававшаго въ человѣкѣ человѣка и христіанина, смертная казнь грозила людямъ, уличеннымъ въ его исполненіи. Подлѣ указа противъ убійства младенцевъ, родившихся съ физическими недостатками, видимъ рядъ указовъ о сохраненіи жизни и здоровья человѣка: запрещено хоронить мертвыхъ ранѣе трехъ дней; учреждено было 8 аптекъ въ Москвѣ, и закрыты зелейныя лавки, гдѣ продавались такъ-называемыя лѣкарственныя травы, отъ которыхъ люди, какъ оказалось, умирали скорою смертію. Любопытна прибавка въ указѣ, чтобъ въ новоучрежденныхъ аптекахъ не продавали вина. Страсть къ вину русскіе люди вынесли изъ своей древней жизни въ ужасающихъ размѣрахъ; смертные случаи въ дракахъ отъ пьянства были обыкновеннымъ явленіемъ; правительству нужно было смотрѣть за взрослыми какъ за дѣтьми, смотрѣть чтобъ они не имѣли при себѣ острыхъ ножей — порѣжутся! И вотъ Петръ запрещаетъ носить остроконечные ножи, потому что многіе люди въ ссорахъ и дракахъ и въ пьянствѣ такими ножами другъ друга рѣжутъ до смерти. Извѣстно въ какой степени наши деревянные города терпѣли отъ пожаровъ: какъ начнется весна, такъ начнетъ въ Москвѣ, по выраженію тогдашнихъ образованныхъ людей, Вулканусъ свирѣпствовать, пожаровъ по шести въ сутки. Образованные люди къ царю съ просьбою укротить свирѣпство Вулкануса, и вотъ начинаютъ дѣлать черепичныя крыши вмѣсто тесовыхъ, выписываются заливныя трубы изъ-за границы, издается указъ строить въ Москвѣ, въ Кремлѣ и Китаѣ—городѣ каменные дома, и располагать ихъ по улицамъ и переулкамъ, а не внутри дворовъ, т.-е. по европейскому, а не по азіатскому обычаю. Принимались мѣры, чтобъ русскій человѣкъ въ городахъ могъ спать спокойно, не боясь Вулкануса; но вотъ

предстоитъ бѣда, нужда требуетъ выѣхать за городъ, отправиться за нѣсколько верстъ въ другой городъ, въ деревню: пишется духовное завѣщаніе, въ семьѣ плачъ, прощаются какъ съ человѣкомъ, идущимъ на войну, потому что дороги наполнены разбойниками. Правительству мало шведской войны, оно должно посылать роты съ капитанами для сыску разбойниковъ; капитану удалось поймать 10 знаменитыхъ разбойниковъ, кто жъ они? люди изъ нисшихъ слоевъ общества? Нѣтъ это все помѣщики, которые разбойничали съ своими людьми, нападали на чужія деревни, били и жгли.

Эти явленія показываютъ намъ, съ какимъ обществомъ имѣло дѣло преобразованіе. Въ подобномъ обществѣ нѣтъ безопасности для слабаго, и мы видѣли, какъ въ слѣдствіе этого женщину надобно было спрятать въ теремъ. Но это удаленіе женщины, бывшее необходимымъ слѣдствіемъ грубости нравовъ и отсутствія безопасности, въ свою очередь, производило еще большее огрубѣніе нравовъ, ибо мужчина не привыкалъ сдерживаться присутствіемъ существа, которому христіанская цивилизація Европы дала нравственное величіе, окружила уваженіемъ, противоборствуя матеріальнымъ стремленіямъ въ отношеніяхъ человѣческихъ, заставляя сильнаго служить слабому, и умъ не забываться передъ чувствомъ. Христіанская цивилизація Европы признала въ раздѣленіи человѣка по поламъ, на два пола первый, основный актъ развитія, т.-е. раздѣленія занятій. Это раздѣленіе занятій, предоставляющее мужчинѣ внѣшнюю общественную дѣятельность и женщинѣ внутреннюю домашнюю, лежитъ въ основѣ цивилизаціи, сущность которой состоитъ въ раздѣленіи занятій вообще или въ томъ, что мы называемъ развитіемъ. Въ состояніи варварства человѣкъ дѣлаетъ все или большую часть нужнаго ему самъ, и потому одинокъ, потому дикъ; въ состояніи цивилизаціи человѣкъ дѣлаетъ одно что-нибудь и потому можетъ дѣлать хорошо, совершенствовать свое дѣло, въ отношеніи къ другимъ необходимымъ предметамъ находится въ зависимости отъ дѣятельности другихъ и потому связывается съ другими тѣсною, органическою связью, и люди необходимо становятся ближними другъ другу. Въ словахъ: „Не добро быти человѣку единому“ выразилось благословеніе развитія, благословеніе цивилизаціи, которыя и начались съ раздѣленіемъ человѣка, съ появленіемъ жены подлѣ мужа, Евы подлѣ Адама, ибо здѣсь началось раздѣленіе занятій. Женщинѣ предоставлена была внутренняя, домашняя жизнь, въ которой главное дѣло — воспитаніе человѣка, требующаго для своего нравственнаго развитія и крѣпости продолжительнаго согрѣванія теплотою женскаго, материнскаго чувства. Но человѣкъ воспитывается для жизни общественной; отсюда необходимое требованіе отъ воспитывающаго—требованіе знанія этой жизни, а знаніе общественной жизни невозможно безъ участія въ ней. Такимъ образомъ отчужденіе женщины отъ участія въ общественной жизни и отъ того, чѣмъ возвышается и украшается общественная жизнь, противорѣчитъ ея значенію, значенію воспитательницы человѣка, представительницы и охранительницы наряда (порядка) внутренней, семейной, домашней жизни, ибо здѣсь, въ этой жизни мужъ, сынъ и братъ должны находить обновленіе силъ для дѣятельности общественной. Нельзя отнять у женщины участія въ общественной жизни, точно такъ какъ преступно втягивать ее въ общественную дѣятельность и нарушать основное въ человѣчествѣ раздѣленіе занятій, разрушать основу цивилизаціи. Естественно было стремленіе нашего древняго общества удалить женщину изъ общества, не пред-

ставлявшаго для нея ни физической, ни нравственной безопасности. Но мѣра была отчаянная; сильное лѣкарство, свидѣтельствуя о силѣ болѣзни, не могло, въ свою очередь, не оставить вредныхъ слѣдовъ въ общественномъ организмѣ. Общественная жизнь отъ удаленія женщины еще болѣе бѣднѣла и грубѣла, а мужчина, не находя дома „помощи, приличной ему,“ бѣднѣлъ и грубѣлъ нравственно. Не исполнялась воля Бога, создавшаго женщину, чтобъ человѣкъ имѣлъ помощь, приличную ему, какъ говоритъ писаніе, и женщина теряла свое значеніе: запертая и припрятанная, она становилась вещію, товаромъ; человѣкъ терялъ данное ему Творцомъ право искать себѣ помощь приличную ему, и бракъ нисходилъ на степень торговой сдѣлки. Петръ прекратилъ затворничество женщинъ, приказавъ приглашать ихъ въ общественныя собранія; запретилъ рядовыя сговорныя записи, составлявшіяся въ приказѣ крѣпостныхъ дѣлъ; велѣлъ прежде вѣнчанія быть обрученію за шесть недѣль, чтобъ дать время жениху и невѣстѣ узнать другъ друга, при чѣмъ, въ случаѣ если не понравятся другъ другу, получали свободу отказываться отъ вступленія въ бракъ. Русскій человѣкъ пересталъ быть одинокъ въ обществѣ, и получилъ возможность имѣть помощь приличную ему. Но уничтожая затворничество женщины, возвышая ея достоинства, Петръ возвышалъ и достоинство человѣка вообще; запрещено было подписываться уменьшительными именами, падать предъ царемъ на колѣна, зимою снимать шапки предъ дворцомъ. Петръ говорилъ: „Какое же будетъ различіе между Богомъ и царемъ, когда воздается равное обоимъ почтеніе? Менѣе низости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству—вотъ почесть, принадлежащая царю.“ Послѣ этого не въ правѣ ли историкъ сказать, что онъ изображаетъ дѣла великаго народнаго воспитателя?

ЧТЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Въ предыдущихъ бесѣдахъ нашихъ мы не разъ указывали на воспитательное значеніе дѣятельности Петра Великаго; естественно, что при этомъ онъ нуждался въ помощи церкви; но церковь, чтобъ дать желанную помощь въ народномъ воспитаніи нуждалась сама въ помощи преобразователя, ибо требовала преобразованій. Жалобы на печальное нравственное состояніе духовенства, на печальное состояніе нравственности въ монастыряхъ, которые прежде имѣли такое важное значеніе въ нравственномъ воспитаніи народа, на невѣжество духовенства лишавшее его учительской способности въ то время, когда оно болѣе всего нуждалось въ этой способности, когда нравственными, научными средствами нужно было защищать православіе отъ своихъ и отъ чужихъ, отъ раскольниковъ и западныхъ иновѣрцевъ, жалобы на злоупотребленія матеріальными средствами въ монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ, — всѣ эти жалобы раздавались давно и громко, между міорянами и самимъ духовенствомъ, на соборахъ церковныхъ. Петръ, по своей природѣ, дѣлавшей изъ него преобразователя, не могъ равнодушно слышать жалобъ на какое-нибудь зло и отвѣчать на эти жалобы, на эти слова словами же, онъ немедленно отвѣчалъ на нихъ дѣломъ, исправленіемъ зла. Поднять русское духовенство, давши ему могущество — науку, снабдивши его средствами возстановить свое учительское значеніе, свое нравственное вліяніе согласно съ новыми потребностями, съ новыми

условіями, давши ему крѣпкое оружіе для борьбы съ враждебными вліяніями; возстановить значеніе монастырей, противодѣйствуя вовсе немонашескимъ побужденіямъ къ монашеской жизни, прекративши злоупотребленія матеріальными средствами обращеніемъ излишка этихъ средствъ на дѣла милосердія и просвѣщенія; поднять бѣлое духовенство, давши ему науку, учительскую способность и большія средства матеріальныя, недостатокъ которыхъ мѣшалъ успѣшному и достойному исполненію его обязанностей — вотъ преобразовательная программа Петра относительно церкви. Но кто станетъ приводить въ исполненіе эту программу? До XVIII вѣка въ русской церкви былъ единый верховный пастырь, сначала съ титуломъ митрополита, потомъ патріарха, и мы видѣли, какъ тяжело было положеніе патріарха, когда Россія всколебалась и стала двигаться по новой дорогѣ. Патріархъ стоялъ между нѣсколькихъ огней, между раскольниками съ одной стороны, между иновѣрными учителями и русскими учениками ихъ съ другой, безъ способности обличенія, безъ нравственныхъ средствъ противодѣйствія тѣмъ и другимъ, безъ науки, которая должна была внушать уваженіе и сдерживать людей, служившихъ наукѣ, разуму, говорившихъ и дѣйствовавшихъ во имя ихъ; положеніе вредное, невозможное для церкви и государства при слабости характера, при страдательномъ положеніи патріарха, вредное и при энергіи, ревности въ ту или другую сторону, ибо безъ просвѣщенія могла ли быть ревность по разуму? Сюда присоединялись еще новыя трудности: патріархъ долженъ былъ приступить къ экономическимъ преобразованіямъ, слѣдовательно долженъ былъ вооружить противъ себя значительную часть духовенства; энергическія мѣры для водворенія должной дисциплины въ монастырѣ, для истребленія тунеядства, находившаго здѣсь себѣ прибѣжище, увеличивало число враговъ, усиливало вопли. Однимъ словомъ, чтобъ патріархъ былъ въ уровень своему положенію, чтобъ явился патріархъ-преобразователь, ему слѣдовало своими способностями, своею энергіею, силою воли приближаться къ великому преобразователю-царю; но гдѣ было взять такого человѣка, гдѣ было взять двоихъ Петровъ Великихъ? Нужно было пощадить русскую церковь отъ печальнаго явленія имѣть подлѣ царя Петра патріарха Адріана. Скажутъ: зачѣмъ же непремѣнно Адріана? Но если не Адріана, то надобно было пощадить Россію отъ соблазна столкновенія царя съ патріархомъ, который бы, при силѣ воли, отличался узкимъ взглядомъ на трудное и опасное положеніе церкви; патріархъ, несочувствующій преобразованіямъ, необходимо становился опорою недовольныхъ, средоточіемъ и вождемъ ихъ, давалъ благословеніе ихъ дѣлу. Въ противномъ случаѣ надобно было пощадить главнаго пастыря церкви, единаго и потому принимающаго на себя всю отвѣтственность, пощадить отъ враждебныхъ ударовъ, расточавшихся противниками преобразованія, пощадить его отъ названія антихриста. Всѣ эти удары принималъ на себя человѣкъ силы, способный ихъ вынесть; духовная власть отстранялась отъ преобразованій слишкомъ для нея тяжкихъ, и передавала ихъ власти свѣтской; единичное управленіе церковное упразднялось естественно за неимѣніемъ человѣка, способнаго стать въ уровень съ своимъ положеніемъ, поднять бремя слишкомъ тяжелое для плечь одного человѣка, естественно пролагался путь къ раздѣленію этой тяжести между многими, къ коллегіальному управленію.

Петръ говорилъ патріарху Адріану: „Священники ставятся малограмотные, надобно ихъ прежде учить, а потомъ уже ставить въ этотъ чинъ. Надобно оза-

ботиться, чтобъ и православные христіане, и иновѣрцы познали Бога и законъ Его: послать бы для этого хотя нѣсколько десятковъ человѣкъ въ Кіевъ въ школы. И здѣсь въ Москвѣ есть школа, можно бы и здѣсь было объ этомъ порадѣть; но мало учатся, потому что никто не смотритъ за школою какъ надобно. Многіе желаютъ дѣтей своихъ учить свободнымъ наукамъ, и отдаютъ ихъ здѣсь иноземцамъ; другіе въ домахъ своихъ держатъ учителей иностранныхъ, которые на славянскомъ нашемъ языкѣ не умѣютъ правильно говорить, кромѣ того иновѣрцы и малыхъ дѣтей ересямъ своимъ учатъ, отъ чего дѣтямъ вредъ и церкви можетъ быть ущербъ великій, и языку нашему поврежденіе, тогда какъ въ нашей бы школѣ, при искусномъ обученіи, всякому добру учились." Царскія слова были сказаны по напрасну: могъ ли заботиться о школѣ и приготовлять священниковъ къ ихъ званію человѣкъ неимѣвшій самъ образованія? Чтобъ поднять русскія школы и образовать ученыхъ священниковъ надобны были ученые архіереи; въ Великой Россіи ихъ взять было неоткуда, надобно было обратиться къ Малороссіи, вызвать оттуда ученыхъ монаховъ и поставить ихъ на архіерейскія каѳедры въ Великой Россіи. Петръ такъ и сдѣлалъ, а что выборъ людей какъ вездѣ, такъ и тутъ былъ хорошъ, былъ петровскій выборъ, доказательствомъ служатъ имена, всѣмъ извѣстныя, имена Стефана Яворскаго, св. Димитрія Ростовскаго, Филоѳея Лещинскаго, Ѳеофана Прокоповича, Ѳеофилакта Лопатинскаго. Осенью 1700 года умеръ патріархъ Адріанъ, и преемника ему не было. Рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій назначенъ былъ только эксархомъ св. патріаршаго престола, блюстителемъ и администраторомъ, что показывало мѣру временную, переходную; можно было считать ее приготовленіемъ къ уничтоженію патріаршества, можно было ждать также, что патріархъ будетъ когда царь найдетъ способнаго человѣка, и дѣйствительно трудно сказать, былъ ли въ это время уже рѣшенъ Петромъ вопросъ объ уничтоженіи патріаршества. Можно разсуждать такъ: еслибы Петръ хотѣлъ сохранить патріаршество, то что ему мѣшало остановить выборъ на томъ же Стефанѣ Яворскомъ или какомъ-нибудь другомъ архіереѣ изъ ученыхъ Малороссіянъ? Первая потребность была въ распространеніи образованія между духовенствомъ, въ надзорѣ за главною школою московскою, Академіею; патріархъ изъ Великороссіянъ не былъ способенъ къ этому по неимѣнію школьнаго образованія; но патріархъ изъ Малороссіянъ удовлетворялъ этой главной потребности. Но мы должны перенестись въ то время, когда на Малороссіянъ въ Великой Россіи смотрѣли какъ на чужихъ; занятіе Малороссіянами архіерейскихъ каѳедръ возбудило сильное неудовольствіе, разумѣется прежде всего между людьми, которые сами надѣялись занимать эти каѳедры и были отстранены пришельцами; но эти недовольные были свои и потому ихъ неудовольствіе легко заражало массу. Сильные слѣды этого неудовольствія у великороссійскаго духовенства на малороссійскихъ архіереевъ мы находимъ даже 50 лѣтъ спустя, когда архіереи изъ Великороссіянъ съ ненавистію отзывались о своихъ предшественникахъ Малороссіянахъ, объ этихъ, по ихъ словамъ, Черкасишкахъ никуда негодныхъ и отъ людей переносили свое нерасположеніе къ дѣлу, къ школамъ, заведеннымъ архіереями-Малороссіянами. Петръ, въ виду необходимости, не счелъ позволительнымъ уступить этому чувству, призвалъ Малороссіянъ на архіерейскія каѳедры; но поставить патріарха изъ Малороссіянъ было бы слишкомъ. При томъ кромѣ неудовольствія своихъ Петръ долженъ былъ обращать вниманіе на внушенія Константи-

нопольскаго патріарха не ставить въ патріархи Малороссіянъ, какъ подозрительныхъ въ неправославіи, и особенно Стефана Яворскаго. Такимъ образомъ все соединилось для того, чтобъ затруднить дѣло и заставить Петра отложить его.

За назначеніемъ Яворскаго блюстителемъ патріаршаго престола немедленно послѣдовали преобразованія. Дѣло суда и управленія церковными имуществами сосредоточены были въ монастырскомъ приказѣ, отданномъ въ вѣдѣніе свѣтскому лицу, боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину. Для прекращенія жалобъ на безпорядки монастырской жизни, на тунеядство и соблазнительное бродяжничество монаховъ и монахинь изъ одного монастыря въ другой, монахи и монахини были переписаны и переходъ ихъ изъ одного монастыря въ другой запрещенъ, кромѣ важныхъ законныхъ причинъ; стража стала у воротъ монастырскихъ; монахъ и монахиня не могли выходить кромѣ крайней необходимости и то на короткое время, мірскіе люди могли входить только въ церкви монастырскія во время богослуженія; жить въ монастыряхъ не могли; писать монахи и монахини могли только въ трапезѣ съ позволенія начальства; ибо оказывалось, что въ кельяхъ писались вовсе не душеспасительныя вещи. Нельзя было никого вновь постричь безъ царскаго указа. Прежніе монахи, говорилъ указъ, содержали себя своими трудами и еще питали нищихъ; нынѣшніе же нищихъ не питаютъ, но сами чужіе труды поѣдаютъ, и потому монастырскій приказъ, гдѣ сосредоточивались доходы съ монастырскихъ имѣній, выдавалъ монахамъ на содержаніе извѣстное количество денегъ и хлѣба, остальное должно было идти на пропитаніе нищихъ въ богадѣльни и въ бѣдные монастыри, у которыхъ не было вотчинъ. На монастырскіе доходы былъ построенъ въ 1707 году въ Москвѣ за Яузою госпиталь, который служилъ вмѣстѣ и медицинскою школою, въ завѣдываніи доктора иностранца Бидлоо и русскаго лѣкаря Рыбкина. Чрезъ пять лѣтъ Бидлоо хвалился, что въ госпиталѣ вылѣчено больше тысячи больныхъ, хвалился и быстрыми успѣхами своихъ русскихъ учениковъ, которые, въ количествѣ 33 человѣкъ, ежедневно имѣли дѣло со сто, а иногда и съ 200 больными. Москва очень нуждалась въ медицинѣ; по указу Петра за 1703 годъ подана была священниками первая вѣдомость о числѣ родившихся и умершихъ; оказалось, что число смертныхъ случаевъ слишкомъ 2000 превышало число рожденій.

Деньги изъ монастырскаго приказа, т. е. собираемыя съ монастырскихъ имѣній, шли также на печатаніе книгъ и на школы для духовенства, которыя должны были заводиться и въ другихъ епархіяхъ, кромѣ московской. Указъ 1708 года запрещалъ посвящать въ священники и дьяконы, не принимать въ подъячіе и никуда священнослужительскихъ дѣтей, которые не хотятъ учиться въ школахъ. Разумѣется этотъ указъ могъ служить только побужденіемъ къ начатію школьнаго дѣла. „Что человѣка вразумляетъ какъ не ученіе?“ писалъ св. Димитрій Ростовскій. Онъ имѣлъ печальную возможность доказывать справедливость своихъ словъ примѣромъ священниковъ, какихъ онъ нашелъ въ своей епархіи и какіе, разумѣется, были во всѣхъ другихъ епархіяхъ: священническіе сыновья приходили къ нему ставиться на отцовскія мѣста; митрополитъ спрашивалъ ихъ, давно ли причащались, и получалъ въ отвѣтъ, что и не помнятъ, когда причащались. Св. Димитрій завелъ школу при своемъ домѣ; но самъ долженъ былъ исполнять должность учителя, ибо гдѣ же было взять хорошихъ учителей? При такомъ состояніи духовенства, разумѣется, расколу было легко расширяться. „Съ трудомъ, говоритъ св. Димитрій, можно было найти истиннаго сына церкви: почти въ каждомъ городѣ

изобрѣтается особая вѣра, простые мужики и бабы догматизуютъ и учатъ о вѣрѣ.“ Такое положенiе церкви заставило св. Димитрiя не ограничиваться устною проповѣдiю, но вооружиться противъ раскольничьихъ учителей особою книгою, знаменитымъ „Розыскомъ о раскольничьей вѣрѣ.“ И люди, не принадлежавшiе къ расколу, обривши бороды по указу, сомнѣвались въ своемъ спасенiи, думая, что потеряли образъ Божiй и подобiе; священники не умѣли ихъ успокоить, они обратились къ митрополиту, и тотъ долженъ былъ писать разсужденiе „Объ образѣ Божiи и подобiи въ человѣкѣ.“ Относительно школъ для духовенства, разумѣется, надобно было ограничиваться самымъ существеннымъ, вопервыхъ потому, что учителей не было: Новгородскiй митрополитъ Iовъ завелъ было въ своей школѣ преподаванiе греческаго языка, но скоро учителей взяли въ Москву. Съ другой стороны не было денегъ. Тобольскiй митрополитъ Филоѳей Лещинскiй писалъ, что надобно въ его школѣ ввести преподаванiе латинскаго языка и принуждать учиться дѣтей всякаго званiя. Петръ велѣлъ ему отвѣтить, что онъ долженъ обратить особенное вниманiе на преподаванiе славянскаго языка и того, что необходимо знать священнику и дьякону, катехизиса православной вѣры, чтобъ могли учить мiрскихъ людей.

Изъ дѣятельности Димитрiя Ростовскаго можно видѣть, какую пользу приносили русской церкви архiереи изъ ученыхъ Малороссiянъ, вызванныхъ Петромъ для распространенiя образованiя въ духовенствѣ. Ученый ростовскiй митрополитъ, завѣщавшiй постлать свой гробъ черновыми бумагами своихъ сочиненiй, отличался не одною ученостiю: церковь причла его къ лику святыхъ. Но въ ликѣ святыхъ Димитрiй не одинъ изъ числа современныхъ Петру архипастырей и сотрудниковъ его. Церковь прославила также епископа воронежскаго Митрофана, знаменитаго не школьною ученостiю, но святостiю жизни и усерднымъ радѣнiемъ о благѣ Россiи, Россiи преобразовывавшейся. Митрофанъ прославлялъ намѣренiе Петра относительно заведенiя флота и убѣждалъ народъ всѣми силами помогать своему царю въ великомъ дѣлѣ. Но одними словами воронежскiй епископъ не ограничивался: онъ привезъ Петру послѣднiе остававшiеся въ архiерейской казнѣ 6000 рублей на войну противъ невѣрныхъ, и постоянно потомъ отсылалъ накоплявшiяся у него деньги къ государю или въ адмиралтейское казначейство съ надписью: „на ратныхъ.“ Петръ горько оплакивалъ кончину святого старца, и, разумѣется, не разъ потомъ долженъ былъ вспоминать о воронежскомъ епископѣ, когда слышалъ о неудовольствiяхъ и жалобахъ на тяжкiй трудъ, лишенiя, пожертвованiя, наложенныя на русскихъ людей труднымъ дѣломъ преобразованiя. Нѣкоторые архiереи не могли переносить ограниченiя своихъ доходовъ въ слѣдствiе учрежденiя монастырскаго приказа; они не хотѣли понять, что еслибы они болѣе или менѣе подражали Митрофану Воронежскому и Димитрiю Ростовскому, то не было бы Монастырскаго Приказа и ненавистный имъ начальникъ этого приказа, Мусинъ-Пушкинъ не нападалъ бы, по ихъ выраженiю, на церкви Божiи. „Какое мое архiерейство, что мое у меня отнимаютъ? какъ хотятъ другiе архiреи, а я за свое умру, а не отдамъ, Шведы бьютъ, а все за наши слезы,“ говорилъ нижегородскiй митрополитъ Исаiя. Такiя выходки со стороны пастырей, разумѣется, должны были дѣйствовать на мiрянъ, которые также вопили противъ тяжкихъ поборовъ людьми и деньгами, противъ того, что не знаютъ покоя отъ сильныхъ движенiй преобразованiя, отъ этихъ новизнъ, отъ этихъ безпрестанныхъ новыхъ требованiй прави-

тельства. До насъ дошли заявленія этихъ неудовольствій, историкъ не можетъ отвергнуть ихъ, историкъ долженъ былъ бы предположить ихъ, еслибъ даже его источники и ничего объ нихъ не говорили. Неудовольствіе было и выражалось иногда рѣзкими словами, Преобразователя называли антихристомъ, царемъ не настоящимъ, подмѣненнымъ или при самомъ рожденіи или во время заграничнаго путешествія; но собственно въ Великой Россіи далѣе словъ не шло. То была страна земскихъ людей, тѣхъ сильныхъ людей, которые въ началѣ XVII вѣка выдержали смуту и низложили ее, и которые теперь, въ началѣ XVIII вѣка выдерживали тяжести преобразованія. Здѣсь неудовольствіе не могло обнаружиться на дѣлѣ, возстаніемъ противъ правительства сильнаго, разумнаго, благонамѣреннаго, народнаго, въ смыслѣ охраненія высшихъ народныхъ интересовъ, а не долгополыхъ кафтановъ; здѣсь неудовольствіе не могло обнаружиться возстаніемъ противъ правительства умѣвшаго извлечь лучшія силы изъ народа и сосредоточить ихъ около себя, около преобразователя, слѣдовательно на сторонѣ преобразованія были лучшіе, сильнѣйшіе нравственно люди; отсюда то сильное, всеобъемлющее движеніе, которое увлекало однихъ и не давало укореняться враждебнымъ замысламъ другихъ; машина была на всемъ ходу; можно было кричать, жаловаться, браниться, но остановить машину было нельзя. И вотъ въ Москвѣ, около Москвы, во всей Великой Россіи спокойно, несмотря на то, что царь рѣдко живетъ въ Москвѣ; царя нѣтъ повидимому, но чуется всюду присутствіе нравственной силы, нравственнаго величія. Неудовольствіе обнаруживается на дѣлѣ, возстаніями только на окраинахъ, въ степяхъ. Въ то время какъ Россія устремилась за новою жизнію къ западному морю, степь, оттягивавшая столько вѣковъ Россію къ Азіи, степь подала протестъ. Степь, козаки одно прибѣжище, одна надежда для недовольныхъ, которыхъ покой былъ нарушенъ тряскою, разнообразіемъ нововводимой европейской жизни и которые хотѣли возстановить прежнее азіатское, степное однообразіе. Въ половинѣ 1705 года, когда царь былъ съ войскомъ на западѣ, возстаніе за старину вспыхнуло въ самомъ отдаленномъ застепномъ углу, окруженномъ козаками, въ Астрахани. Мѣсто было выбрано самое удобное и выбрано оно было недовольными изъ разныхъ городовъ; между заводчиками бунта встрѣчаемъ и Ярославца, и Москвича, и Синбирянъ, и Нижегородцевъ; тутъ дѣйствуютъ раскольники, тутъ же дѣйствуютъ и стрѣльцы. Въ то время когда преобразователь старался поднять и укрѣпить русскаго человѣка наукою и самостоятельнымъ упражненіемъ своихъ силъ, поставить его прямо передъ каждымъ явленіемъ съ способностію допрашивать каждое явленіе о его смыслѣ: заводчики возстанія въ Астрахани спѣшили пользоваться младенческимъ довѣріемъ застепнаго русскаго народонаселенія и поднимали его слухами, что будетъ запрещено русскимъ людямъ жениться, а всѣхъ русскихъ дѣвицъ выдадутъ за Нѣмцевъ. Возстаніе вспыхнуло. Зачинщики полагали главную надежду на козаковъ: съ ихъ помощію они думали усилить смуту и провести ее въ сердце государства, до самой Москвы. Но зачинщики обманулись въ своей надеждѣ: бунтъ не пошелъ далѣе Краснаго и Чернаго Яра, потому что на Дону козаки остались въ бездѣйствіи: здѣсь было много недовольныхъ, но они не были еще готовы, были застигнуты врасплохъ приглашеніемъ Астраханцевъ стать вмѣстѣ съ ними за „брадобритіе;“ главное, у нихъ не было вождя; астраханскіе зачинщики сдѣлали большую ошибку, не снесшись предварительно съ недовольными на Дону, сдѣлали большую ошибку, отправивъ возмутительныя

письма прямо въ Черкаскъ къ правительству донскому, тогда какъ атаманы и старые козаки никогда не начинали возстаній, бунты вспыхивали не въ Черкаскѣ, а въ дальнихъ козачьихъ городкахъ, наполненныхъ недавними бѣглецами, такъ называемою голутьбою, искавшею случая побуйствовать и добыть себѣ зипунъ, по козацкому выраженію. Петръ былъ въ Москвѣ, когда получилъ извѣстіе объ астраханскомъ бунтѣ и сначала сильно встревожился, предполагая, что козаки пристануть къ бунту. Какое важное значеніе придавалъ онъ событію, видно изъ того, что сейчасъ же отправилъ противъ Астрахани фельдмаршала Шереметева. Вѣсть, что козаки не приняли участія въ бунтѣ сильно обрадовала Петра, который приписалъ, это счастливое обстоятельство особенной милости Божіей: „Господь, писалъ онъ, изволилъ не въ конецъ гнѣвъ свой пролить и чудеснымъ образомъ огнь огнемъ затушилъ, дабы мы могли видѣть, что все не въ человѣческой, но въ Его волѣ.“ Астрахань одна не могла держаться, Шереметевъ взялъ ее, и волненіе прекратилось.

Одна опасность прошла; но въ 1708 году, когда Карлъ XII былъ въ русскихъ предѣлахъ, когда Петръ долженъ былъ сосредоточить всѣ свои силы для борьбы съ западомъ, съ Европою, поднялась противъ него Азія: на восточной окраинѣ вспыхнулъ башкирскій бунтъ и одновременно заволновались донскіе козаки, вспыхнулъ булавинскій бунтъ. Мы уже упоминали, что распространеніе русскихъ владѣній на Востокѣ, по Волгѣ, Камѣ и за Уральскими горами было быстро, легко и собственно носитъ характеръ колонизаціи, а не завоеванія; но жившіе здѣсь народцы, обложенные данью, неравнодушно сносили зависимость отъ Россіи и возмущались при первомъ удобномъ случаѣ въ продолженіи XVI и XVII вѣковъ, особенно были опасны тѣ изъ нихъ которые, будучи магометанами, смотрѣли на турецкаго султана какъ на естественнаго главу своего и ждали отъ него избавленія отъ ига христіанскаго. Теперь былъ случай удобный: Русскій царь занятъ на западѣ тяжкою борьбою, и нельзя допускать его до торжества въ этой борьбѣ: этотъ царь сильнѣе всѣхъ прежнихъ царей, онъ уже взялъ Азовъ у султана; побѣдитъ своихъ враговъ на западѣ — востоку, магометанству будетъ бѣда. И вотъ магометанство поднимается; уфимскій башкирецъ, выдавая себя за султана башкирскаго и святаго, ѣздитъ въ Константинополь, въ Крымъ, волнуетъ горскіе народы Кавказа, волнуетъ кочевниковъ въ степяхъ подкавказскихъ, русскіе раскольники, переселившіеся въ эти страны, пристали къ магометанскому пророку, который въ началѣ 1708 года осадилъ русскую пограничную крѣпость на Терекѣ. Терскій воевода отсидѣлся въ осадѣ, подоспѣвшее изъ Астрахани войско разбило и взяло въ плѣнъ пророка; но дѣло этимъ не кончилось: пророкъ уже успѣлъ переслаться съ своими башкирцами, которые и поднялись всѣ, къ нимъ пристали и Татары Казанскаго уѣзда; слишкомъ 300 селъ и деревень и слишкомъ 12,000 людей погибло отъ этого бунта; но дикари не могли стоять противъ русскихъ, хотя и небольшихъ отрядовъ, которымъ и удалось сдержать башкирцевъ, не допустить ихъ до соединенія съ донскими бунтовщиками. Мы уже говорили объ отношеніяхъ козаковъ къ земскимъ людямъ и государству, отношеніяхъ враждебныхъ изначала. Легко понять, что при Петрѣ отношенія эти должны были измѣниться и измѣниться въ пользу государства; преобразователь былъ радъ службѣ Донцовъ, но не хотѣлъ, чтобъ государство слишкомъ дорого платило за эту службу. Мы знаемъ, что онъ призвалъ свой народъ къ великому и тяжкому труду и ничто не могло его такъ раздражить какъ тунеядство, стремленіе избѣжать труда. Народонаселеніе и безъ

того было мало, ничтожно сравнительно съ пространствомъ государственной области, а потребность въ людяхъ, въ ихъ трудѣ, въ ихъ деньгахъ, пріобрѣтаемыхъ трудомъ и часть которыхъ должна была идти на государственныя нужды, — эта потребность увеличилась. Легко понять, что при такихъ условіяхъ Петръ не могъ сочувствовать людямъ, которые бѣжали отъ труда, и людямъ, которые принимали бѣглецовъ и поставляли свое главное право въ невыдачѣ ихъ. Такое право приписывали себѣ козаки: „Съ Дону выдачи нѣтъ,“ отвѣчали они постоянно государству на его требованія выдачи. Петръ не могъ признать этого права. Землевладѣльцы жаловались, что они разоряются отъ побѣговъ, платя за бѣглыхъ всякіе подати *спуста*, правительство беретъ съ 20 дворовъ человѣка въ солдаты, съ десяти дворовъ работника, а бѣглые крестьяне, живя въ козачьихъ городкахъ, службы не служатъ и податей неплатятъ. Царь указомъ 1705 года велѣлъ свесть козачьи городки, построенные не по указу, не на большихъ дорогахъ, и жителей ихъ поселить по большимъ дорогамъ, и никакихъ бѣглецовъ не принимать, за укрывательство вѣчная каторга, а главнымъ заводчикамъ смерть; всѣхъ пришлыхъ людей, которые пришли послѣ 1695 года, т. е. такихъ, которымъ не вышла десятилѣтняя давность, отослать въ русскіе города, откуда кто пришелъ, потому что, говоритъ указъ, работники, будучи наняты на казенныя работы, забрали впередъ большія деньги, и не желая работать, бѣгали и бѣгаютъ въ эти козачьи городки. Указъ не исполнялся, былъ повторенъ, и опять не исполнялся. Тогда въ 1707 году Петръ отправилъ на Донъ полковника князя Юрія Долгорукаго съ отрядомъ войска для отысканія бѣглыхъ и высылки ихъ на прежнія мѣста жительства. Внезапно, ночью на Долгорукаго напали козаки и истребили весь отрядъ вмѣстѣ съ предводителемъ. Вождемъ козаковъ въ этомъ дѣлѣ былъ бахмутскій атаманъ Кондратій Булавинъ. Другіе козаки говорили Булавину: „Заколыхали вы всѣмъ государствомъ: что вамъ дѣлать, если придутъ войска изъ Россіи, тогда и сами пропадете, и намъ придется пропадать.“ — „Не бойтесь, отвѣчалъ Булавинъ: началъ я это дѣло не просто, былъ я въ Астрахани, въ Запорожьѣ, на Терекѣ, Астраханцы, Запорожцы и Терчане всѣ мнѣ присягу дали, что скоро придутъ къ намъ на помощь; пойдемъ по козачьимъ городкамъ, приворотимъ ихъ къ себѣ, потомъ пойдемъ дальше, наполнимся конями, оружіемъ, платьемъ; пойдемъ въ Азовъ и Таганрогъ, освободимъ ссылочныхъ и каторжныхъ, и съ этими вѣрными товарищами пойдемъ на Воронежъ и потомъ до самой Москвы.“ Такимъ образомъ въ Москву въ одно время собирались два гостя: Карлъ XII съ образцовымъ западно-европейскимъ войскомъ, и Кондратій Булавинъ съ ссыльными и каторжными. Булавинъ разослалъ призывныя грамоты: „Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! Кто похочетъ съ атаманомъ Кондратьемъ Аѳанасьевичемъ Булавинымъ, кто похочетъ съ нимъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить, то пріѣзжайте въ горныя вершины Самарскія.“ Такъ противъ призыва Петра къ великому и тяжелому труду, чтобъ посредствомъ его войти въ европейскую жизнь, овладѣть европейскою наукою, цивилизаціею, поднять родную страну, поднять родные народы, дать новыхъ дѣятелей въ исторію человѣчества, — противъ этого призыва раздался призывъ Булавина: „Кто хочетъ погулять, сладко попить, да поѣсть, — пріѣзжайте къ намъ!“ И призывъ Булавина отличался откровенностію, призывались прямо воры и разбойники. На Запорожьѣ рѣшили: позволить Булавину при-

бирать вольницу, а пойти съ нимъ явно на великороссійскіе города тогда, когда онъ призоветъ къ себѣ Татаръ, Черкесъ и Калмыковъ. Характеръ явленія высказывался ясно: поднималась степь, поднималась Азія, Скиѳія на великороссійскіе города, противъ европейской Россіи, которая, несмотря на всѣ препятствія, создала изъ себя крѣпкое государство и теперь съ величайшимъ трудомъ, съ страшнымъ напряженіемъ силъ стремилась дать ему рѣшительный европейскій характеръ. Скиѳія была побѣждена, несмотря на то, что Великая Россія, Москва должна была воевать въ то же время и съ Западною Европою. Булавинъ, имѣвшій сначала большой успѣхъ, провозглашенный атаманомъ всего донскаго войска послѣ истребленія прежняго атамана и старшины, Булавинъ въ іюлѣ 1708 года застрѣлился въ слѣдствіе неудачи своихъ подъ Азовомъ. Бунтъ не прекратился смертію Булавина, ибо мы видѣли, интересъ какихъ людей былъ затронутъ стремленіемъ государства наложить свою руку на вольную рѣку Донъ, запретить пріемъ бѣглыхъ; такихъ людей накопилось много. Бунтъ былъ усмиренъ только въ ноябрѣ истребленіемъ и уходомъ товарищей Булавина; почти въ одинъ день Меншиковъ сжегъ Батуринъ, гнѣздо Мазепы, а князь Васил. Влад. Долгорукій сжегъ Рѣшетову станицу, послѣднее убѣжище булавинскихъ товарищей, черезъ шесть мѣсяцевъ была разорена Запорожская Сѣчь и мѣсяцъ съ чѣмъ-нибудь спустя прогремѣла полтавская битва. Петръ не пустилъ къ Москвѣ гостей, ни шведскаго короля съ Мазепою, гетманомъ войска запорожскаго, ни Булавина съ его ворами и разбойниками.

Петръ торжествовалъ въ Москвѣ неслыханныя побѣды и не складывалъ рукъ, занимаясь дѣломъ внутреннимъ и внѣшнимъ, спѣша кончить шведскую войну, чтобъ, добившись завѣтной цѣли, не имѣть болѣе препятствій для внутреннихъ преобразованій. Въ Польшѣ былъ прогнанъ король, посаженный Карломъ XII, Станиславъ Лещинскій и возстановленъ старый союзникъ Августъ II. Данія опять пристала къ союзу. Въ іюнѣ 1710 взятъ Выборгъ, „крѣпкая подушка Петербургу," по выраженію Петра, въ іюлѣ сдалась Рига, и знаменитый прибыльщикъ Курбатовъ писалъ царю: „Торжествуй радостно преславный обогатитель славяно-русскаго народа"; въ сентябрѣ сдался Ревель, и Курбатовъ писалъ, что при заключеніи мира всѣ эти приморскія мѣста надобно оставить за Россіею. Но среди этихъ успѣховъ Петръ долженъ былъ испытать невыгоды успѣховъ, невыгоды величія и славы. Полтавская побѣда вводила въ систему европейскихъ государствъ новое могущественное государство, и для Европы раждался вопросъ первой важности, какое мѣсто займетъ это новое государство, въ какихъ отношеніяхъ будетъ находиться къ другимъ государствамъ, какимъ началамъ слѣдовать въ своей политикѣ, чѣмъ руководствоваться въ дружбѣ и враждѣ. Одновременно съ великою сѣверною войною на сѣверовостокѣ, въ западной Европѣ шла великая война за наслѣдство испанскаго престола, собственно направленная противъ властолюбивыхъ стремленій Франціи, ея короля Людовика XIV. Петръ очень хорошо понималъ выгоду этой западной войны для себя, ибо она не давала возможности важнѣйшимъ державамъ Европы вмѣшиваться въ сѣверную войну, мѣшать Россіи въ ея дѣлѣ, ибо онъ не могъ расчитывать на сочувствіе этихъ державъ къ себѣ, особенно на сочувствіе Франціи; онъ прямо говорилъ, что надобно спѣшить окончаніемъ сѣверной войны прежде окончанія западной. Но Полтавская побѣда, сокрушеніе силъ Швеціи, жалкое бѣгство въ Турцію Карла XII, считавшагося до

сихъ поръ непобѣдимымъ, все это было такъ многозначительно, такъ громко, что не могло не взволновать Европы, несмотря на то, что она еще была занята войною за Испанію. Прежде всего, разумѣется, дѣло коснулось Турціи, единственнаго сосѣдняго государства, которое могло помѣшать Россіи въ ея торжествахъ, отвлечь ея силы. Карлъ XII послѣ Полтавы бѣжалъ въ ея предѣлы и употреблялъ всѣ старанія поднять Порту противъ Россіи, представляя, что если дать Петру время пользоваться несчастіемъ Швеціи, то отъ этого потерпитъ прежде всего Турція, которая по этому обязана помочь Швеціи, дать ей поправиться, дать ей возможность сдерживать властолюбивые замыслы Россіи. Подобныя же внушенія и настаиванія приходили въ Константинополь и отъ другой европейской державы, которая была всегда въ союзѣ съ Портою, отъ Франціи. Франція издавна стремилась играть первенствующую роль въ Европѣ и особенно была близка къ достиженію своей цѣли во второй половинѣ XVII вѣка, при Людовикѣ XIV. Но сильный союзъ другихъ державъ, образовавшійся по поводу вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ, остановилъ эти стремленія французскаго короля. Тѣмъ болѣе теперь, при неудачѣ дѣла, Франція должна была заботливо слѣдить за европейскими отношеніями, обратить особенное вниманіе на новую силу, явившуюся на континентѣ: что эта сила, будетъ ли дружественна Франціи или умножитъ число враговъ ея, будетъ помѣхою ея стремленіямъ? Франція должна была рѣшить этотъ вопросъ во второмъ смыслѣ.

Россія естественный врагъ Турціи; Башкирецъ, который хочетъ взбунтовать своихъ противъ Россіи, поднимаетъ знамя магометанства и отправляется въ Константинополь, гдѣ владычествуетъ естественный покровитель Магометанъ; но во владѣніяхъ этого покровителя магометанства много христіанъ, которые давно уже ждутъ избавленія отъ единовѣрной и единоплеменной Россіи, видятъ въ ея царѣ естественнаго покровителя восточныхъ христіанъ. Россіи, которой сила такъ явственно высказалась подъ Полтавою, легко будетъ одолѣть Турцію и тѣмъ нанести страшный ущербъ французскимъ интересамъ на Востокѣ, не говоря уже о томъ, что Турція издавна союзница Франціи, что Турція необходима для Франціи, какъ средство для отвлеченія силъ Австріи. По одинаково враждебнымъ отношеніямъ къ Турціи Россія должна быть естественною союзницею Австріи, слѣдовательно должна быть враждебна Франціи; сильная Россія естественно должна имѣть преобладающее вліяніе въ Польшѣ, не допускать здѣсь французскаго вліянія, и такимъ образомъ и съ этой стороны будетъ охранять австрійскіе интересы. Сокрушеніе шведскаго могущества подъ Полтавою и появленіе Россіи въ видѣ первенствующей на сѣверѣ державы было тяжелымъ ударомъ для Франціи, этотъ ударъ прибавился къ пораженіямъ войны за испанское наслѣдство. Дать Карлу XII средства оправиться и сдержать Россію посредствомъ вмѣшательства Турціи было необходимо для Франціи. Въ слѣдствіе Полтавы и новаго могущества Россіи, восточный вопросъ принимаетъ новый видъ: Турція для собственной безопасности должна поддержать Швецію и не допустить Россію утвердить свое вліяніе въ Польшѣ. Изъ трехъ сосѣднихъ Россіи государствъ, Швеціи, Польши и Турціи дѣлается цѣпь, которою западно-европейская политика будетъ съ тѣхъ поръ стараться сдерживать Россію, и Франція теперь при этомъ играетъ главную роль, начертываетъ программу дѣйствія противъ Россіи. Напуганная Турція объявила войну Россіи: съ крайнимъ огорченіемъ Петръ долженъ былъ отказаться отъ надежды скоро окончить шведскую войну, долженъ былъ остановить свои дѣйствія на сѣверѣ и пере-

нести оружіе на югъ, тратить время и силы на войну, въ его глазахъ теперь безцѣльную. Полтавскій побѣдитель долженъ былъ испытать немедленно же слѣдствія своего торжества, своего новаго значенія, слѣдствія того движенія европейскихъ интересовъ, какое было возбуждено Полтавою; долженъ былъ ввести народъ свой въ борьбу, которою надобно было оплатить цивилизацію, взятую у Европы, участіе въ общей жизни Европы. Петру принадлежитъ починъ въ этой борьбѣ; его въ началѣ борьбы ждала жестокая неудача; но мы знаемъ, что неудача есть проба генія, знаемъ, какъ великій чевовѣкъ умѣлъ выдерживать неудачи, оставивъ примѣръ, которому долженъ подражать народъ, если хочетъ быть достойнымъ своего вождя, если хочетъ быть великимъ народомъ.

ЧТЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

25 февраля 1711 года въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя объявлено было народу о войнѣ съ Турками. Мы уже говорили, какъ ненравилась Петру эта война; онъ находился въ мрачномъ расположеніи духа, печальныя предчувствія томили его: сюда присоединилась еще болѣзнь, застигшая его на дорогѣ, въ Луцкѣ. Въ одномъ письмѣ его отъ этого времени находимъ слова: „Намъ предстоитъ безвѣстный и токмо единому Богу свѣдомый путь.“ Въ другомъ читаемъ: „Что удобнѣе гдѣ, то чините, ибо мнѣ такъ отдаленному и почитай *во отчаяніи сущему*, къ томужъ отъ болѣзни чуть ожилъ, невозможно разсуждать.“ Положеніе было крайне затруднительное: не говоря уже о томъ, что царь отвлеченъ отъ сѣверной войны, которую спѣшилъ кончить выгоднымъ миромъ до окончанія западной войны за испанское наслѣдство, вести двѣ войны на сѣверѣ и югѣ съ такими небольшими средствами, какими тогда могла располагать Россія и въ то время, когда народъ жаждалъ облегченія и отдыха, къ чему полтавская побѣда подавала такую большую надежду, вести при такихъ условіяхъ двѣ войны было очень тяжко. Петръ не могъ сосредоточить большаго войска на югѣ, надежда на помощь союзника короля польскаго Августа была плохая; одна надежда на успѣхъ состояла въ поднятіи христіанскаго народонаселенія Турціи; сербскій полковникъ Милорадовичь отправленъ былъ поднимать Черногорцевъ и другихъ Славянъ и писалъ объ успѣшномъ ходѣ дѣла, молдавскій господарь Кантемиръ поддавался Россіи. Но чтобъ получить момощь отъ своихъ одновѣрцевъ и единоплеменниковъ, чтобъ предупредить Турокъ, нужно было спѣшить вступленіемъ во владѣнія Порты; отъ турецкихъ христіанъ получались безпрестанныя просьбы, чтобъ царь шелъ какъ можно скорѣе; господари молдавскій и валахскій писали, что какъ скоро русскія войска вступятъ въ ихъ земли, то они сейчасъ же съ ними соединятся, а это подниметъ Сербовъ и Болгаръ. Петръ послалъ Шереметева къ Дунаю — нельзя ли предупредить Турокъ и разорить мостъ. Но Турки предупредили, перешли Дунай. Предстоялъ вопросъ—двигаться ли царю съ главнымъ войскомъ впередъ или оставаться? на военномъ совѣтѣ было рѣшено идти впередъ, и Петръ пошелъ, тѣмъ болѣе, что Молдавія уже объявила себя за Русскихъ, и остановиться значило отдать ее въ беззащитную жертву Туркамъ. Слѣдствіемъ была встрѣча съ Турками у Прута (9 іюля): у Турокъ было 200,000 вой-

ка, у Русскихъ только около 40,000. Несмотря на то напавшій непріятель былъ отбитъ съ жестокимъ урономъ. Но все же положеніе русскаго войска было отчаянное: оно было истомлено битвою и зноемъ, съѣстныхъ припасовъ оставалось очень немного, помощи ни откуда. Визирю предложены были мирныя условія и богатые подарки. Визирь принялъ предложеніе, потому что самъ находился въ затруднительномъ положеніи: Янычары, испуганные отчаяннымъ сопротивленіемъ Русскихъ, потерявши 7,000 своихъ, отказались возобновить нападеніе и кричали, чтобъ визирь скорѣе заключилъ миръ; кромѣ того получено было извѣстіе, что отправленный прежде царемъ отрядъ подъ начальствомъ генерала Рённе, взялъ Браиловъ. Главныя условія мира были: отдача Туркамъ Азова, разореніе Таганрога и другихъ новопостроенныхъ съ русской стороны городовъ; невмѣшательство царя въ польскія дѣла. Русское войско, не знавшее, что дѣлалось въ турецкомъ лагерѣ, изумленное снисходительностію мирныхъ условій, съ великою радостію выступило изъ западни къ своимъ границамъ. Но съ какимъ чувствомъ велъ его царь? Онъ въ письмахъ къ своимъ утѣшалъ ихъ, что хотя миръ заключенъ и съ большою потерею, но за то все же война кончилась на югѣ и это дастъ возможность усиленно продолжать войну на сѣверѣ и скоро кончить ее выгоднымъ миромъ; но при этомъ онъ проводилъ безсонныя ночи, тѣмъ болѣе, что долго не могъ быть увѣренъ, состоится ли миръ съ Турками, ибо Карлъ XII, крымскій ханъ, Франція, измѣнившіе Россіи козаки побуждали султана не мириться, особенно потому, что пунктъ о невмѣшательствѣ Россіи въ польскія дѣла подавалъ поводъ къ сильнымъ спорамъ: Петръ не могъ разорвать союза съ польскимъ королемъ Августомъ, не могъ не проводить своихъ войскъ черезъ польскія владѣнія. Турецкіе министры прямо говорили англійскому послу, что имъ не такъ важна отдача Азова, какъ то, чтобъ царь не вступался въ дѣла Польши, не вводилъ въ нее своихъ войскъ, ибо если дать ему въ томъ волю, то онъ легко сокрушитъ Швецію, и потомъ не только можетъ отобрать Азовъ, но черезъ Польшу опять вступитъ внутрь турецкихъ владѣній. Петръ не хотѣлъ возобновленія войны съ Турціею, хотя въ письмахъ къ своимъ признавался, что плакалъ, помышляя о необходимости отказаться отъ береговъ Азовскаго моря, что какъ бы не своею рукою писалъ указъ объ отдачѣ Азова и срытіи Таганрога. „Но разсудить надлежитъ, писалъ онъ, что съ двумя непріятелями такими не весьма ль отчаянно войну весть и упустить сію шведскую войну, которой конецъ уже близокъ является; сохрани Боже ежелибъ въ обѣихъ войнахъ пребывая, дождались французскаго мира (т.-е. окончаніе войны за испанское наслѣдство), тобъ вездѣ потеряли; правда, зѣло скорбно, но лучше изъ двухъ золъ легчайшее выбрать.“ Наконецъ миръ съ Турками былъ заключенъ въ 1713 году. Война, оконченная этимъ миромъ имѣетъ то значеніе въ исторіи, что въ ней восточный вопросъ впервые сталъ славянскимъ вопросомъ: Петръ спѣшилъ къ Дунаю, чтобъ помочь христіанскому народонаселенію Турціи и взаимно получить отъ него помощь. Черногорцы поднялись, но по отдаленности мѣста ихъ дѣйствій, не могли, разумѣется, оказать помощи русскому войску. Извѣстіе о заключеніи мира при Прутѣ прекратило черногорскую войну. Терпя постоянно большой недостатокъ въ деньгахъ при громадныхъ издержкахъ, Петръ велѣлъ выдать Милорадовичу 500 червонныхъ для раздачи его сподвижникамъ. Въ 1715 году пріѣхалъ въ Россію черногорскій владыка Даніилъ и получилъ 10,000 рублей, полное архіерейское облаченіе, книги; начальные Черногорцы получили 160 медалей на 1,000 червонныхъ. Въ царской грамотѣ говорилось, что эти

награды не по достоинству, не по заслугамъ, но больше дать нельзя, потому что война съ еретикомъ королемъ шведскимъ поглощаетъ всѣ доходы. Съ этихъ поръ начинается пріемъ Славянъ и другихъ христіанъ восточнаго исповѣданія въ русскую службу. Такъ вступилъ въ русскую службу Милорадовичь и сдѣланъ былъ гадяцкимъ полковникомъ въ Малороссіи; кромѣ него вступили въ русскую службу другіе сербскіе, молдавскіе и валахскіе офицеры и рядовые, турецкіе и австрійскіе подданные. Ихъ размѣстили въ кіевской и азовской губерніяхъ, полковникамъ дано помѣстечку или по знатному селу, прочимъ офицерамъ по нѣскольку дворовъ, на хозяйственное обзаведеніе даны деньги и хлѣбъ; имъ дано право перезывать къ себѣ еще людей изъ своихъ народовъ и обѣщаны другія земли. Петръ такъ сознавалъ важность связи своего народа съ народами соплеменными, что счелъ своею обязанностію дѣлиться съ ними послѣднимъ кускомъ, какъ говорится. Сербскій архіепископъ Моисей Петровичъ пріѣхалъ въ Россію и привезъ отъ своего народа просьбу, въ которой Сербы, величая Петра новымъ Птоломеемъ, умоляли прислать двоихъ учителей, латинскаго и славянскаго языка, также книгъ церковныхъ: „Будь намъ второй апостолъ, просвѣти и насъ, какъ просвѣтилъ своихъ людей, да не скажутъ враги наши: гдѣ ихъ Богъ?“ Петръ велѣлъ отправить богослужебныхъ книгъ на 20 церквей, 400 букварей, сто грамматикъ. Отправлены были и учителя съ большимъ по тогдашнему времени жалованьемъ; отправлены были русскіе учителя, когда сама Россія имѣла ихъ такъ мало.

Но если Петръ считалъ своею обязанностію помогать и отдаленнымъ соплеменникамъ, то понятно, что не могъ не обратить вниманія на горькую судьбу русскихъ людей, которые за свою русскую народность, за свою русскую вѣру, терпѣли притѣсненія въ сосѣднемъ государствѣ, хотя и славянскомъ, но католическимъ. Петръ былъ въ союзѣ съ польскимъ королемъ Августомъ II. Августъ измѣнилъ союзу, когда несмотря на сильную помощь, несмотря на калишскую побѣду, тайкомъ отъ царя заключилъ миръ съ Карломъ XII и отказался отъ польскаго престола. Несмотря на то, послѣ Полтавы Петръ возстановилъ его на польскомъ престолѣ. Казалось, можно бы ожидать благодарности; но на благодарность въ политикѣ нельзя разсчитывать. Августъ былъ нѣмецкій государь, саксонскій курфюрстъ, который смотрѣлъ на Польшу какъ на средство усиленія для своего дома, смотрѣлъ и на русскаго царя какъ на орудіе для этого усиленія. Но какъ скоро оказалось, что Петру никакъ уже не приходится служить орудіемъ въ рукахъ какого-нибудь Августа, какъ скоро оказалось, что могущественная Россія и ея великій царь никакъ не позволятъ саксонскому курфюрсту усиливаться на счетъ Польши, такъ тѣсно связанной съ восточною Россіею роковою связью Россіи западной, какъ скоро оказалось, что Петръ, завоевавшій Ливонію безъ помощи Августа не отдастъ ее ему, то Августъ счелъ полезнымъ для себя отстать отъ Россіи, сблизиться съ враждебными ей державами, съ Франціею, Турціею, показать имъ, что онъ вовсе не союзникъ русскаго царя, готовъ сдѣлаться и врагомъ его, и потому согласно съ ихъ интересомъ поддерживать его на польскомъ престолѣ; а между тѣмъ, подъ шумокъ, пока еще Петръ занятъ шведскою войною, Августъ хотѣлъ достигнуть своей цѣли въ Польшѣ, подчинивъ себѣ рѣчь посполитую посредствомъ саксонскаго войска. Два года сряду 713 и 714 былъ въ Польшѣ большой неурожай, а между тѣмъ голодная страна должна была содержать саксонское войско, котораго король не выводилъ несмотря на всѣ просьбы

Поляковъ, несмотря на требованія Россіи. Поляки на сеймикахъ кричали, что ихъ вольность уже кончается, что имъ остается одно спасеніе — просить обороны у россійскаго орла. Наконецъ возстаніе вспыхнуло; образовалась конфедерація, и конфедераты начали биться съ Саксонцами. Литовскій гетманъ Потѣй обратился къ Петру съ вопросомъ, что ему дѣлать? Въ Польшѣ конфедерація, которая требуетъ, чтобъ и Литва соединилась съ нею: одно средство успокоить страну, это защита и посредничество царскаго величества. Петръ отвѣчалъ: „Пусть будетъ прислано ко мнѣ прошеніе отъ всей рѣчи посполитой, и тогда я вступлю въ посредничество для ея облегченія и примиренія съ королемъ.“ Въ мартѣ 1716 года пріѣхали къ Петру послы конфедераціи съ просьбою вступиться въ дѣло; король волею-неволею долженъ былъ согласиться на посредничество русскаго государя. Это новое положеніе Россіи относительно Польши возбудило сильно движеніе въ сосѣднихъ державахъ: и Австрія, и Пруссія стали хлопотать, чтобъ Поляки приняли и ихъ посредничество; но дѣло обошлось и безъ нихъ: благодаря движенію русскихъ войскъ, саксонскія войска въ 14 дней должны были очистить Польшу.

Но избавивъ Поляковъ отъ Саксонцевъ, Петръ долженъ былъ избавить православныхъ жителей западной Россіи отъ польскихъ притѣсненій. Въ XVI и XVII вѣкахъ религіозное гоненіе, поднятое на русское народонаселеніе въ польскихъ областяхъ, повело къ сильному движенію среди его, физическому и нравственному, въ слѣдствіе чего значительная часть русскихъ земель отторгнулась отъ Польши и присоединилась къ Россіи восточной или великой. Это событіе еще болѣе раздражило Поляковъ, заставило ихъ еще болѣе хлопотать о томъ, какъ бы уменьшить во владѣніяхъ рѣчи посполитой число русскихъ, какъ бы заставлять ихъ ополячиваться, т.-е. обращаться въ католицизмъ или сначала въ унію; хотѣли такимъ образомъ уменьшить число людей, которые тянули къ Россіи, ждали отъ нея помощи и покровительства; особенно старались окатоличить, ополячить какъ можно скорѣе православную шляхту, ибо шляхтичъ, какъ членъ сейма былъ членомъ правительства, а на сеймахъ боялись людей, которые могли бы поддерживать русскіе интересы, русскія требованія. Отсюда послѣ окончанія борьбы у Польши съ Россіею андрусовскимъ перемиріемъ, а потомъ и вѣчнымъ московскимъ миромъ гоненіе на православныхъ въ Польшѣ, отнятіе архіерейскихъ каѳедръ у православныхъ и отдача ихъ уніатамъ не ослабѣваютъ, но усиливаются. Православные обращаются съ жалобами къ русскому правительству и Петръ, для прекращенія этихъ жалобъ, рѣшается употребить сильныя мѣры. Въ 1722 году пріѣзжаетъ въ Москву бѣлорусскій епископъ Сильвестръ князь Четвертинскій, представляетъ длинный списокъ обидъ и притѣсненій, какія терпитъ православное духовенство отъ католиковъ, показываетъ знаки ранъ, полученныхъ имъ самимъ за то что вступился за своихъ священниковъ, палками обращаемыхъ въ унію. Петръ написалъ королю, что единственное средство прекратить жалобы православныхъ это составить коммиссію для изслѣдованія обидъ и полученія за нихъ удовлетворенія; но эту коммиссію нельзя составить изъ однихъ поляковъ католиковъ, въ ней непремѣнно долженъ быть русскій и царскій подданный. „Если же, паче чаянія, писалъ Петръ королю, удовлетворенія не воспослѣдуетъ, то мы будемъ принуждены сами искать себѣ удовлетворенія.“ Не дожидаясь отвѣта, Петръ уже назначилъ своего коммиссара, переводчика при русскомъ посольствѣ въ Варшавѣ, западнорусскаго же уроженца Рудаковскаго, которому немедленно

же велѣлъ ѣхать въ Могилевъ, освѣдомиться подлинно обо всѣхъ обидахъ людямъ греческаго исповѣданія, приготовить всѣ доказательства для коммиссіи, и стараться, чтобъ впредь не было гоненія на православныхъ. Протестанты въ польскихъ владѣніяхъ также обратилась къ Петру съ просьбою о покровительствѣ; видя это, прусскій дворъ спѣшилъ также присоединиться къ дѣлу, обратился къ русскому государю съ просьбою заступиться за евангеликовъ, гонимыхъ въ Польшѣ. Такъ поднимался знаменитый диссидентскій вопросъ, который ровно черезъ 50 лѣтъ послѣ описываемыхъ событій, въ 1772 году рѣшался первымъ раздѣломъ Польши, когда знаменитая собирательница русскихъ земель Екатерина II присоединеніемъ Бѣлоруссіи отпраздновала столѣтній юбилей Петра I-го. Рудаковскій писалъ Петру, что епископъ бѣлорусскій все доносилъ справедливо о гоненіяхъ на церковь восточную, развѣ что еще забылъ написать. Коммиссаръ началъ свою дѣятельность: по жалобѣ пинскихъ монаховъ на захватъ православныхъ монастырей и церквей въ унію, поведено было дѣло въ судѣ и состоялся приговоръ о возвращеніи отнятыхъ монастырей и церквей православнымъ. Рудаковскій съ мужествомъ привелъ въ исполненіе королевскій декретъ объ этомъ возвращеніи. Тщетно ксендзы и уніаты вопили какъ бѣсноватые: „Намъ бѣда! намъ грозитъ смерть! лучше бы намъ было видѣть въ этихъ церквахъ Турокъ или Жидовъ, чѣмъ проклятыхъ схизматиковъ!“ Ожесточеніе вызывало ожесточеніе и съ другой стороны: значительнѣйшіе изъ русскаго духовенства въ Бѣлоруссіи предлагали Рудаковскому поднять простой народъ и перебить всѣхъ католиковъ и уніатовъ, потому что, говорили они, простой народъ весь пойдетъ за нами. Рудаковскій отвѣчалъ имъ, чтобъ позабыли и думать объ этомъ, и дожидались бы покровительства русскаго государя, который уже прислалъ его, Рудаковскаго, для защиты восточной церкви. Ненависть Поляковъ къ небывалому у нихъ коммиссару доказывала, что онъ былъ присланъ не по напрасну. Польскіе министры требовали, чтобъ Рудаковскій былъ отозванъ, „ибо не помнимъ, писали они, чтобъ когда либо прежде подобные коммиссары жили въ земляхъ нашихъ и вмѣшивались въ дѣла духовныя.“ Но коммиссаръ не былъ отозванъ и продолжалъ свою дѣятельность. Съ другой стороны Петръ шелъ на перекоръ королю Августу въ его стремленіяхъ сдѣлать Польшу наслѣдственною въ своей фамиліи, удержать польское войско подъ начальствомъ саксонскаго фельдмаршала, въ замыслахъ раздѣлить Польшу. Такимъ образомъ союзъ, заключенный съ цѣлію сдѣлать Россію орудіемъ для выполненія саксонскихъ замысловъ, рушился, когда русскій царь, не могшій, по своей природѣ, служить орудіемъ для чужихъ замысловъ, оправдалъ опасенія Паткуля, одинъ усилился въ сѣверной войнѣ, ибо одинъ безъ союзниковъ сокрушилъ шведскую силу при Полтавѣ, и не считалъ полезнымъ для Россіи усиливать Саксонію на счетъ Польши. Также рушились и другіе союзы. Овладѣвъ прибалтійскими областями, Петръ для скорѣйшаго окончанія войны рѣшился дѣйствовать противъ германскихъ владѣній Швеціи, и съ помощію датскаго флота произвести высадку и въ самую Швецію. Онъ пригласилъ Данію, Ганноверъ, Пруссію участвовать въ этой войнѣ; они бросились на легкую добычу, на шведскія владѣнія въ Германіи, также на владѣнія родственнаго и союзнаго Швеціи голштинскаго дома; но скоро Данія и Ганноверъ были напуганы внушеніями о завоевательныхъ замыслахъ русскаго царя относительно Германіи. Внушенія пошли отъ мекленбургскаго дворянства, которое было въ ссорѣ съ своимъ герцо-

гомъ, а Петръ держалъ сторону герцога, женатаго на его племянницѣ цесаревнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ. Данія и курфюрстъ ганноверскій Георгъ, сдѣлавшійся королемъ англійскимъ сочли своею обязанностію мѣшать Петру въ окончаніи сѣверной войны, въ заключеніи выгоднаго мира съ Швеціею. Но Петръ достигъ своей цѣли и безъ союзниковъ. Въ 1713 году почти вся Финляндія была уже въ русскихъ рукахъ: „Эта страна намъ во все не нужна, писалъ Петръ, но надобно занять ее для того, чтобъ при мирѣ было что уступить Шведамъ." Въ 1714 году одержана была знаменитая морская Гангудская побѣда. Карлъ XII, возвратясь изъ Турціи, нашелъ шведскія дѣла въ такомъ положеніи, что по внушенію министра своего, голштинца Герца, рѣшился въ 1718 году вступить въ переговоры съ Петромъ, сдѣлать ему большія уступки, чтобъ съ его содѣйствіемъ вознаградить Швецію на счетъ другихъ враговъ ея. Аландскій конгрессъ, на который съ этою цѣлію съѣхались русскіе и шведскіе уполномоченные, рушился вслѣдствіе смерти Карла XII; сестра его Ульрика Элеонора, ставшая королевою шведскою и вельможи, захватившіе власть въ свои руки, понадѣялись на обѣщанія англійскаго короля Георга и рѣшились продолжать войну съ Россіею. Англійскій флотъ дѣйствительно явился въ Балтійское море, чтобъ испугать Петра и сдѣлать его уступчивѣе; но Петра испугать было нельзя: въ глазахъ Англичанъ русскіе высаживались на шведскіе берега и пустошили ихъ. Въ Швеціи наконецъ поняли, что никто не подастъ имъ помощи противъ Петра, начали снова мирные переговоры, и 30 августа 1721 года въ Ништадтѣ заключенъ былъ миръ, по которому съ шведской стороны уступались царскому величеству и его преемникамъ въ полное, неотрицаемое, вѣчное владѣніе и собственность завоеванныя царскаго величества оружіемъ провинціи: Лифляндія, Эстляндія, Ингрія, часть Кореліи съ дистриктомъ Выборгскаго лена со всѣми аппартиненціями и депенденціями, юрисдикціею, правами и доходами.

4 сентября въ Петербургѣ сильное волненіе: царь, отправившійся въ Выборгъ, неожиданно возвращается изъ своей поѣздки, плыветъ и каждую минуту стрѣляетъ изъ трехъ пушекъ на своей бригантинѣ; трубачъ трубитъ: что это значитъ?... Наконецъ слышится радостное, желанное слово: миръ! Толпы собираются къ Троицкой пристани; съѣзжается знать духовная и свѣтская. Встрѣченный торжественными кликами, Петръ ѣдетъ въ Троицкій соборъ къ молебну. Приближенные знаютъ, чѣмъ подарить его, просятъ принять чинъ адмирала. А между тѣмъ на Троицкой площади уже приготовлены кадки съ виномъ и пивомъ для угощенія народа, устроено возвышенное мѣсто. Послѣ молебна на это возвышенное мѣсто всходитъ царь и говоритъ окружающему народу: „Здравствуйте и благодарите Бога, православные! что толикую долговременную войну, которая продолжалась 21 годъ, всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціею счастливый вѣчный миръ." Сказавши это, Петръ беретъ ковшъ съ виномъ и пьетъ за здоровье народа, который плачетъ и кричитъ: „Да здравствуетъ государь!" 10 числа начался большой маскарадъ изъ 1000 масокъ и продолжался цѣлую недѣлю. Сильная, свѣжая, вѣчно-юная природа Петра, сказывавшаяся всегда, разумѣется сказалась и тутъ: онъ веселился какъ ребенокъ. Радость была общая; особенно радовались сотрудники, болѣе другихъ понимавшіе въ чемъ дѣло, болѣе другихъ потрудившіеся. Имъ представлялось то, что было 20 лѣтъ назадъ и что теперь, имъ представлялось то униженіе, въ которомъ была Россія послѣ Нарвы, и то уваженіе, съ которымъ разступились передъ нею теперь европейскія державы, чтобъ дать ей почетное

мѣсто среди себя; они живо, чувствовали, какъ въ двадцать лѣтъ расширилась ихъ умственная сфера, какъ они много узнали, какъ измѣнились въ слѣдствіе того ихъ понятія и взгляды, они чувствовали себя совершенно другими людьми и на языкѣ ихъ невольно появлялись слова, что они перешли изъ небытія въ бытіе, и что обязаны этимъ своему вождю, начальнику ихъ компаніи. Они поднесли Петру титулъ Отца Отечества, Великаго Императора Всероссійскаго за то, что „его неусыпными трудами и руковожденіемъ они изъ тьмы невѣдѣнія на ѳеатръ славы всего свѣта и, тако рещи, изъ небытія въ бытіе произведены и въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены.“ Петръ отвѣчалъ имъ простыми словами, ибо простота всегдашняя спутница величія: „Желаю весьма народу россійскому узнать истинное дѣйствіе Божіе къ пользѣ нашей въ прошедшей войнѣ и въ заключеніи настоящаго мира; должно всѣми силами благодарить Бога; но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія монархіи греческой; надлежитъ стараться о пользѣ общей, являемой Богомъ намъ очевидно внутри и внѣ, отъ чего народъ получитъ облегченіе.“ Петръ, и по окончаніи знаменитой войны, остался вѣренъ представленію о ней, какъ о школѣ; онъ писалъ: „Всѣ ученики науки въ семь лѣтъ оканчиваютъ обыкновенно; но наша школа троекратное время (21 годъ) была, однакожь, слава Богу, такъ хорошо окончилась, какъ лучше быть невозможно.“ Съ 22 октября 1721 года, когда Петру поднесенъ былъ названный титулъ, Россія стала имперіею. До тѣхъ поръ въ Европѣ былъ одинъ императоръ, императоръ священной римской имперіи, но въ Европѣ давно уже толковали, что Петръ стремился стать восточнымъ римскимъ императоромъ. Петръ дѣйствительно сталъ императоромъ, но не восточнымъ римскимъ, а всероссійскимъ, ему не было никакого дѣла до Рима, и онъ отвергнулъ эту безсмысленную для Россіи, для ея исторіи ветхость. Онъ трудился для Россіи и съ Россіею, для нея и съ нею онъ добылъ императорскій титулъ, и не отлучилъ родной страны отъ собственной славы. Только въ XIX вѣкѣ остальная Европа покончила съ трупомъ римской имперіи, рѣшилась похоронить его; только въ XIX вѣкѣ вмѣсто римской явились имперіи французская, австрійская, германская. Но Петръ цѣлымъ вѣкомъ предупредилъ это явленіе, первый въ своемъ титулѣ указалъ начало народности. Великая благодарность великому человѣку за то, что онъ неразрывно связалъ имя свое и своихъ преемниковъ съ именемъ своего народа, съ именемъ родной страны.

18 декабря новый императоръ торжественно вступилъ въ древнюю столицу царей и въ Успенскомъ соборѣ благодарилъ Бога за миръ, который далъ Россіи море и окончательно опредѣлилъ ея новые историческіе пути. И въ Москвѣ началось празднество, маскарады, фейерверки, иллюминаціи, ѣзда по улицамъ на морскихъ судахъ, поставленныхъ на сани. Но отъ тѣхъ праздниковъ въ честь мира обратимся ко внутренней дѣятельности Петра во время сѣверной войны и послѣ нея.

V. Мы видѣли первыхъ главныхъ сотрудниковъ Петра, видѣли, что самымъ виднымъ лицомъ, первымъ министромъ въ глазахъ иностранцевъ былъ бояринъ, адмиралъ Ѳед. Алексѣевичь Головинъ, который завѣдывалъ иностранными дѣлами. Здѣсь мы видимъ естественную въ первое время неразвитость, т. е. отсутствіе раздѣленія занятій, нѣсколько должностей сосредоточиваются въ рукахъ одного человѣка. Головинъ и адмиралъ, и министръ иностранныхъ дѣлъ, онъ завѣдываетъ оружейною палатою и новоучрежденными школами. Съ теченіемъ времени, когда

проницательный взглядъ Преобразователя открывалъ все болѣе и болѣе способныхъ людей, происходитъ развитіе, раздѣленіе занятій, различныя должности передаются отдѣльнымъ лицамъ. Петръ лишился Головина въ 1706 году, и сильно горевалъ о потерѣ „друга", ибо имѣлъ способность привязываться къ достойнымъ людямъ, какъ имѣлъ способность привязывать къ себѣ достойныхъ людей. По смерти Головина его должности уже раздѣляются: адмираломъ становится Апраксинъ, завѣдываніе иностранными дѣлами поручается Головкину съ титуломъ канцлера; но еще Головинъ выдвинулъ изъ переводчиковъ посольскаго приказа даровитаго Шафирова, который потомъ при Головкинѣ сдѣлался вице-канцлеромъ. Быстро выдвигается и чрезвычайно-даровитый Ягужинскій, котораго мы видимъ при разныхъ дворахъ съ важными дипломатическими порученіями; мы уже упоминали, какъ благодаря правилу Петра учить своихъ на практикѣ, на дипломатическомъ поприщѣ понятливые ученики сдѣлались скоро мастерами. Двое Долгорукихъ, Григорій Ѳед. и Василій Лукичь, Матвѣевъ, Кн. Куракинъ, Петръ Андр. Толстой усердно помогали Петру въ дипломатической борьбѣ съ Европою отъ Лондона до Константинополя; въ хорошей школѣ не можетъ быть недостатка въ подросткахъ, и эти подростки обозначились и окрѣпли при Петрѣ; они, по завѣщанію Петра, имѣя постоянно въ умѣ и на языкѣ имя великаго преобразователя, вели русскую политику чрезъ первую половину XVIII вѣка и передали ее въ достойныя руки, руки Екатерины II. Эти подростки обозначались въ двоихъ братьяхъ Бестужевыхъ, уже занимавшихъ при Петрѣ очень значительные дипломатическіе посты; обозначился и знаменитый иностранецъ, который въ печальныя для русской народности времена внутри Россіи, искусно поддерживалъ русскіе интересы въ Европѣ, обозначился знаменитый Остерманъ. Однажды на кораблѣ, гдѣ находился государь, произошла драка между царскимъ деньщикомъ и молодымъ нѣмцемъ, ведшимъ дневникъ у вице-адмирала; нѣмецъ прямо пришелъ къ царю съ жалобою и съ просьбою о сатисфакціи; Петръ сатисфакціи ему не далъ, сказавши: „пьяное дѣло!" но наружность нѣмца остановила его вниманіе; по своему обычаю, онъ поднялъ у него со лба волосы, посмотрѣлъ въ глаза, и взялъ къ себѣ для иностранной переписки. Нѣмца звали Остерманомъ: онъ велъ переговоры и заключилъ Ништадтскій миръ. Сохранились разсказы современниковъ о томъ, какъ поддерживалась школа, воспитывались подростки, выбирались люди. Молодые дворяне, посланные учиться за границу, возвратились и сейчасъ къ государю на экзаменъ зимою въ 6 часовъ утра; Петръ со свѣчею въ рукахъ ползалъ по картѣ, распрашивалъ ихъ, остался доволенъ. Одинъ изъ возвратившися изъ-за границы, извѣстный Неплюевъ былъ опредѣленъ Петромъ въ смотрители надъ постройкою галеръ, должность, въ которой онъ почти ежедневно видалъ государя. Петръ замѣтилъ, что въ маломъ будетъ путь, и начальствующія лица начали воспитывать молодаго офицера, учить его какъ служить и какъ сохранить расположеніе царя: „Будь исправенъ, будь проворенъ и говори правду, сохрани тебя Боже солгать, хотя бы что и худо было; онъ больше разсердится, если солжешь." Скоро Неплюевъ подвергся экзамену въ этомъ искусствѣ. Однажды онъ пришелъ на работу, а Петръ уже тутъ; Неплюевъ сильно перепугался и первою мыслію было бѣжать домой и сказаться больнымъ; но потомъ вспомнились наставленія и онъ пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ находился государь. „А я уже, мой другъ, здѣсь!" сказалъ ему Петръ.—„Виноватъ, государь, отвѣчалъ Неплюевъ, вчера я былъ въ гостяхъ, долго засидѣлся, оттого и опоздалъ."—„Спасибо, что

говоришь правду, сказалъ Петръ, Богъ проститъ! кто бабѣ не внукъ?“ Послѣ того Неплюевъ получилъ мѣсто резидента въ Константинополѣ такимъ образомъ, показывающимъ всю простоту отношенiй Петра къ своимъ приближеннымъ. У государя былъ обѣдъ для всей знати, также для офицеровъ гвардейскихъ и морскихъ, почему былъ приглашенъ и Неплюевъ. Отобѣдавъ съ товарищами прежде, онъ всталъ изъ-за стола и отправился въ ту сторону, гдѣ государь сидѣлъ еще за столомъ и велъ такой разговоръ съ Головкинымъ и Апраксинымъ: „Надобенъ мнѣ человѣкъ, который бы зналъ италiанскiй языкъ, для посылки въ Константинополь резидентомъ.“ Головкинъ отвѣчалъ, что такого не знаетъ. — „А я знаю, сказалъ Ѳед. Матв. Апраксинъ: очень дѣльный человѣкъ, да та бѣда, что очень бѣденъ.“— „Бѣдность не бѣда, отвѣчалъ Петръ, этому помочь можно скоро; но кто это такой?“—„Да вотъ онъ за тобой стоитъ, сказаль Апраксинъ.“—„За мной стоятъ много“ возразилъ Петръ. — „Да твой хваленый, что у галернаго строенiя, отвѣчалъ Апраксинъ. Петръ оборотился, взглянулъ на Неплюева и сказалъ: „Это правда, Ѳедоръ Матвѣевичъ, что онъ хорошъ, да мнѣ бы хотѣлось его у себя имѣть.“ Но потомъ, подумавши, государь приказалъ назначить Неплюева резидентомъ въ Константинополь.

Способныхъ людей было набрано много; но цѣль Преобразователя состояла въ томъ, чтобъ прiучить этихъ способныхъ людей къ дѣятельности сообща, въ которой бы они развивали силы другъ друга и сдерживали другъ друга. У насъ часто говорятъ о дубинкѣ Петра Великаго, даже иногда слышится желанiе, чтобъ она снова явилась съ своею, будто бы очень полезною дѣятельностiю. При воспитанiи человѣка въ дѣтскомъ возврастѣ допускаются извѣстныя внушенiя, наказанiя, тѣлесныя наказанiя; но въ болѣе зрѣломъ возрастѣ подобныя воспитательныя средства не допускаются, да и съ самаго начала опытные воспитатели стараются развивать въ воспитанникахъ высшiя, нравственныя побужденiя къ добру. Петръ употреблялъ дубинку для взрослыхъ дѣтей, но въ то же время цѣлая система учрежденiй, имѣвшихъ воспитательное значенiе для народа показываетъ, что Преобразователь употреблялъ другiе, болѣе дѣйствительныя средства къ тому, чтобъ вывести русскихъ людей изъ дѣтскаго возраста относительно общественной жизни, и упразднить внѣшнiя, дѣтскiя понужденiя, упразднить дубинку. И мы думаемъ, что воспоминанiе объ этихъ учрежденiяхъ и о борьбѣ, которую изъ-за нихъ выдерживалъ Преобразователь, будетъ гораздо питательнѣе для общества, чѣмъ воспоминанiе о дубинкѣ. Мы видѣли, что Петръ учредилъ сенатъ, который облекъ большою властiю. Воспитанiе этого высшаго правительственнаго учрежденiя, разумѣется,было главною заботою Петра. „Теперь все у васъ въ рукахъ“, говорилъ онъ сенаторамъ и этими словами напоминалъ имъ о важности ихъ значенiя и соединенныхъ съ нею обязанностяхъ и отвѣтственности. Люди собрались для общаго дѣла, и первое сильное искушенiе—потратить время въ слишкомъ долгихъ разсужденiяхъ о дѣлѣ и въ разговорахъ не о дѣлѣ: Петръ требуетъ отъ сенаторовъ, чтобъ они не теряли времени „понеже пропущенiе времени смерти невозвратной подобно. Никому въ сенатѣ не позволяется разговоры имѣть о постороннихъ дѣлахъ, которыя не касаются службы, тѣмъ менѣе заниматься бездѣльными разговорами или шутками, а главное, сенаторы должны имѣть въ памяти должность свою и царскiе указы и дѣлъ до завтра не откладывать; какъ можетъ государство быть управляемо, когда указы не будутъ дѣйствительны? пре-

зрѣніе указовъ равно измѣнѣ и еще хуже ея, ибо, заслышавъ объ измѣнѣ, всякъ остережется, а этого зла никто вскорѣ не почувствуетъ, но мало-по-малу все разорится.... Въ управленіи государствомъ важнѣе всего храненіе правъ гражданскихъ, понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить, или ими играть въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ какъ у насъ было, а отчасти и еще есть и зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды.“ Для ослабленія этого зла Петръ въ началѣ 1722 года учредилъ при сенатѣ должность генералъ-прокурора, котораго онъ называлъ окомъ своимъ и стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ. Во всѣхъ нисщихъ мѣстахъ должны были находиться прокуроры, надзоръ надъ которыми порученъ генералъ-прокурору. Одна изъ главныхъ заботъ сената состояла въ удовлетвореніи требованіямъ государства относительно людей, нужныхъ для службы военной и гражданской; для облегченія сената въ этомъ дѣлѣ учреждена была должность герольдмейстера, который имѣлъ списки всѣмъ дворянамъ и дѣтямъ ихъ и, по первому требованію, представлялъ людей способныхъ къ той или другой должности. Я употребилъ выраженія: служба военная и гражданская; это раздѣленіе есть новость, появившаяся съ Петра; древняя Россія представляла первобытное государство съ рѣзкимъ признакомъ неразвитости: служба военная не была отдѣлена отъ гражданской; при Петрѣ явилось раздѣленіе должностей гражданскихъ отъ военныхъ, что и выразилось въ знаменитой табели о рангахъ. Мы нѣсколько разъ упоминали о цѣлой системѣ учрежденій, имѣвшихъ воспитательное значеніе для народа чрезъ пріученіе его къ дѣятельности сообща. Система эта приводилась въ исполненіе постепенно, и только къ 1720 году образовались для отдѣльныхъ вѣдомствъ коллегіи, замѣнившія прежніе приказы. Коллегія состояла изъ президента, вице-президента, совѣтниковъ и асессоровъ. Если и въ сенатѣ, куда были выбраны самые способные люди, дѣло, по его новости, шло далеко не такъ, какъ бы желалось, то тѣмъ болѣе нельзя было надѣяться вначалѣ большого успѣха въ коллегіяхъ. Тяжело было приниматься за новое дѣло: ежеминутно вопросы: какъ дѣлать? и кто будетъ отвѣчать на эти вопросы? Въ сенатъ Петръ рѣшительно не допускалъ иностранцевъ, но въ коллегіи допускалъ. Президентъ необходимо былъ русскій, но вице-президентъ могъ быть иностранецъ; также изъ иностранцевъ былъ одинъ совѣтникъ или ассессоръ, одинъ секретарь. Спросятъ—зачѣмъ это? Неопытность русскихъ требовала указанія—какъ вести дѣло; способъ веденія дѣлъ былъ новый, и въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ самое содержаніе дѣлъ было новое, какъ напр. въ Бергъ и Мануфактуръ коллегіи. Петръ велѣлъ отправить въ Кенигсбергъ 30 или 40 человѣкъ молодыхъ подъячихъ, но до ихъ возвращенія надобно было допустить иностранцевъ; по незнанію русскаго языка иностранцы должны были вести дѣла чрезъ переводчиковъ—неудобство страшное! Чтобъ избавиться отъ этого неудобства Петръ велѣлъ своему резиденту въ Вѣнѣ пригласить изъ австрійскихъ коллегій въ русскую службу чиновниковъ славянскаго происхожденія, Чеховъ, Моравовъ, которые могли бы скорѣе Нѣмцевъ выучиться русскому языку; велѣлъ пригласить въ службу при коллегіяхъ шведскихъ плѣнниковъ, выучившихся по-русски, а между тѣмъ, при первой возможности старался отдѣлаться отъ иностранцевъ въ коллегіяхъ: въ 1722 году, сидя въ сенатѣ, Петръ велѣлъ президентамъ коллегій разобрать иноземцевъ коллежскихъ членовъ, и указать тѣхъ, которые годны, а негодныхъ отпустить. Легко понять, какое препятствіе всѣ эти учрежденія встрѣчали въ недостаткѣ способныхъ людей при об-

щемъ малолюдствѣ; въ 1722 году генералъ-прокуроръ жаловался, что еще 100 мѣстъ въ управленіи остаются незамѣщенными. Поручая герольдмейстеру приготовлять молодыхъ дворянъ для гражданской службы, Петръ однако внушалъ ему, чтобъ онъ не слишкомъ много пускалъ въ гражданскую службу, иначе армія и флотъ истощатся; послѣ этого внушенія нельзя сказать, чтобъ должность петровскаго герольдмейстера была легка. Высшія учрежденія, коллегіи еще какъ-нибудь наполнялись людьми; но въ областномъ управленіи Преобразователь, вслѣдствіе недостатка людей, долженъ былъ отказаться отъ своихъ любимыхъ плановъ относительно коллегіальной формы и отдѣленія суда отъ управленія; его планы остались программою для будущаго. Но Петръ не хотѣлъ отказаться отъ другаго воспитательнаго для народа средства, отъ выборовъ, которые онъ устроилъ повсюду въ обширныхъ размѣрахъ, въ гражданской и военной службѣ. Сверху выборы начинались съ президентовъ коллегій и самъ Петръ присутствовалъ при этихъ выборахъ, училъ, какъ производить ихъ правильно и безпристрастно: выбиралъ сенатъ съ участіемъ генералитета, членовъ коллегій и 100 человѣкъ выборныхъ изъ дворянства; въ другіе высшіе чины сенатъ избиралъ баллотировкою, въ низшіе назначалъ просто. Петръ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ выборы распространили жизнь, самостоятельное движеніе, общую дѣятельность и въ областяхъ. Какъ обыкновенно и вездѣ бываетъ, право выбора явилось тяжелою обязанностію, отъ которой старались избавиться. Петръ велѣлъ выбирать дворянамъ сборщиковъ податей или земскихъ коммиссаровъ; дворяне начали вмѣсто себя посылать на выборы прикащиковъ. Петръ запретилъ это, предписалъ помѣщикамъ, а въ поморскихъ (сѣверныхъ) городахъ и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ, гдѣ дворянъ нѣтъ, обывателямъ съѣзжаться къ новому году для выбора земскаго коммиссара. Если на прежняго коммиссара будутъ просьбы, то помѣщики или обыватели судятъ его по винѣ штрафуютъ и по экзекуціи доносятъ губернаторамъ и воеводамъ. Преобразователь отстаивалъ свои воспитательныя средства, несмотря на страшныя препятствія. Намъ еще предстоитъ печальная обязанность разсказать о тѣхъ застарѣлыхъ въ русскомъ общественномъ тѣлѣ болѣзняхъ, которыя вскрылъ Преобразователь и неумолимо и неутомимо преслѣдовалъ. Борьба была тяжелая. „На душу Петру Алексѣевичу, разсказываютъ современники, повременамъ находила такая черная туча, что онъ запирался и никого не допускалъ къ себѣ.“ Но труды и страданія не пропали даромъ. Современники же Петра свидѣтельствуютъ, что они учились у него „благородному безстрашію и правдѣ.“ Значитъ была хорошая школа, хорошій учитель и хорошіе ученики.

ЧТЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Въ концѣ прошедшей бесѣды нашей я упомянулъ о внутренней ожесточенной борьбѣ, которую долженъ былъ вести преобразователь и которая, по выраженію современниковъ, наводила на него черныя тучи, борьба не съ стрѣльцами, не съ козаками, не съ Башкирцами, не съ вооруженною силою, которая прямо поднималась, прямо заявляла свои требованія и съ которою легко было бороться въ борьбѣ открытой: борьба гораздо болѣе тяжкая, болѣе изнурительная шла съ

людьми, которыхъ Петръ призвалъ для новой, сильной и славной дѣятельности и которые, по своимъ способностямъ, откликнулись на призывъ, принесли помощь преобразователю, но которые не поняли главнаго смысла призыва, значенія той помощи, какой особенно требовалъ отъ нихъ Петръ. Они принесли свое мужество для борьбы со внѣшними врагами, способность къ тяжелому труду, способность быстро пріобрѣсти знаніе, искусство въ томъ или другомъ дѣлѣ, нужномъ для Россіи; но многіе не принесли другаго высшаго, гражданскаго мужества, не принесли способности отказаться отъ частной корысти для общаго дѣла, способности отвыкнуть отъ жизни врознь, способности отвыкнуть отъ взгляда на службу государственную какъ на кормленіе, на подчиненныхъ, какъ на людей обязанныхъ кормить, на казну, какъ на общее достояніе въ томъ смыслѣ, что всякій добравшійся до нея имѣетъ право ею пользоваться. Преобразователь твердилъ о государствѣ, заставлялъ присягать ему, твердилъ, что надобно стараться о пользѣ общей, ибо отъ этого старанія народъ получитъ облегченіе: эти слова для многихъ были только словами, словами языка чуждаго, непонятнаго. Борьба была тяжела, тяжелѣе сѣверной войны; не могъ преобразователь быть поощренъ въ ней Полтавою, не могъ окончить ее ништадтскимъ миромъ. Борьба не кончилась; но мы должны почтить труды перваго учителя, благоговѣйно отестись къ его скорби о тяжкой борьбѣ съ укоренившимися противуобщественными привычками. Призывая народъ къ тяжкому труду, къ лишеніямъ и пожертвованіямъ, сберегая самъ каждую копѣйку, Петръ слышалъ общія глухія жалобы, что деньги, сбираемыя съ народа, идутъ не на общее дѣло, а по частнымъ карманамъ, что народу не достаетъ одной изъ главныхъ потребностей общественной жизни, суда праваго и скораго. Загремѣли указы, что государю извѣстно умноженіе великихъ неправдъ и грабительствъ государственной казны, отъ чего многіе всякихъ чиновъ люди, особенно крестьяне приходятъ въ разореніе и бѣдность; указы грозили смертною казнію плутамъ, которые стараются только о томъ, какъ бы подводить мины подъ всякое доброе дѣло и несытость свою наполнять. Въ указахъ были выставлены средства, какими обыкновенно подводились эти мины, въ слѣдствіе чего никто не могъ отговариваться: прежде это дѣлалось, позволялось, я не зналъ что это не хорошо, запрещено теперь. Но всуе указы писать, если ихъ не исполнять; тѣхъ, которые въ ихъ неисполненіи находили выгоду, было очень много; общество не выработало нравственныхъ средствъ для наблюденія за этими людьми и для ихъ сдерживанія; государство должно было взять это на себя, дѣйствовать своими средствами, единственно для него доступными при безсиліи общества, при безпомощности государства съ этой стороны. Учредивъ Сенатъ, и поручая ему прежде всего судъ имѣть нелицемѣрный, преслѣдовать судей неправедныхъ и ябедниковъ, Петръ велѣлъ ему выбрать оберъ-фискала, человѣка умнаго и добраго, изъ какого бы чина ни было, который надъ всѣми дѣлами долженъ былъ тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, про сборъ казны, и узнавши про неправое дѣло, звать виновнаго предъ Сенатъ, какого бы важнаго мѣста преступникъ ни занималъ. Въ вѣдѣніи оберъ-фискала должны быть провинціальные фискалы и фискалы при каждой отрасли управленія. И здѣсь какъ вездѣ Петръ поступалъ по своему правилу: у Сената все въ рукахъ, пусть же онъ выбираетъ оберъ-фискала, и выборъ не стѣсненъ, пусть выбираютъ изъ всѣхъ состояній, изо всего народа, лишь былъ бы человѣкъ умный и добрый; се-

натъ отвѣчалъ, еслибы человѣкъ, получившій такую важную обязанность, оказался не умнымъ и не добрымъ. Сенатъ не могъ жаловаться, если оберъ-фискалъ обвинялъ самихъ сенаторовъ и обвинялъ, по ихъ мнѣнію, несправедливо: сами они его выбрали изъ цѣлаго народа, какъ человѣка умнаго и добраго. Фискалы начинаютъ дѣйствовать, подаютъ въ Сенатъ свои доношенія, сенаторы встрѣчаютъ ихъ бранью, обзываютъ антихристами и плутами, на ихъ доношенія не обращается никакого вниманія. Тогда фискалы обращаются къ царю, вскрываютъ злоупотребленія самихъ сенаторовъ. Особенною дѣятельностію становится знаменитъ оберъ-фискалъ Нестеровъ. Издавна чрезвычайною разнузданностію отличались правители отдаленныхъ областей, именно Сибири; теперь фискалъ началъ дѣло, по которому вскрылись злоупотребленія сибирскаго губернатора, князя Гагарина, и Гагаринъ былъ казненъ. Вскрылись злоупотребленія по всѣмъ окраинамъ, въ Астрахани и въ новозавоеванномъ Ревелѣ, вскрылись повсюду и внутри государственной области мины, подводимыя подъ добрыя дѣла. Тяжелыя минуты переживалъ Петръ, когда, возвращаясь изъ за граничныхъ походовъ въ Россію, вмѣсто отдохновенія, т.-е. спокойнаго труда по внутреннимъ дѣламъ въ кругу людей близкихъ, довѣренныхъ, любимыхъ, долженъ былъ испытывать сильное раздраженіе, получая извѣстія о противозаконыхъ поступкахъ этихъ самыхъ людей. Тяжелыя минуты переживалъ Петръ, когда онъ узнавалъ о незаконныхъ поступкахъ самаго близкаго къ себѣ человѣка, того, кого онъ возвысилъ и обогатилъ больше всѣхъ, кто слѣдовательно не имѣлъ уже ни въ чьихъ глазахъ ни малѣйшаго оправданія въ своей алчности къ обогащенію, когда онъ узнавалъ о противозаконныхъ поступкахъ знаменитаго Данилыча, Меншикова. Меншиковъ, по своимъ способностямъ, безспорно занималъ первое мѣсто между сотрудниками Петра; оеобенно былъ онъ дорогъ преобразователю своею энергіею, своею находчивостію въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, исполнительностію тамъ, гдѣ другіе колебались, тратили время въ разсужденіяхъ и перебранкахъ или посылали за указомъ. Но сила развивается, не встрѣчая препятствій, и извѣстно, что можетъ позволить себѣ человѣкъ сильный въ обществѣ, которое не выработало сдержекъ для всякой силы. Необыкновенное и быстрое возвышеніе, любовь и довѣріе царя разнуздали Меншикова: онъ не зналъ предѣловъ своимъ честолюбивымъ помысламъ и своимъ захватамъ. Общество не выработало сдержекъ для сильнаго человѣка; онъ могъ найти эти сдержки только въ царѣ, и отсюда печальныя столкновенія Петра съ человѣкомъ, котораго онъ называлъ дитею своего сердца. Первое столкновеніе произошло въ 1711 году въ слѣдствіе жалобъ на поведеніе Меншикова въ Польшѣ во время прохода его съ войскомъ чрезъ эту страну. Петръ проѣзжалъ черезъ Польшу, отправляясь въ турецкій походъ, печальный и больной, и тутъ-то къ усиленію печали и болѣзни узналъ о злоупотребленіяхъ своего любимца; онъ писалъ къ Меншикову: „Зѣло прошу, чтобъ вы такими малыми прибытки не потеряли своей славы и кредиту. Прошу васъ не оскорбиться о томъ, ибо первая бран лучше послѣдней; а мнѣ будучи въ такихъ печаляхъ уже пришло до себя, и не буду жалѣть никого.“ Свѣтлѣйшій князь позволилъ себѣ возразить, что не велика важность, если какая бездѣлица и взята у Поляковъ. Петръ отвѣчалъ: „Что ваша милость пишете о сихъ грабежахъ, что бездѣлица, и то не есть бездѣлица, ибо интересъ тѣмъ теряется въ озлобленіи жителей.“ Петръ указалъ своему любимцу и на другой страшный вредъ: отъ привычки къ грабежу исчезла дис-

циплина въ русскомъ войскѣ и надобно было возстановлять ее строгостями. Первая брань, къ несчастію, не была послѣднею. Она, какъ видно, перемѣнила уже взглядъ Петра на Меншикова, царь былъ осторожнѣе, внимательнѣе относительно его; возвратясь изъ прутскаго похода, во время котораго Меншиковъ оставался въ Петербургѣ въ званіи губернатора, Петръ нашелъ злоупотребленія, и отправляя потомъ Меншикова противъ Шведовъ въ Померанію, говорилъ ему: „Ты мнѣ представляешь плутовъ честными людьми, а честныхъ людей плутами. Говорю тебѣ послѣдній разъ: перемѣни поведеніе, если не хочешь большей бѣды. Теперь ты пойдешь въ Померанію: не мечтай, что ты будешь тамъ вести себя какъ въ Польшѣ; ты мнѣ отвѣтишь головою при малѣйшей жалобѣ на тебя.“ Меншиковъ не отвѣтилъ головою за Померанію; но злоупотребленія его по внутреннему управленію вскрывались все болѣе и болѣе, и прежнія дружескія отношенія между нимъ и царемъ исчезли навсегда; прежній шутливый, свободный, товарищескій тонъ писемъ Данилыча смѣнился униженнымъ тономъ провинившагося подданнаго предъ грознымъ государемъ. Меншиковъ долженъ былъ выплатить огромный начетъ. Но дѣломъ Меншикова не ограничивались скорбныя для Петра дѣла, выказывавшія такое неудовлетворительное состояніе народной нравственности. Одинъ изъ самыхъ даровитыхъ и видныхъ сотрудниковъ преобразователя, вице-канцлеръ и сенаторъ Шафировъ былъ осужденъ на смерть, снятъ съ плахи и сосланъ въ ссылку за то, что въ Сенатѣ позволилъ себѣ неприличные поступки, брань съ товарищами и оберъ-прокуроромъ, нарушеніе указовъ, стараніе, чтобъ брату его было выдано лишнее жалованье. По поводу этого дѣла Петръ опять высказался въ указѣ, что подобное поведеніе хуже измѣны, потому что ведетъ къ уничтоженію всякой дисциплины въ подчиненныхъ, къ разоренію людей, къ паденію государства. Опредѣлены были наказанія за нарушеніе приличія въ присутственныхъ мѣстахъ, за неучтивое обращеніе съ челобитчиками. Знаменитый прибыльщикъ Курбатовъ обвиненъ былъ въ злоупотребленіяхъ и умеръ подъ судомъ; знаменитый фискалъ Нестеровъ, открывшій столько чужихъ злоупотребленій, самъ попался въ злоупотребленіяхъ и былъ казненъ смертію; не перечисляемъ дѣлъ, ведшихся по злоупотребленіямъ другихъ менѣе извѣстныхъ лицъ, или дѣлъ по менѣе значительнымъ злоупотребленіямъ очень извѣстныхъ лицъ. Эту тяжелую борьбу Петра съ страшною болѣзнію взяточничества и казнокрадства очень хорошо характеризуетъ слѣдующій анекдотъ; историкъ не поручится, чтобъ дѣйствительно былъ такой разговоръ между означенными въ анекдотѣ лицами, но анекдотъ все же остается важенъ какъ выраженіе сознанія современниковъ о величинѣ зла. Петръ, слушая въ Сенатѣ дѣла о казнокрадствѣ, сильно разсердился и сказалъ генералъ-прокурору Ягужинскому: „Напиши указъ, что если кто и настолько украдетъ, что можно купить веревку, то будетъ повѣшенъ.“—„Государь, отвѣчалъ Ягужинскій: неужели вы хотите остаться императоромъ безъ служителей и подданныхъ? Мы всѣ воруемъ, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ больше и примѣтнѣе, чѣмъ другой.“

Ничто такъ ни раздражаетъ, не выводитъ изъ себя человѣка сильнаго, какъ сознаніе, что всякая сила безсильна противъ тупой силы закоренѣлаго зла. Примѣръ кровавой борьбы Петра со взяточничествомъ и казнокрадствомъ, съ неуваженіемъ къ обязательной одинаково для всѣхъ силѣ закона показываетъ все затруднительное положеніе правительства, не встрѣчающаго пособія въ обществѣ, когда правительство самое сильное и благонамѣренное связано какою-нибудь не-

правильностію въ общественномъ развитіи, встрѣчаетъ около себя нѣмой заговоръ: все повидимому слушается, преклоняется, трепещетъ, а на дѣлѣ дѣлается свое, наставленія, угрозы, наказанія пропадаютъ даромъ. Для силы нѣтъ ничего тягостнѣе, какъ сознаніе безсилія, что никакими средствами нельзя ничего сдѣлать, надобно ждать, предоставить времени лѣченіе болѣзни. Понятно, что на Петра находили черныя тучи, но самая черная туча нашла на него по семейному дѣлу, по дѣлу царевича Алексѣя. Время, съ которымъ мы имѣемъ дѣло, есть время тяжкой борьбы, какая обыкновенно знаменуетъ великіе перевороты въ жизни народовъ. Во время этихъ переворотовъ рушатся самыя крѣпкія связи; борьба не ограничивается жизнію общественною, она проникаетъ въ заповѣдную внутренность домовъ, вноситъ вражду въ семейства. Божественный основатель религіи любви и мира объявилъ, что пришелъ не водворить миръ на земли, но ввергнуть ножъ среди людей, внести раздѣленіе въ семьи, поднять сына на отца и дочь на мать. То же явленіе представляетъ намъ и гражданская исторія. Неудивительно, что страшный переворотъ, который испытывала Россія въ первую четверть XVIII вѣка, внесъ раздѣленіе и вражду въ семью Преобразователя и повелъ къ печальной судьбѣ, постигшей сына его, царевича Алексѣя. Мы ежедневно встрѣчаемся съ явленіемъ, что дѣти не бываютъ умственно и нравственно похожи на родителей. Сильныя столкновенія часто происходятъ отъ этого и въ частныхъ семьяхъ; но подобныя столкновенія въ семьяхъ владѣльческихъ ведутъ иногда къ кровавымъ послѣдствіямъ. Св. Константинъ Великій казнилъ сына своего Криспа. Въ XVIII вѣкѣ прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ I едва не казнилъ сына, знаменитаго въ послѣдствіи Фридриха II. Въ семьяхъ владѣльческихъ несходство между отцомъ и сыномъ условливаетъ несходство настоящаго съ будущимъ для многихъ людей, иногда для цѣлаго народа, особенно это несходство можетъ быть обильно послѣдствіями, грозить реакціями во времена сильныхъ переворотовъ. Понятно слѣдовательно, почему въ царствованіе Петра вопросъ: сынъ и наслѣдникъ Преобразователя похожъ ли на отца? былъ вопросомъ первой важности. Переворотъ, движеніе, при которомъ родился и воспитался Петръ, который не былъ начатъ, созданъ Петромъ, но къ которому совершенно пришлась его огненная, не знающая покоя природа, переворотъ повредилъ его семейнымъ отношеніямъ въ первомъ бракѣ. Жена пришлась не по мужу; Петръ испыталъ на себѣ ту невыгоду, стараго обычая, отъ которой хотѣлъ потомъ освободить своихъ подданныхъ, назначивъ время для ознакомленія между женихомъ и невѣстою. Въ древней Россіи слѣдствіемъ такого отсутствія предварительнаго ознакомленія было заключеніе жонъ въ монастыри; тоже случилось и съ царицею Евдокіею. Петръ женился на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Скавронской, которая совершенно приходилась по немъ, которая могла не отставать отъ мужа, а мужъ не умѣлъ ходить, а только бѣгать. Но отъ перваго брака остался сынъ и наслѣдникъ, царевичъ Алексѣй. Россія волнуется бурями преобразованія, всѣ истомлены и жаждутъ пристать къ тому или другому берегу; для всѣхъ одинаково важенъ и страшенъ вопросъ: сынъ похожъ ли на отца? Царевичъ былъ уменъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Петръ, который писалъ ему: „Богъ разума тебя не лишилъ“. Царевичъ былъ охотникъ пріобрѣтать познанія, если это не стоило большаго труда, былъ охотникъ читать и пользоваться прочитаннымъ, признавалъ необходимость образованія. Но мы знаемъ, что въ Россіи и до Петра чувствовалась необходимость образованія и преобразованія; до

Петра были люди, которые обратились за наукою къ западнымъ сосѣдямъ, учили дѣтей своихъ иностраннымъ языкамъ, выписывая учителей изъ польскихъ областей. Но это направленіе, обнаружившееся при царѣ Алексѣѣ, Ѳеодорѣ и во время правленія Софьи, явилось недостаточнымъ для Петра: съ учеными западнорусскими монахами, съ учителями изъ польскихъ шляхтичей, которые могли выучить по-латыни и по-польски и внушить интересъ къ спорамъ о хлѣбопоклонной ереси,— съ помощію однихъ этихъ людей нельзя было сдѣлать Россію одною изъ главныхъ державъ Европы, побороть Шведа, добиться моря, создать войско и флотъ, вскрыть естественныя богатства Россіи, развить промышленность и торговлю: для этого нужны были другіе люди, другія средства, для этого нужна была не одна школьная и кабинетная работа, для этого нужна была страшная, напряженная дѣятельность, незнаніе покоя; для этого самъ Петръ идетъ въ плотники, шкипера и солдаты, для этого призываетъ всѣхъ русскихъ людей забыть на время выгоды, удобства, покой и дружными усиліями вытянуть родную страну на новую, необходимую дорогу. Многимъ этотъ призывъ показался тяжекъ, и тяжекъ онъ показался не раскольникамъ какимъ-нибудь, ибо эти люди также изъ-за своихъ убѣжденій готовы были на лишенія и подвиги: этотъ призывъ показался тяжекъ людямъ образованнымъ, которые были вовсе непрочь попользоваться европейскою цивилизаціею для выгодъ и удобствъ житейскихъ, но чтобъ эта цивилизація не такъ дорого стоила, пришла бы сама собою безъ большого напряженія силъ съ ихъ стороны. Представителемъ этихъ-то людей былъ царевичъ Алексѣй. Онъ былъ тяжелъ на подъемъ, неспособенъ къ напряженной дѣятельности, къ сильному труду, чѣмъ отличался отецъ его; онъ былъ лѣнивъ физически, и потому домосѣдъ, любившій узнавать любопытныя вещи изъ книги, изъ разговора только. Сынъ, по природѣ своей, жаждалъ покоя и ненавидѣлъ все то, что требовало движенія, выхода изъ привычнаго положенія и окруженія; отецъ, которому, по природѣ его, были болѣе всего противны домосѣдство и лежебокость, во имя настоящаго и будущаго Россіи, требовалъ отъ сына вниманія къ тѣмъ средствамъ, которыя могли обезпечить Россіи пріобрѣтенное ею могущество. Отецъ работалъ безъ устали, видѣлъ уже какъ зрѣли плоды имъ насажденнаго, но вмѣстѣ чувствовалъ упадокъ физическихъ силъ и слышалъ зловѣщіе голоса: „умретъ и все погибнетъ съ нимъ, Россія возвратится къ прежнему варварству“. Эти зловѣщіе голоса не могли бы смутить его, еслибъ онъ оставлялъ по себѣ наслѣдника, могшаго продолжать его дѣло. Понятно, что Петръ не могъ позволить себѣ страннаго требованіе, чтобъ сынъ его и наслѣдникъ обладалъ всѣми тѣми личными средствами, какими обладалъ онъ самъ; но онъ считалъ совершенно законнымъ для себя требованіе, чтобъ сынъ и наслѣдникъ имѣлъ охоту къ продолженію его дѣла, имѣлъ убѣжденіе въ необходимости продолжать его; недостатокъ сильныхъ способностей восполнялся относительпою легкостью дѣла, ибо начальная, самая трудная его часть уже была совершена; дѣло было легко и потому, что преемнику приходилось работать въ кругу хорошихъ работниковъ, приготовленныхъ отцомъ; для успѣха при такихъ условіяхъ нужна была только охота, сочувствіе къ дѣлу. „Не трудовъ, но охоты желаю“, писалъ Петръ сыну. Петръ, при своей работѣ, въ сонмѣ сотрудниковъ не досчитывался одного, роднаго сына и наслѣдника! При перекличкѣ русскихъ людей, имѣвшихъ право и обязанность непосредственно помогать преобразователю въ его дѣлѣ, царевичъ, наслѣдникъ одинъ не откликался. Когда его звали на люби-

мый отцовскій праздникъ, на спускъ корабля, Алексѣй говорилъ: „лучшебъ мнѣ на каторгѣ быть или въ лихорадкѣ лежать, чѣмъ тамъ быть“. Отецъ требуетъ отъ сына, чтобъ тотъ перемѣнилъ свою природу, сынъ считаетъ отца мучителемъ, только тогда и спокоенъ, когда находится вдали отъ отца, и вотъ въ его сердце закрадывается страшная мысль, какъ было бы хорошо, еслибъ навсегда освободиться отъ присутствія отца, какъ было бы хорошо, еслибъ отецъ умеръ. Алексѣй кается въ грѣшной мысли духовнику; духовникъ, имѣвшій сильное вліяніе на духовнаго сына, отвѣчаетъ: „Богъ проститъ: мы и всѣ того желаемъ.“ И такъ всѣ того же желаютъ, всѣ ненавидятъ отца, всѣ сочувствуютъ сыну, который становится представителемъ, любимцемъ народа именно потому, что не похожъ на отца. Зачѣмъ же послѣ того мѣняться, исполнять отцовскія требованія. Сынъ считаетъ своею обязанностію удаляться отъ дѣлъ отцовскихъ; отецъ считаетъ своею обязанностію спасти будущее Россіи, пожертвовавъ сыномъ: „Я, пишетъ къ нему Петръ, за свое отечество и за людей жизни не жалѣлъ и не жалѣю, то какъ могу тебя негоднаго пожалѣть?“ Петръ потребовалъ рѣшительно, чтобы царевичъ или перемѣнилъ свое поведеніе, или отрекся отъ престола, но простого отреченія было мало, ибо его можно было выставить невольнымъ и разрѣшить всякія клятвы, потому царевичъ долженъ былъ постричься. Алексѣй бѣжитъ за границу, отдается подъ покровительство германскаго императора, призываетъ чужого государя въ судьи между собою и отцомъ. Алексѣя возвращаютъ и по его показаніямъ вскрывается обширное дѣло, въ которомъ участвуетъ и старица Елена (постриженная царица Евдокія) и сестра Петра царевна Марья, много людей духовныхъ и свѣтскихъ, начиная съ высшихъ, вскрывается цѣлый арсеналъ суевѣрій: опять пытки, казни и опалы. Алексѣй умеръ. Тайна его смерти не открыта исторіею; но открыта тайна отцовскихъ страданій: „Страдаю, говорилъ Петръ, а все за отечество, желая ему пользы; враги дѣлаютъ мнѣ пакости демонскія; труденъ разборъ невинности моей тому, кому это дѣло неизвѣстно, Богъ видитъ правду.“

Всѣ эти черныя тучи, и преимущественно дѣло сына, разстроивали здоровье Петра, сокращали его жизнь. Но были и утѣшенія, были успѣхи даже и въ той тяжкой и повидимому безплодной борьбѣ съ закоренѣлымъ зломъ, со взяточничествомъ и казнокрадствомъ. Внушенія дѣйствовали, дѣла, на которыя прежде смотрѣли такъ легко, считали обыкновенными и позволенными, явились преступленіями. Человѣкъ, лежа на смертномъ одрѣ, терзается совѣстію, боится предстать предъ судъ Божій и посылаетъ царю просьбу простить его за злоупотребленія, которыя онъ себѣ позволилъ при рекрутскомъ наборѣ. Въ такой просьбѣ Петръ именно могъ видѣть результатъ своихъ внушеній, своего ученія. Не могли нерадовать Петра и успѣхи относительно матеріальнаго благосостоянія. Несмотря на всѣ препятствія, неопытность въ веденіи дѣла и расходъ денегъ по частнымъ карманамъ, государственные доходы увеличивались. Для устраненія злоупотребленій при переписи дворовъ введена была подушная подать, шедшая на содержаніе постояннаго войска. Крестьяне дворцовые, монастырскіе и помѣщичьи платили по 74 коп. съ души, государственные по 1,14 коп. и освобождались отъ всѣхъ прежнихъ денежныхъ и хлѣбныхъ податей и подводъ; купцы и цеховые платили по 120 коп. По расчету, сдѣланному въ 1710 году, доходы простирались до 3,134,000 рублей; но въ 1725 году ихъ было 10 186,707 рублей. Заведена была ревизія; по первой ревизіи 1722 года податнаго состоянія оказалось 5,969,313 человѣкъ, въ томъ

числѣ 172,385 купечества; городовъ въ имперіи было 340. Въ концѣ царствованія число регулярнаго войска простиралось до 210,000, въ томъ числѣ въ гвардіи 2616 человѣкъ. Флотъ состоялъ изъ 48 линейныхъ кораблей и 787 галеръ и другихъ судовъ. Несмотря на огромныя издержки по дѣламъ внутренняго преобразованія, на долговременную тяжелую войну, на новыя дипломатическія издержки, государство пробавилось своими доходами и не сдѣлало ни копѣйки долгу. Усиленіе торговли и промышленности должно было главнымъ образомъ увеличить народное благосостояніе и доходы государственные. Мы видѣли, что первымъ дѣломъ Петра было уничтожить жалобы торговыхъ и промышленныхъ людей на притѣсненія, давши имъ особое управленіе, основанное на коллегіальномъ и выборномъ началѣ, и мы видѣли, какъ съ самого начала дѣло пошло дурно по неразвитости общества, по непривычкѣ къ общему дѣйствію, такъ что Петръ долженъ былъ поручить Курбатову надзоръ надъ Московскою ратушею и уничтоженіе злоупотребленій по ея управленію. Послѣ того какъ Курбатовъ былъ переведенъ вице-губернаторомъ въ Архангельскъ, Петръ продолжалъ получать извѣстія о безпорядкахъ новаго управленія, извѣстія, что купечество въ Москвѣ и городахъ само себѣ повредило и повреждаетъ: богатые на бѣдныхъ налагаютъ несносные поборы, больше чѣмъ на себя, а иные себя и совершенно обходятъ; стремленіе избѣжать отъ платежа податей продолжалось: жили въ защитѣ и закладѣ у разныхъ людей будто бы за долги, а сами торговали, имѣли заводы; люди, имѣвшіе достаточное состояніе, помѣщались въ богадѣльняхъ, выставляя бѣдность и болѣзни. Въ это время страшнаго труда для тѣхъ, которые откликнулись на призывъ царя, въ работѣ пребывающаго, лѣнь другихъ доходила до такой степени, что нѣкоторые горожане, жившіе своими домами, собирали милостыню, а иные, сковавшись, ходили будто тюремные сидѣльцы, чтобъ собрать больше милостыни. „Чтобъ собрать эту разсѣянную храмину" купечества, по выраженію Петра, онъ учредилъ въ Петербургѣ Главный Магистратъ, имѣвшій коллегіальное устройство, и состоявшій изъ членовъ петербургскаго городоваго магистрата; президентомъ царь назначилъ князя Трубецкого, вице-президентомъ московскаго купца Исаева, переведши его изъ Риги, гдѣ онъ былъ инспекторомъ тамошняго Магистрата, ибо Петру нуженъ былъ въ Ригѣ свой русскій человѣкъ. Главный Магистратъ долженъ былъ прежде всего устроить городовые магистраты; онъ утверждалъ ихъ членовъ, избранныхъ горожанами, утверждалъ смертные приговоры, произносимые городскими магистратами, къ нему переносились и гражданскія дѣла недовольными ихъ рѣшеніемъ въ городскихъ магистратахъ. Горожане раздѣлены на три части, изъ которыхъ двѣ первыхъ носятъ названіе гильдій; гильдіи выбираютъ старшинъ, которые во всѣхъ гражданскихъ совѣтахъ должны помогать магистрату; магистраты стараются размножать мануфактуры и мастерства, лѣнивыхъ и гулякъ понуждаютъ къ работѣ, заводятъ первоначальныя школы, старыхъ и дряхлыхъ пристраиваютъ въ богадѣльни, блюдутъ за опекою сиротъ, за безопасностію городовъ отъ пожара, защищаютъ гражданъ отъ обидъ постороннихъ людей. Магистраты исполняли эту обязанность, подавали списки обидамъ въ Главный Магистратъ, тотъ препровождалъ ихъ въ Сенатъ; изъ этихъ списковъ мы видимъ, что обиды были сильныя и частыя, иногда вопіющія. Несмотря на это торговля усиливалась благодаря особенно пріобрѣтенію морскихъ береговъ; въ 1724 году къ Петербургу уже пришло 240 иностранныхъ кораблей; русскіе корабли являлись въ иностранные порты; первыми русскими корабле-хозяевами были Божениновы и Барсуковъ.

Торговлю сильно затрудняло плохое состоянiе путей сообщенiя въ бѣдной странѣ съ рѣдко разбросаннымъ на огромныхъ пространствахъ народонаселенiемъ: осенью 1722 года голландскiй резидентъ ѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ около пяти недѣль въ слѣдствiе грязи и поломанныхъ мостовъ. Въ древней Россiи рѣки служили естественными и самыми удобными путями; новая Россiя, взявшая у западной Европы искусство и знанiе, должна была немедленно употребить это искусство и знанiе на соединенiе рѣкъ каналами. Смотря постоянно на Россiю какъ на посредницу въ торговомъ отношенiи между Европою и Азiею, Петръ уже давно задумалъ соединить Каспiйское море съ Балтiйскимъ, Астрахань съ Петербургомъ; въ 1706 году соединена была рѣка Цна каналомъ съ Тверцою; кромѣ того Петръ сильно хлопоталъ о Ладожскомъ каналѣ, необходимомъ для петербургской торговли: „Нужда челобитчикъ неотступный, писалъ онъ въ Сенатъ въ 1718 году; а Ладожскiй каналъ послѣдняя главная нужда сего мѣста (т.-е. Петербурга).“ Работы шли успѣшно, благодаря знаменитому Миниху, принятому въ русскую службу; Петръ уже мечталъ, какъ поѣдетъ водою изъ Петербурга безостановочно до самой Москвы и сойдетъ здѣсь на берегъ Яузы въ Головинскомъ саду. Мы упоминали, что Петръ еще въ началѣ преобразовательной дѣятельности, видя недостатокъ капиталовъ у русскихъ людей, велѣлъ имъ соединять свои капиталы, торговать компанiями; въ Голландiи сильно обезпокоились этою мѣрою, понимая все ея значенiе для развитiя русской торговли; но голландскiй резидентъ утѣшилъ своихъ соотечественниковъ, написавши имъ, что указъ останется на бумагѣ, ибо у русскихъ нѣтъ никакой привычки къ такимъ общимъ дѣйствiямъ.

Тѣ же препятствiя, какiя существовали для торговли — недостатокъ капиталовъ, непривычка къ ихъ соединенiю, вредъ, который по безпристрастному свидѣтельству Посошкова, само купечество себѣ наносило неумѣньемъ воспользоватьбя правами полученными отъ Петра; вредъ, наносимый старинными отношенiями между вооруженнымъ сословiемъ къ невооруженному, причемъ первое считало сеся вправѣ смотрѣть на членовъ послѣдняго какъ на своихъ естественныхъ работниковъ и холопей, взяточничество, казнокрадство, плохое состоянiе путей сообщенiя и небезопасность ихъ отъ разбойниковъ — всѣ эти препятствiя, существовавшiя для торговли, существовали въ одинакой степени и для мануфактурной промышленности. Несмотря на то, дѣло было начато, ведено неутомимо и въ концѣ царствованiя Петра число фабрикъ и заводовъ въ Россiи простиралось до 233. Неумѣнье техническое и неумѣнье соединять свои капиталы, разумѣется, полагали главное препятствiе въ самомъ началѣ, почему Петръ долженъ былъ начать дѣло, учреждать казенные фабрики и заводы, но при этомъ съ самого же начала онъ сталъ хлопотать о томъ, какъ бы поскорѣе передать эти фабрики и заводы въ частныя руки, съ двоякою цѣлiю: освободить казну отъ издержекъ и побудить русскихъ людей къ мануфактурной дѣятельности, при чемъ давались начинателямъ производства значительныя денежныя ссуды, льготы и работники черезъ приписку населенныхъ имѣнiй къ фабрикѣ или заводу. Въ слѣдствiе этой-то передачи казенныхъ заводовъ въ частныя руки, при Петрѣ нѣкоторые, какъ наприм. Демидовы, прiобрѣли огромное состоянiе. Мы уже упоминали о началѣ горнозаводской промышленности при Петрѣ, о заслугахъ Винiуса; къ этому имени надобно присоединить еще два имени Геннина и Татищева. Металлическiе заводы явились не въ одной приуральской странѣ, но во многихъ другихъ мѣстностяхъ,

благодаря стараніямъ Петра, „чтобъ Божіе благословеніе подъ землею втуне не оставалось.“ Первая мысль о значеніи каменнаго угля для Россіи принадлежитъ также Петру; но при видахъ на будущее топливо, Петръ распорядился о сохраненіи стараго: ему принадлежатъ мѣры для сбереженія старыхъ лѣсовъ и для разведенія новыхъ. Вообще преобразователь обратилъ вниманіе на охраненіе и усиленіе промысловъ уже существовавшихъ въ Россіи и произведенія которыхъ составляли предметъ заграничнаго отпуска; такъ онъ распорядился усиленіемъ льнянаго и пеньковаго промысла „для всенародной пользы и для прибыли крестьянамъ;“ сюда относятся его хлопоты объ улучшеніи кожевеннаго производства; кожевенные промышленники, по нѣскольку человѣкъ отъ каждаго города, должны были ѣхать въ Москву на два года учиться лучшей выдѣлкѣ кожъ, въ отдаленныя губерніи отправлены были иностранные мастера для этого обученія. Въ 1712 велѣно было сенату завести конскіе заводы въ Казанской, Азовской и Кіевской губерніяхъ. При учрежденіи постояннаго войска Петра тяготила необходимость выписывать изъ за границы сукно для обмундированія, и потому онъ завелъ суконныя фабрики, для чего обратилъ вниманіе на улучшеніе овцеводства. Въ 1705 году Петръ писалъ: „Сукны дѣлаютъ и умножается сіе дѣло зѣло изрядно, и плодъ даетъ Богъ изрядный, изъ которыхъ и я сдѣлалъ себѣ кафтанъ къ празднику.“ Въ 1716 году послано было за границу нанимать овчаровъ и суконниковъ. Разосланы были по областямъ правила, какъ содержать овецъ по шленскому обычаю, и Петръ, для понужденія слѣдовать этимъ правиламъ указывалъ, что помѣщики, которые слѣдуютъ правиламъ, продаютъ шерсть по два рубля по 2 гривны и дороже, а тѣ, которые содержатъ овецъ по старому обычаю, продаютъ только по полтинѣ и по 20 алтынъ пудъ. Заведеніе флота требовало заведенія парусныхъ фабрикъ, и онѣ были заведены въ Москвѣ въ 1702 году. Москва вообще стала центромъ мануфактурной дѣятельности, здѣсь въ концѣ царствованія замѣчательна была полотняная фабрика Тамеса и компаніи; всѣ работники были русскіе, были русскіе мастера, и Тамесъ надѣялся, что они скоро замѣнятъ ему иностранцевъ; на фабрикѣ было 150 станковъ и приготовлялись всѣ сорта полотна, отъ грубаго до самаго тонкаго, прекрасныя, по свидѣтельству иностранцевъ, скатерти и салфетки, тикъ, канифасы, цвѣтные носовые платки. До Петра все потреблявшееся въ Россіи количество писчей бумаги привозилось изъ за границы; Петръ завелъ свои фабрики, и въ 1723 году во всѣхъ коллегіяхъ, и канцеляріяхъ уже употреблялась бумага русскаго дѣла. Мануфактурное дѣло принялось, и въ числѣ именъ главныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ Петровскаго времени мы встрѣчаемъ почти все русскія имена.

Вводились новыя отрасли дѣятельности, а Россія страдала старымъ недостаткомъ, отстраненіе котораго не было въ средствахъ Преобразователя, недостаткомъ рабочихъ рукъ, да еще привычками, сильными одинаково вверху и внизу и заставлявшими однихъ предпочитать труду легкое наживанье денегъ грабежемъ казны, а другихъ сковываться и ходить въ видѣ колодниковъ, лишь бы только не работать, привычками, которыя для своего оправданія вводили въ народъ гнусную, развращающую пословицу: „Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ.“ Недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, экономическая неразвитость заставили древнюю Россію прикрѣпить крестьянъ къ землѣ. Переворотъ, извѣстный подъ именемъ петровыхъ преобразованій, былъ именно тотъ переворотъ, котораго не-

обходимымъ слѣдствіемъ долженствовало быть освобожденіе села чрезъ поднятіе города. Экономическое развитіе, просвѣщеніе и жизнь въ средѣ цивилизованныхъ народовъ—вотъ средства, которыя были даны преобразователемъ для постепеннаго уврачеванія старыхъ золъ русской земли, а въ томъ числѣ и зла крѣпостнаго состоянія, постепеннаго уврачеванія, и потому безсмысленно было бы требовать, чтобъ то, что долженствовало быть только отдаленнымъ слѣдствіемъ извѣстной дѣятельности, появилось въ самомъ началѣ этой дѣятельности. Видѣвшимъ конецъ дѣла предстоитъ обязанность почтить память начавшаго, положившаго основаніе. Всякій, кто внимательно вглядится въ состояніе Россіи при Петрѣ, посмѣется болѣе, чѣмъ дѣтской мысли, что Петръ могъ освободить крестьянъ; но Петръ не могъ равнодушно смотрѣть на злоупотребленія, которыя отягчали земледѣльческій трудъ. Средствъ къ облегченію участи крестьянъ Петръ искалъ и въ улучшеніи экономическаго быта землевладѣльцевъ, въ отнятіи у нихъ побужденій къ угнетенію крестьянъ. Такъ, учреждая майоратъ, онъ объяснялъ цѣль учрежденія: „Раздѣленіемъ недвижимыхъ имѣній наносится большой вредъ интересамъ государственнымъ и паденіе самимъ фамиліямъ: если кто имѣлъ 1000 дворовъ и пять сыновей, то жилъ въ изобиліи; когда же по смерти его дѣти раздѣлились, то имъ досталось только по 200 дворовъ, но такъ какъ они не желаютъ жить хуже прежняго, то съ бѣдныхъ крестьянъ будетъ пять столовъ, а не одинъ: такимъ образомъ отъ этого раздѣленія казнѣ государственной вредъ, а крестьянамъ разореніе.“ Въ 1719 году былъ изданъ указъ, смотрѣть чтобъ помѣщики не разоряли крестьянъ своихъ, разорителей отрѣшать отъ управленія имѣніями, которыя отдаются въ управленіе родственникамъ. Петръ не любилъ, чтобъ указы оставались только на бумагѣ: въ 1721 году одинъ помѣщикъ былъ сосланъ на 10 лѣтъ на каторгу, за то что прибилъ человѣка своего, и тотъ отъ побоевъ умеръ. Въ 1721 году указъ, запрещавшій розничную продажу крестьянъ и дворовыхъ, дѣтей отъ родителей; такой продажи, говоритъ указъ, во всемъ свѣтѣ не водится, и этими словами указываетъ уже на могущественное средство общественныхъ улучшеній: народъ, живущій общею жизнію съ другими образованными народами, не можетъ допускать у себя такихъ явленій, которыя эти народы признаютъ безнравственными. Слабоумныхъ помѣщиковъ, негодныхъ ни въ науку, ни въ службу, могущихъ только мучить своихъ крестьянъ, велѣно, по освидѣтельствованіи въ сенатѣ, отстранять отъ управленія имѣніями и не позволять имъ жениться. Запрещено прикрѣпленіе половниковъ на сѣверѣ. По свидѣтельству крестьянина Посошкова крестьяне больше всего терпѣли отъ пожаровъ вслѣдствіе тѣсноты жилищъ и отъ разбойниковъ въ слѣдствіе неразвитости общественной жизни, непривычки къ общему дѣлу, доказательство, что нигдѣ, ни на верху, ни внизу отъ древней Россіи не осталось признаковъ силы того, что нѣкоторымъ угодно называть общиннымъ бытомъ: въ иной деревнѣ, говоритъ Посошковъ, много дворовъ, разбойниковъ придетъ немного къ крестьянину, станутъ его мучить, жечь, пожитки его на возы класть, сосѣди всѣ слышатъ и видятъ, но изъ дворовъ своихъ не выйдутъ и сосѣда отъ разбойниковъ не выручаютъ.

По мнѣнію Посошкова, вредно для крестьянъ было еще то, что у нихъ грамотныхъ людей не было; по его мнѣнію, не худо бы было крестьянъ и поневолить, чтобъ дѣтей своихъ учили грамотѣ. Но сенатъ принужденъ былъ отказаться неволить къ этому и горожанъ, потому что дѣти ихъ въ эти годы начинаютъ заниматься торгов-

лею, и отъ приневоливанія къ ученію можетъ быть ущербъ податямъ. Много было воплей и укрывательствъ и со стороны дворянъ, но Петръ настоялъ на обязательности образованія для нихъ: дворянинъ неграмотный и неизучившій ариѳметику и геометрію объявленъ былъ несовершеннолѣтнимъ и потому не имѣлъ права жениться. Ученики, кончившіе курсъ въ московскихъ школахъ, посылались учителями въ области. Отсылка молодыхъ людей за границу для науки продолжалась безостановочно. Спеціальныя школы продолжали возникать въ слѣдствіе сознанія той или другой потребности. Въ началѣ 1724 года изданъ былъ указъ объ основаніи Академіи. По плану Петра это учрежденіе должно было соотвѣтствовать тогдашнему состоянію образованія въ Россіи, должно было заключать въ себѣ Академію Наукъ и университетъ, педагогическій институтъ и гимназію. Та же Академія должна была заниматься и переводомъ книгъ. Мы уже видѣли, какъ это дѣло было важно и какъ оно занимало Петра; до самой кончины своей онъ продолжаетъ обращать на него свое вниманіе, указывать на книги, которыя должно было переводить и учить какъ переводить. Мы видѣли какъ онъ училъ не переводить слово въ слово, что искажало складъ русской рѣчи и затемняло смыслъ, но, уразумѣвши этотъ смыслъ, передавать его читателю на понятномъ для него разговорномъ языкѣ. Теперь онъ учитъ переводчиковъ не переводить книги во всей полнотѣ, но передѣлывать, сокращать, отбрасывая ненужное „понеже, писалъ Петръ, Нѣмцы обыкли многими разказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобъ велики казались, чего ради и о хлѣбопашествѣ трактатъ выправить, вычерня негодное и для примѣру посылаю, дабы по сему книги переложены были безъ лишнихъ разказовъ, которые время только тратятъ и у чтущихъ охоту отъемлютъ.“ Но познаній о Россіи нельзя было взять изъ иностранныхъ книгъ и перевесть. Мы видѣли, что Петръ поручилъ Поликарпову написать краткую русскую исторію; но дѣло было крайне трудное при отсутствіи всякаго приготовленія къ нему; понятно, что Петръ остался недоволенъ трудомъ Поликарпова, и рѣшился начать сначала, т.-е. приготовлять матеріалы: онъ приказалъ изо всѣхъ епархій и монастырей взять въ Москву всѣ рукописи, заключающія въ себѣ историческіе источники, списать ихъ, а подлинники отослать въ прежнія мѣста, откуда взяты. Точно также нельзя было заимствовать у иностранцевъ и свѣдѣній о русской географіи: Петръ отправилъ учениковъ петербургскихъ школъ для сочиненія ландкартъ и два раза отправлялъ экспедиціи для рѣшенія вопроса, сошлась ли Америка съ Азіею. Петръ же началъ собираніе естественныхъ предметовъ, рѣдкостей и древностей.

Врагъ всякой роскоши, обращая вниманіе только на одно полезное и необходимое, Петръ не считалъ роскошью искусство, не жалѣлъ издержекъ на покупку произведеній искусства и на вызовъ иностранныхъ художниковъ. Въ Петербургѣ „для общенародной во всякихъ художествахъ пользы, по обычаю государствъ европейскихъ, учреждена была небольшая академія для правильнаго обученія иконному, живописному и прочимъ художествамъ.“

Академія Наукъ, на обязанности которой, между прочимъ, лежалъ и переводъ необходимыхъ книгъ, была еще только въ проектѣ, и Петръ за переводомъ книгъ обращался къ духовенству. Мы видѣли мѣры Петра относительно чернаго духовенства; съ 1711 года начинаются заботы относительно бѣлаго. Здѣсь кромѣ поднятія нравственности нужно было позаботиться и о матеріальномъ благосостояніи людей, обязанныхъ имѣть семейство. Тогда какъ Россія страдала сильнымъ не-

достаткомъ въ людяхъ, въ бѣломъ духовенствѣ было больше людей чѣмъ дѣла, вознагражденіе за дѣло по этому дѣлилось между слишкомъ многими, отъ чего происходила бѣдность со всѣми ея печальными послѣдствіями для человѣка, обязаннаго кормить семейство. Это излишество людей въ бѣломъ духовенствѣ поддерживалось также господствовавшимъ въ древней Россіи стремленіемъ жить особнякомъ; каждый сколько-нибудь достаточный человѣкъ хотѣлъ имѣть свою церковь, и это желаніе нельзя объяснять однимъ благочестіемъ, потому что былъ обычай и въ общія приходскія церкви приносить свои образа и передъ ними только молиться; желаніе каждаго сколько-нибудь достаточнаго человѣка имѣть свою церковь объяснялось еще затворничествомъ женщинъ, которымъ было неловко ходить въ общія церкви, и потому, не имѣя домовыхъ церквей, онѣ ходили въ церковь рѣдко или и вовсе не ходили. Обиліе частныхъ церквей обѣдняло приходское духовенство; притомъ не всѣ имѣвшіе свои церкви были въ состояніи прилично содержать при нихъ священника и прибѣгали къ найму священниковъ на площадяхъ (крестцахъ), что представляло соблазнительное зрѣлище. Новоучрежденный сенатъ въ соединеніи съ церковнымъ соборомъ придумали мѣры для поднятія нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія бѣлаго духовенства: не ставить въ дьяконы моложе 25, въ священники моложе 30 лѣтъ; не посвящать лишнихъ; не вѣрить тѣмъ, которые придутъ проситься на мѣсто подъ предлогомъ, что священникъ, его занимающій, боленъ или старъ; въ бѣдные приходы дьяконовъ не посвящать; заручныя челобитныя осторожно разсматривать, не ложныя ли; поповскіе старосты должны были допрашивать крестьянъ, хотятъ ли они имѣть просителя своимъ священникомъ или дьяконамъ. Въ 1718 году было постановлено, чтобъ священники своихъ домовъ не имѣли, ибо отягощались ихъ покупкою; жили бы въ домахъ, купленныхъ на сборныя церковныя деньги, для чего быть у всякой церкви старостамъ, которые сдаютъ дома священникамъ и вновь строятъ на церковныя деньги. Послѣ эта мѣра была распространена на дьяконовъ и причетниковъ. Запретили строить новыя церкви безъ указа; запрещено имѣть домовыя церкви, а кто хочетъ имѣть, долженъ содержать священника и кромѣ того долженъ давать равное содержаніе и приходскому духовенству. Послѣднія мѣры были положены уже при новомъ церковномъ управленіи: въ 1721 году Петръ объявилъ, что, воспріявъ попеченіе о исправленіи чина духовнаго, не видитъ лучшаго къ тому способа кромѣ соборнаго правительства, въ слѣдствіе чего и учреждалась духовная коллегія (Сѵнодъ), вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдываніе церковныхъ имѣній взято было изъ свѣтскихъ рукъ въ монастырскомъ приказѣ и отдано Сѵноду. Сенатъ и Сѵнодъ не рѣдко собирались вмѣстѣ для совѣщаній; иногда при этихъ общихъ засѣданіяхъ присутствовалъ и государь. Въ одномъ изъ этихъ засѣданій было постановлено: родителей жениха и невѣсты приводить къ присягѣ, что бракъ заключается по согласію ихъ дѣтей. Тутъ же поставленъ былъ вопросъ о мѣрахъ, какія должно было принять противъ притѣсненія православныхъ въ польскихъ областяхъ, и Петръ отвѣчалъ, что надобно сдѣлать уже извѣстное намъ распоряженіе, послать коммиссара. Главными обязанностями новоучрежденнаго Сѵнода были: устройство духовенства, преимущественно чернаго, противодѣйствіе расколу, преслѣдованіе суевѣрій и распространеніе религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ народѣ. Послѣ долгихъ думъ относительно монашества, Петръ опредѣлилъ для него двѣ цѣли: 1) служеніе страждущему человѣче-

ству; 2) образованіе изъ себя просвѣщенныхъ властей церковныхъ; мужскіе монастыри становятся инвалидными домами; монахини также должны служить престарѣлымъ и больнымъ своего пола, кромѣ того заниматься воспитаніемъ сиротъ, для какой цѣли отдѣляется нѣсколько монастырей, въ другихъ монахини занимаются рукодѣліемъ, а монахи хлѣбопашествомъ.

Нѣчто подобное ходу преобразованій въ высшемъ церковномъ управленіи мы видимъ въ ходѣ преобразованій относительно Малороссіи. Эта страна, съ переворота, произведеннаго въ ней Богданомъ Хмельницкимъ, находилась въ долгомъ междоумочномъ, переходномъ состояніи, условливавшемъ, какъ обыкновенно бываетъ, сильныя смуты. Не могши быть самостоятельною, она хотѣла поддержать свою полусамостоятельность; но эти полусостоянія, ни то, ни сё, приводятъ всегда къ печальнымъ явленіямъ. Малороссія представляла хаосъ, борьбу элементовъ (discordia semina rerum): гетманъ, ставши изъ войсковыхъ, козацкихъ начальниковъ правителемъ цѣлой страны, стремился къ усиленію своей власти; старшина и полковники хотѣли быть также полновластными господами, жаловать и казнить кого хотятъ, стремились стать богатыми землевладѣльцами и земли свои населить крѣпостными крестьянами, въ которыхъ обращали вольныхъ козаковъ; послѣдніе волновались, особенно подущаемые изъ Запорожья; города жаловались на притѣсненія полковниковъ. Всѣ были недовольны, всѣ слали жалобы, доносили другъ на друга въ Москву, а когда государь, внявъ этимъ жалобамъ, предпринималъ какія-нибудь мѣры, то поднимались опять вопли, зачѣмъ Москва вмѣшивается? Особенно вопли усиливались, когда Москва поднимала вопросъ о финансахъ малороссійскихъ, ибо всѣ сильные люди въ Малороссіи хотѣли доходы страны брать себѣ, не давая ничего государству, которое такимъ образомъ получало только обязанность тратиться людьми и деньгами на защиту Малороссіи. Всѣ были недовольны и дѣйствительно имѣли причины на то, но не умѣли сознать, что эти причины были внутри, во внутреннемъ хаосѣ, въ кулачномъ правѣ, искали улучшенія во внѣшнихъ условіяхъ; поддавшись русскому государю, бросались то къ Полякамъ, то къ Туркамъ; это колебаніе, *шатость*, междуумочность вредно дѣйствовали на характеръ народонаселенія, особенно высшихъ слоевъ. Послѣ Богд. Хмельницкаго не было гетмана, который бы не измѣнилъ или не былъ обвиненъ въ измѣнѣ своими же: интригамъ, доносамъ не было конца. Гетманъ Мазепа, облеченный полною довѣренностію Петра, измѣнилъ ему въ самую рѣшительную, тяжую минуту. Сносить далѣе такое положеніе дѣлъ было невозможно для государства, потому что смута продолжалась, злоупотребленія знатныхъ относительно массы народонаселенія становились все сильнѣе, а Петръ зналъ, что эта масса не измѣнила ему при измѣнѣ Мазепы, и потому считалъ своею обязанностію поддерживать, защищать эту массу отъ насилій старшины, привыкшей къ шатости. По смерти гетмана Скоропадскаго, Петръ остановилъ выборы новаго гетмана, объявилъ, что незнаетъ надежнаго человѣка, и ввелъ свое любимое коллегіальное управленіе; члены-коллегіи на половину были Малороссіяне и наполовину Великороссіяне.

И послѣ Ништадтскаго мира Петръ не могъ посвятить всего своего времени внутреннимъ преобразованіямъ. Дѣятельность Петра была чужда односторонности. Ведя упорную борьбу на западѣ, изучая западъ для внутренихъ преобразованій, Петръ не спускалъ глазъ съ Востока, понимая ясно близкія отношенія его къ

Россіи, понимая тѣ средства, которыя долженъ доставить Россіи Востокъ въ ея новой жизни, при томъ экономическомъ переворотѣ, который онъ совершалъ. Еще до окончанія сѣверной войны онъ получилъ непріятное извѣстіе, что чрезвычайно важное для русской торговли и по турецкимъ отношеніямъ азіатское государство, Персія, разлагается отъ внутренней слабости, и хищные сосѣди уже дѣлятъ добычу. Немедленно послѣ Ништадтскаго мира Петръ предпринимаетъ походъ къ Каспійскому морю, чтобъ предупредить Турокъ и не дать имъ утвердиться на западномъ берегу этого моря, связь котораго съ Балтійскимъ моремъ Петръ ясно понималъ. Походъ Петра и дальнѣйшія дѣйствія русскихъ отрядовъ достигли цѣли: договоромъ съ Персіею, заключеннымъ въ Петербургѣ въ 1723 году, Россія получила западный берегъ Каспійскаго моря. Это былъ послѣдній подвигъ.

Мы видѣли, въ какомъ настроеніи духа сотрудники Петра послѣ Ништадтскаго мира поднесли ему титулъ Императора, Великаго и Отца Отечества; они считали себя людьми новыми, воззванными отъ небытія къ бытію, причтенными въ сонмъ образованныхъ народовъ и причтенными съ честію и славою. Понятно, въ какомъ настроеніи духа чрезъ три года съ чѣмъ-нибудь они увидали Петра въ гробѣ и услыхали знаменитыя слова Ѳеофана Прокоповича: „Что се есть? до чего мы дожили, о Россіяне! что видимъ? что дѣлаемъ? Петра В. погребаемъ!“ Проповѣдь была краткая, но продолжалась около часа, потому что прерывалась плачемъ и воплемъ слушателей, особенно послѣ первыхъ словъ. Въ утѣшеніе ораторъ рѣшился сказать: „Не весьма же, Россіяне! изнемогаемъ отъ печали и жалости: не весьма бо и оставилъ насъ сей великій монархъ и отецъ нашъ. Оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ; безмѣрное богатство силы и славы его, которое его дѣлами означилось, при насъ есть. Оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ.“

Да исполнится пророчество; да не оставитъ насъ духъ Петра В. Результаты дѣятельности великихъ людей, богатство силы и славы утрачиваются когда въ народѣ перестаетъ жить духъ этихъ великихъ людей. Учрежденія Петра могли и должны были измѣниться, но перемѣна могла произойдти къ добру только при условіи присутствія его духа. То нетлѣнное наслѣдство, которое оставилъ онъ намъ, есть примѣръ небывалаго въ исторіи труда, силы воли въ борьбѣ съ препятствіями, въ борьбѣ со зломъ, примѣръ любви къ своему народу, примѣръ непоколебимой вѣры въ свой народъ, въ его способности, въ его значеніе, примѣръ преодолѣнія искушеній сдѣлать что-нибудь скорѣе и успѣшнѣе съ чужой помощію, безъ труда приготовленія къ дѣлу своихъ; примѣръ искусства словомъ и дѣломъ, книгами, законами и учрежденіями, духомъ этихъ учрежденій воспитывать народъ свой, поднимать его на ноги; примѣръ заимствованія чужого въ благо и въ плодъ своему, ибо заимствованіе чужого было чуждо приниженія народнаго духа предъ чужимъ; примѣръ вѣрнаго взгляда, вѣрнаго чувства, по которому Петръ указалъ намъ естественныхъ союзниковъ въ народахъ соплеменныхъ; примѣръ страсти къ знанію и преданности вѣрѣ, что обѣщаетъ народамъ долголѣтіе, какъ написано на скрижаляхъ исторіи.

Отпразднуемъ нашъ праздникъ достойнымъ образомъ, сознаніемъ и укрѣпленіемъ въ себѣ духа Петрова. Да не будетъ нашъ праздникъ чѣмъ-то внѣшнимъ,

формальнымъ, да не навлечемъ на себя евангельскаго обличенія, обращеннаго къ людямъ, которые строили гробы пророческіе и красили раки праведныхъ. Да не будетъ праздникъ нашъ только воспоминаніемъ прошедшаго; вспомнивъ, будемъ исполнять завѣщаніе Петра: „И впредь надлежитъ трудиться и все заранѣе изготовлять, понеже пропущеніе времени смерти невозвратной подобно.“ Правило: вѣкъ живи—вѣкъ учись справедливо не въ отношеніи только къ одному человѣку, но и въ отношеніи къ цѣлымъ народамъ. Да проходитъ же народъ нашъ школу жизни какъ Петръ Великій проходилъ свою многотрудную школу, и народъ нашъ долголѣтенъ будетъ на землѣ.

РѢЧЬ С. М. СОЛОВЬЕВА,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА 30 МАЯ 1872 ГОДА.

Мы видѣли Политехническую выставку; мы видѣли разнообразные результаты человѣческаго труда, человѣческаго творчества, видѣли средства которыми человѣкъ исполняетъ Божіе повелѣніе, средства, которыми онъ обладаетъ землею. Посреди зданій, наполненныхъ произведеніями человѣческаго труда, искусства, знанія, мы видѣли зданіе, наполненное памятью о трудѣ одного человѣка. Съ мыслію о трудѣ ученомъ, промышленномъ, о трудѣ клонящемся къ поднятію общественнаго благосостоянія, для Русскаго человѣка необходимо соединяется мысль объ одномъ человѣкѣ: этотъ человѣкъ Петръ Великій. Еслибы мы были язычники, то Петръ сталъ бы для насъ божествомъ — покровителемъ труда. Мы христіане, мы не можемъ дѣлать изъ человѣка божество, мы видимъ и въ великихъ людяхъ существа слабыя, несовершенныя: но чрезъ это мы не освобождаемся отъ обязанности чтить въ нихъ орудія Промысла, изучать ихъ дѣятельность для уясненія себѣ путей нашей исторической жизни, изученіемъ прошедшаго уяснять себѣ наше настоящее, уяснять себѣ наши обязанности къ настоящему. Трудъ великаго человѣка тѣмъ болѣе имѣетъ значенія въ исторіи, чѣмъ непосредственнѣе, ближе относится къ труду цѣлаго народа, извѣстной семьи народовъ, цѣлаго человѣчества: какое же отношеніе имѣетъ трудъ Петра къ труду Русскаго народа, какое значеніе имѣетъ онъ въ исторіи человѣчества?

Съ дѣятельностію Петра мы привыкли соединять понятіе о преобразованіи; одни современники говорили, что мы, благодаря дѣятельности Петра, стали народомъ новымъ, что мы были вызваны ею изъ небытія въ бытіе; другіе современники враждебно относились къ этой дѣятельности за ея новость, отрицая всякую перемѣну какъ грѣховную: „Предано отцами, — лежи во вѣки вѣковъ неподвижно;“ не хотимъ ничего новаго, чужого, грѣховнаго! Тутъ дѣло рѣшалось исключительно на основаніи чувства. Съ самаго же начала были однако люди, которые неблагосклонно отзывались о дѣятельности Петра, но выставляли другія основанія своихъ пререканій: то были иностранцы образованные, умственно развитые; они въ своихъ пререканіяхъ побуждались также чувствомъ, чувствомъ вражды къ Россіи, но старались прикрыть чувство соображеніями ума: дѣятельность Петра объявили они безплодною для его народа, потому что народъ не былъ къ ней приготовленъ, ей не сочувствуетъ, новыя формы жизни наданы насильственно, по произволу одного человѣка, и дѣло насилія погибнетъ съ человѣкомъ силы. Петръ умеръ, а дѣло осталось; власть изъ рукъ сильныхъ переходила въ руки слабыя, а дѣло шло впередъ. Досадно; но все же нечего отчаяваться: случайныя обстоятельства благопріятствовали тому, что дѣло еще остается; стоитъ только отстра-

нить эти случайныя обстоятельства, и дѣло рушится, народъ русскій отшатнется отъ Европы, уйдетъ къ Азіи и погрузится въ прежнее варварство. Случайныя обстоятельства отстранились, но дѣло все осталось. Тогда западные мудрецы уже перестали толковать о случайныхъ обстоятельствахъ, взглянули на дѣло глубже, не покидая однако своей точки зрѣнія. Дѣло остается, но какое это дѣло, какая это цивилизація, которую далъ Россіи Петръ? Это цивилизація гнилая, поверхностная, она вредитъ только народу, къ ней неспособному, растлѣваетъ его; новая Россія, созданная Петромъ — это плодъ, одна половина котораго представляетъ красивый, свѣжій видъ, а другая уже гніетъ. А въ какомъ отношеніи къ западной Европѣ, къ европейской цивилизаціи находится дѣло Петра, по мнѣнію западныхъ мудрецовъ? То же страшно вредно для нихъ. Петръ посредствомъ цивилизаціи создалъ изъ варварскаго народа, оставшагося внутренно варварскимъ, грозную, разрушительную силу для Европы и ея цивилизаціи. Выдумано было даже и завѣщаніе Петра въ этомъ смыслѣ. Но намъ отъ Петра осталось другое, невыдуманное завѣщаніе: онъ завѣщалъ намъ науку и трудъ; онъ завѣщалъ намъ тяжелый и долгій трудъ изучить свой народъ въ его исторіи, познать въ ней самихъ себя. Западные мудрецы толковали вкось и вкривь о Петрѣ, объ отношеніяхъ его дѣятельности къ русскому народу, не зная исторіи этого народа; оставимъ имъ и оставимъ ихъ, не вѣдали бо что творили; исполнимъ свою обязанность, допросимся у своего народа, у его исторіи, въ какомъ отношеніи къ нему находится дѣятельность Петра Великаго.

Каковы бы ни были толки о дѣятельности Петра, эта дѣятельность рѣзко дѣлитъ нашу исторію на двѣ половины. Въ жизни всѣхъ народовъ развивающихся, историческихъ, мы встрѣчаемъ перевороты, сильныя движенія, производящія большія или меньшія измѣненія въ этой жизни; но нигдѣ не встрѣчаемъ мы, чтобы при подобныхъ переворотахъ на долю одного человѣка выпадалъ такой трудъ, такая громадная и всесторонняя дѣятельность, какая въ самую важную эпоху нашей исторической жизни принадлежитъ Петру; это однако не должно вводить насъ въ заблужденіе, что такая сильная дѣятельность одного человѣка могла идти въ разладъ съ народною жизнью, съ ея потребностями. Наука запрещаетъ намъ такъ презрительно относиться къ народамъ, давать въ ихъ исторіи такое мѣсто произволу одного человѣка. Наука велитъ намъ смотрѣть на каждое явленіе въ народной жизни какъ на необходимое слѣдствіе всего предшествовавшаго развитія, велитъ намъ смотрѣть такимъ образомъ и на дѣятельность людей, которыхъ мы называемъ великими; они дѣти своего народа, они плоть отъ плоти его и кость отъ костей его, ихъ дѣятельность служитъ удовлетвореніемъ извѣстной потребности народа, причемъ они пользуются содѣйствіемъ, сотрудничествомъ лучшихъ силъ народа. Великій человѣкъ не можетъ дѣлать ничего противъ народа, противъ его прошедшаго, не можетъ сдѣлать ничего не по мѣрѣ силъ и потребностей народныхъ; если увлечется, какъ человѣкъ, сдѣлаетъ иначе, погибнетъ дѣло его; если перейдетъ мѣру силъ народныхъ — дѣло въ это время не устоитъ, или отстранится, или подвергнется ограниченіямъ, но если оно согласно съ дальнѣйшимъ развитіемъ народа и съ его пользой, то служитъ примѣромъ для будущаго и неисполненныя предначертанія великаго человѣка служатъ программою для потомства. Великій человѣкъ не можетъ ничего сдѣлать безъ своего народа; онъ даетъ трудъ, а народъ даетъ капиталъ, накопленный вѣковымъ развитіемъ средствъ, и изъ этого

соединенія труда съ капиталомъ идетъ усиленное производство исторической жизни. Дѣятельность великаго человѣка немыслима безъ дѣятельности народа, безъ всего прошлаго этой дѣятельности; народъ въ великомъ человѣкѣ находитъ своего полнаго представителя; только великіе народы могутъ имѣть великихъ людей; народы любятъ ставить памятники своимъ великимъ людямъ; но дѣло великаго человѣка есть памятникъ, воздвигнутый имъ своему народу, вѣчный, нерукотворный памятникъ въ исторіи человѣчества.

Такимъ образомъ, когда мы хотимъ говорить о дѣятельности великаго человѣка, мы прежде всего ставимъ вопросы: въ какое время народной жизни явился великій человѣкъ? въ чемъ въ это время нуждался народъ, чего искалъ, для какого движенія, по какому новому пути ждалъ себѣ вождя? и въ какой степени и какими средствами человѣкъ, ставшій этимъ вождемъ, удовлетворилъ народнымъ потребностямъ?

На границѣ между XVII и XVIII вѣками нашей эры русскій народъ совершалъ переходъ, неизбѣжный въ исторіи каждаго историческаго, развивающагося народа, переходъ изъ возраста гдѣ преобладаетъ чувство, въ возрастъ гдѣ преобладаетъ мысль, тотъ переходъ, который въ жизни отдѣльнаго человѣка въ обществѣ образованномъ, знаменуется усиленнымъ умственнымъ образованіемъ и вступленіемъ въ общественную жизнь, въ общественное служеніе. Пути для этого перехода для всѣхъ народовъ одинаковые, общіе: сильное движеніе, отдаленныя предпріятія, расширяющія умственный горизонтъ, сближеніе съ другими болѣе образованными народами, заимствованіе у нихъ наукъ, искусствъ или знакомство съ произведеніями духа древнихъ, отжившихъ образованныхъ народовъ. Такъ совершили этотъ переходъ народы западной Европы на границѣ такъ-называемой средней и новой исторіи, въ XV и XVI вѣкахъ; одновременно съ ними начало въ томъ же направленіи совершаться движеніе и на Востокѣ Европы, въ нашей Россіи. Къ этому времени она оканчивала свою черную работу, тяжелую борьбу съ азіатскими варварами побѣдою надъ ними, земля собралась, государство окрѣпло, и немедленно Россія обращается отъ Востока на Западъ съ цѣлію войти въ общую жизнь европейскихъ народовъ, воспользоваться ея плодами, пріобрѣсти морскія пристанища на берегу сѣвернаго средиземнаго, нѣмецко-Балтійскаго моря, около котораго сосредоточивалась сильная торговля и промышленная дѣятельность. Съ Іоанна IV, завоевателя Казани и Астрахани, вышедшаго слѣдовательно побѣдителемъ изъ борьбы съ татарскимъ Востокомъ, начинается явственный поворотъ къ Западу, стремленіе овладѣть берегами Балтійскаго моря. Но неблагопріятныя условія отдалили достиженіе цѣли на полтораста лѣтъ и произвели то, что Россія совершила свой переходъ изъ одного возраста народной жизни въ другой гораздо уже позднѣе, чѣмъ западно-европейскіе народы. Но эти неблагопріятныя условія нисколько не потемнили сознанія русскихъ людей о необходимости выйти на новую дорогу, напротивъ усиливали желаніе выхода, ибо они всего яснѣе показывали невозможность оставаться при старомъ. Побѣдитель Востока, покоритель Казани, Іоаннъ IV былъ побѣжденъ на Западѣ, когда обратился туда, ища моря. Съ тѣхъ поръ война на Западѣ грозила неминуемою неудачей, вслѣдствіе неискусства русскихъ въ дѣлѣ ратномъ. Но съ этимъ вопросомъ о войскѣ, то-есть о внѣшней безопасности Россіи, о ея мѣстѣ въ кругу другихъ державъ, о ея чести, силѣ, вліяніи, съ этимъ вопросомъ о войскѣ въ странѣ обширной, континентальной, окруженной вра-

гами и незащищенной природою, слѣдовательно требующей искусства для защиты, съ этимъ вопросомъ находился въ тѣсной связи вопросъ о средствахъ содержанія войска, ибо обширная страна была крайне бѣдна, бѣдна народонаселеніемъ, бѣдна промышленнымъ трудомъ, скудна доходами; государство не могло содержать войска, которое падало непосредственною тяжестію на остальное народонаселеніе и давило его: для содержанія войска закрѣпили крестьянина и заставили горожанина кормить воеводу; жертвовали всѣмъ, а пользы было мало. Государству нужно было во что бы то ни стало улучшить свои финансы; но какъ это сдѣлать? Разумѣется, какъ это обыкновенно дѣлается, по общему закону, какъ это сдѣлалось у другихъ народовъ. У другихъ народовъ это сдѣлалось посредствомъ промышленнаго и торговаго труда, вслѣдствіе освобожденія государства отъ односторонности земледѣльческаго характера, ибо односторонность губитъ и ведетъ къ застою, исключительное земледѣліе условливаетъ бѣдность и свою собственную неразвитость; земледѣліе усиливается, процвѣтаетъ при условіи другихъ промысловъ; городъ, поднимаясь, богатѣя, поднимаетъ, богатитъ село, освобождаетъ его; а промысламъ, торговлѣ всего больше помогаетъ море: поморскія государства самыя богатыя государства: Англичанинъ, Голландецъ, Нѣмецъ ганзейскій являлся для Русскихъ XVII вѣка человѣкомъ богатымъ и ловкимъ, умѣющимъ вести дѣла, умѣющимъ наживаться, умѣющимъ заставить другихъ служить своимъ интересамъ, онъ вынуждалъ у русскихъ людей тяжелое сознаніе, что имъ съ нимъ не стянуть. Отсюда море, какъ источникъ богатства, какъ средство выхода изъ настоящаго печальнаго положенія, море стало завѣтною мыслію русскихъ людей XVII вѣка. Но тутъ заколдованный кругъ: чтобы добыть море, нужно большое, искусное войско; искусства воинскаго нѣтъ, денегъ для содержанія войска нѣтъ, для пріобрѣтенія образованія, искусства, денегъ, нужно море. Внутри затрогиваются высшіе интересы нравственные: нельзя исправить церковной книги для напечатанія, чтобы не вскрылись печальныя слѣдствія невѣжества, чтобы не раздались вопли о послѣднихъ временахъ, объ антихристѣ; съ другой стороны, русскіе люди рвутся въ Кіевъ и Польшу, въ тамошнія школы, возвратясь оттуда смѣются надъ невѣжествомъ своихъ отцовъ духовныхъ, толкуютъ о вѣрѣ; дóма и на улицахъ, мущины и женщины спорятъ о времени пресуществленія, упрекаютъ другъ друга въ хлѣбопоклонной ереси, а подъ шумокъ идетъ католическая пропаганда. Одинъ способъ вывести церковь изъ этихъ смутъ и опасностей: просвѣщеніе, школы; но гдѣ средства, но гдѣ люди? А между тѣмъ Польша уже разлагается, а въ Польшѣ столько русскихъ людей: кто соберетъ ихъ и кто отгонитъ хищниковъ? И Турція впервые терпитъ тяжкіе удары отъ державъ европейскихъ, и она впервые должна уступить свои земли; а въ Турціи столько Славянъ, столько христіанъ восточнаго исповѣданія, они требуютъ помощи у соплеменниковъ и единовѣрцевъ, они говорятъ, что имъ лучше оставаться подъ владычествомъ Турокъ, чѣмъ католиковъ. Столько важныхъ вопросовъ, въ рѣшеніи которыхъ Россія необходимо должна принять участіе, а Россія съ отчаяніемъ бьется въ заколдованномъ кругу, сама требуетъ великой помощи; царь Алексѣй Михайловичъ проситъ у герцога Курляндскаго позволенія строить русскіе корабли въ его поморскихъ мѣстахъ: что лучше выразитъ тогдашнее положеніе Россіи? Въ такія времена великимъ народамъ, имѣющимъ жить и дѣлать въ человѣчествѣ, посылаются на помощь великіе люди, и Россіи былъ посланъ Петръ Великій.

Необходимость движенія, перехода изъ одной обстановки жизни въ другую,

изъ одного возраста въ другой, необходимость вступленія въ общую жизнь образованныхъ народовъ и необходимость пріобрѣтенія образованія для этого были сознаны; но какъ это сдѣлать? Какъ пойти въ ученье къ другимъ народамъ, не подчинившись учителямъ, сохранивъ свое народное достоинство, не принизивъ своей народности предъ народностями чуждыми? Какъ, съ сознаніемъ своего невѣжества, своей неумѣлости, явиться въ общество народовъ превосходящихъ знаніемъ и искусствомъ и потребовать вдругъ почетнаго мѣста между ними? Какъ вдругъ пріобрѣсти возможность сдѣлать подобное требованіе, вдругъ пріобрѣсти право на почетное мѣсто? Его даромъ не дадутъ, надобно взять силою, а сила здѣсь есть искусство и знаніе? Не пріобрѣвши почетнаго мѣста между народами, нечего входить съ ними и въ общую жизнь, ибо тогда будутъ одни унизительныя отношенія учениковъ къ учителямъ, одно нравственное тяжкое иго, которое не усилитъ, но ослабитъ еще болѣе и поведетъ къ игу матеріальному. Какъ опасно было положеніе народа идущаго въ ученье къ другому или другимъ народамъ показывалъ примѣръ этихъ народовъ учителей, этихъ образованныхъ народовъ западной Европы: двумя вѣками прежде эти народы совершили свой переходъ изъ одного возраста въ другой, изъ своей древней исторіи въ новую, совершили посредствомъ знакомства съ произведеніями духа древнихъ народовъ — Грековъ и Римлянъ, и въ какое рабское подражаніе впали они относительно своихъ учителей! Древніе языки явились для нихъ не какъ орудіе для достиженія извѣстныхъ цѣлей образованія, но посредствомъ словъ они страстно впивали въ себя всѣ представленія древнихъ; въ разговорахъ христіанъ только и слышались, напримѣръ, имена языческихъ божествъ; о своемъ прошломъ, откуда истекло ихъ настоящее, эти народы забыли, относились къ нему съ ненавистью и презрѣніемъ какъ ко времени невѣжества; сознаніе ихъ до такой степени отуманилось, что они не знали куда дѣвать эту свою древнюю исторію; желая примкнуть непосредственно къ жизни Грековъ и Римлянъ, ведя отъ нихъ свое духовное происхожденіе, они взглянули на свою древнюю исторію какъ на что-то междоумочное, ни то ни се, и выразили это словами: „Средняя Исторія". Но западные Европейцы имѣли однако большія выгоды: они совершили свой переходъ изъ древней исторіи въ новую посредствомъ произведеній древней греко-римской мысли, увлеклись, ударились въ рабское подражаніе; но все же они имѣли дѣло съ книгами, оставшимися отъ умершихъ народовъ, а не съ живыми и сильными народностями; они имѣли дѣло съ цивилизаціей закончившеюся: вобравъ въ себя и переваривъ ея плоды, они могли свободно идти далѣе уже по своему національному пути. Но мы, пришедши къ дѣлу позднѣе, начавши свой переходъ изъ древней исторіи въ новую въ концѣ XVII вѣка, должны были идти въ ученье къ живымъ и сильнымъ народностямъ, которыя для своихъ цѣлей могли воспользоваться нашимъ ученическимъ подчиненіемъ: хорошо было западнымъ народамъ преклоняться предъ Грекомъ и Римляниномъ. Мильтіады и Сципіоны не вставали изъ могилъ, чтобы воспользоваться этимъ преклоненнымъ положеніемъ и дать имъ почувствовать силу своего меча, какъ давали ее чувствовать современникамъ. Притомъ мы должны были имѣть дѣло съ народностями живыми и сильными, которыя, взявъ себѣ предъ нами много времени впередъ, постепенно стремились далѣе по пути развитія, и такимъ образомъ, увлекая насъ постоянно, не давая спустить съ себя глазъ, держа насъ въ постоянномъ раздраженіи, необходимо должны были затруднять наше самостоятельное раз-

витіе, не давать намъ спокойно обращать вниманіе на самихъ себя. Предъ народомъ-богатыремъ дорога, и на ней роковая надпись: здѣсь грозитъ бѣда! одни говорятъ, что лучше остаться другіе утверждаютъ, что необходимо идти. Гдѣ же вождь, что же вождь? Какъ поведетъ онъ народъ свой по опасной дорогѣ?

Въ виду страшныхъ трудностей, вождь призываетъ народъ свой къ небывалому въ исторіи народовъ труду, къ тяжелымъ пожертвованіямъ и лишеніямъ. Но одного призыва мало въ такомъ дѣлѣ и при такой степени развитія, на какой находился народъ нашъ въ описываемое время: тутъ необходимъ самый дѣйствительный способъ внушенія, наученія что дѣлать, способъ наглядный, примѣръ; мало было сказать, что надобно трудиться, надобно было показать примѣръ труда. При каждомъ тяжеломъ дѣлѣ первая мысль въ человѣкѣ, котораго зовутъ къ труду: зоветъ, велитъ, а самъ что? И вотъ зовущій является работникомъ неутомимымъ, первыя слова отъ него къ намъ дошедшія, первое опредѣленіе, имъ самому себѣ сдѣланное, это: „въ работѣ пребывающій". Царь-работникъ, царь съ мозольными руками, вотъ представитель Россіи въ эпоху тяжкаго труда, въ эпоху первоначальной черной работы преобразованія. „Надобно трудиться," говоритъ Петръ своему народу, „надобно проходить трудную школу;" учиться необходимо у иностранцевъ; иностранные учителя, мастера вызываются въ Россію, русскіе люди посылаются за границу учиться; но опасно учиться у иностраннаго учителя, поработитъ онъ русскій умъ своему уму, заставитъ подражать во всемъ себѣ и своему, оставитъ вѣчно въ ученичествѣ. Для воспрепятствованія-то этому и понадобилась эта неутомимая работа, это самостоятельное, дѣятельное, практическое ученье; нельзя было долго смотрѣть изъ рукъ учителей, но сейчасъ же дѣлать самому, не давать укореняться въ себѣ мысли: только учитель можетъ это дѣлать, я не могу, гдѣ мнѣ? Сейчасъ же къ дѣлу; будетъ ошибка, неудача—нѣтъ нужды: вначалѣ это необходимо: безъ ошибокъ и неудачъ выучиться нельзя, только не надобно отчаяваться! Вотъ учебный способъ великаго учителя, который былъ посланъ русскому народу въ тяжелое время преобразованія; только этимъ способомъ можно было дать успѣхъ въ школѣ и предотвратить опасность приниженія ученика предъ учителемъ, русской народности предъ народностью чуждою, ибо только этимъ способомъ въ ученикѣ поддерживалось сознаніе своей самостоятельности и силы. Великій человѣкъ вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ искушеній. Ему внушали, что онъ можетъ имѣть успѣхъ въ борьбѣ съ образцовымъ европейскимъ войскомъ только давъ главное начальство надъ русскимъ войскомъ опытнымъ, искуснымъ иностранцамъ; но онъ смотрѣлъ на войну какъ на школу, хотѣлъ выучить своихъ сражаться и побѣждать,—и выучилъ; въ столкновеніяхъ Меншикова съ наемнымъ фельдмаршаломъ Огильви онъ не выдалъ Меншикова, и Данилычъ отблагодарилъ его за это Калишскою побѣдой. Но величіе человѣка познается не въ успѣхахъ, а въ неудачахъ, въ умѣньѣ выдержать бѣду, не пасть духомъ, выказать всѣ свои силы въ созданіи новыхъ средствъ, остаться вѣрнымъ разъ предположенной цѣли, разъ усвоенному взгляду и правилу, въ умѣньѣ поддержать другихъ словомъ и дѣломъ. Таковъ былъ Петръ въ неудачахъ, таковъ онъ былъ послѣ перваго Азовскаго похода, послѣ Нарвы; тому же училъ и другихъ. Фельдмаршалъ Шереметевъ разбитъ, и Петръ пишетъ ему: „Не извольте о бывшемъ несчастіи печальны быть, понеже всегдашняя удача много людей ввела въ пагубу, но извольте забывать и паче людей ободрять." Правило Петра—заставить проходить своихъ практическую

школу, поручать важнѣйшія должности только Русскимъ, какъ бы ни казались они вначалѣ мало искусны, мало приготовлены, это правило Петра встрѣтило особенно сильное искушеніе на дипломатическомъ поприщѣ. Россія вошла въ общую жизнь европейскихъ народовъ, вошла въ лабиринтъ незнакомыхъ ей прежде отношеній; при дворахъ европейскихъ должны были явиться представители Россіи, чтобы блюсти ея интересы, вести трудную борьбу съ безпрестанно переплетавшимися интересами чуждыми. Петру внушаютъ: нельзя поручить этого Русскимъ, они не приготовлены, не образованы, не знаютъ прошлаго Европы, не знаютъ и настоящихъ отношеній, надобно употребить искусныхъ и свѣдущихъ иностранцевъ. Но Петръ не поддался искушенію: на всѣ важнѣйшіе посты назначалъ русскихъ людей: пусть проходятъ и здѣсь практическую школу; и школа была пройдена быстро и блистательно; образовался рядъ знаменитыхъ дипломатовъ, которые при Петрѣ и послѣ него умѣли заставлять Европу держать русское имя *честно* и *грозно*, по старинному выраженію. Такъ великій человѣкъ былъ оправданъ въ своей непоколебимой вѣрѣ въ народъ свой; только этою вѣрой творились чудеса, совершалось это изумительно быстрое прохожденіе школы, быстрое превращеніе учениковъ въ учителей. Современники указывали на необыкновенный даръ Петра узнавать способнаго человѣка по одному внимательному взгляду въ лицо; но мало было выбрать, нужно было наставить, руководить, поддержать, и этимъ даромъ обладалъ Петръ.

Практичностью школы не ограничивались педагогическіе пріемы великаго воспитателя своего народа. Смыслъ эпохи, которую переживалъ русскій народъ въ силу естественнаго и необходимаго роста, развитія своего, состоялъ въ усиленіи того что мы называемъ гражданственностію, цивилизаціей, а сущность цивилизаціи состоитъ въ раздѣленіи занятій и соединеніи силъ. Человѣкъ, окруженный и вспомоществуемый близкими людьми, связанными съ нимъ кровною связью, доставляетъ самъ себѣ все нужное и живетъ особнякомъ; но эта особная жизнь условливаетъ неразвитость; человѣкъ развивается только въ обществѣ себѣ подобныхъ; чужая мысль, чужое слово, чужое дѣло возбуждаютъ его дѣятельность, и эта дѣятельность, въ свою очередь, возбуждаетъ дѣятельность другихъ. Начинается мѣна духовная и матеріальная; человѣкъ дѣлаетъ какое-нибудь одно дѣло, соотвѣтствующее его способностямъ, произведеніями своего труда удовлетворяетъ извѣстной потребности другихъ, а свои потребности удовлетворяетъ произведеніями чужаго труда, и это раздѣленіе занятій, ведя людей къ зависимости другъ отъ друга, ведетъ ихъ необходимо къ соединенію силъ въ общей дѣятельности; видя, что произведенія его труда составляютъ только малую часть въ общей массѣ необходимыхъ произведеній, человѣкъ привыкаетъ считать и себя только частицей цѣлаго, сознаетъ себя членомъ общества, сознательно подчиняется требованіямъ общества, требованіямъ общаго добра, привыкаетъ волею-неволею сторониться со своими частными интересами предъ этими требованіями: является гражданственность. Легко понять, что гражданственность скорѣе и сильнѣе развивается тамъ гдѣ на небольшихъ пространствахъ сталкивается много людей, которые сейчасъ же должны начать упомянутую мѣну другъ съ другомъ, развивать, воспитывать другъ друга и опредѣлять отношенія другъ къ другу; отсюда гражданственность является скорѣе и развивается сильнѣе у народовъ, у которыхъ на небольшихъ пространствахъ многочисленное народонаселеніе, въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга много боль-

шихъ городовъ, у народовъ которые живутъ, такъ сказать, на большихъ дорогахъ, на морскихъ берегахъ, на берегахъ большихъ рѣкъ, безпрестанно по этому могутъ сообщаться съ другими народами. Развитіе гражданственности замедляется слѣдовательно условіями противоположными: рѣдкимъ населеніемъ на обширныхъ пространствахъ, малочисленностію городовъ, отсутствіемъ большихъ городовъ, господствомъ сельскаго, земледѣльческаго характера, удаленіемъ отъ морей, отъ общенія съ народами цивилизованными, при постоянномъ общеніи съ народами нецивилизованными; гражданственность здѣсь замедляется, ибо разбросанныя части народонаселенія, при дурномъ состояніи путей сообщенія, по неволѣ привыкаютъ къ жизни особной, въ нихъ слабо сознаніе объ общемъ, о своихъ обязанностяхъ къ общему, частный интересъ на первомъ планѣ. Иногда, при великой бѣдѣ, когда затронется высшій интересъ, интересъ религіозный, разбросанныя части великаго народа, несмотря на всѣ препятствія, соединяются; но пройдетъ бѣда, пройдетъ нужда въ чрезвычайномъ напряженіи силъ, и снова начинается жизнь особнякомъ со всѣми ея печальными послѣдствіями; гражданственность замедляется, когда народъ, окруженный хищными сосѣдями, долженъ уходить весь въ тяжелую и постоянную борьбу съ ними, когда начальное раздѣленіе на вооруженныхъ и невооруженныхъ, при бѣдности, земледѣльческомъ, сельскомъ характерѣ государства, ведетъ къ тому что вооруженный смотритъ на невооруженнаго какъ на своего работника, вслѣдствіе чего исчезаетъ правильность общественныхъ отношеній, вооруженный приходитъ къ такому убѣжденію, что всякій трудъ и всякій результатъ труда для него, для его содержанія, для его кормленія, и сознаніе общаго, сознаніе святости и неприкосновенности этого общаго исчезаетъ, исчезаетъ сознаніе о святости и неприкосновенности казны государственной; слабый, невооруженный, при такомъ положеніи дѣлъ, также теряетъ сознаніе общаго, ибо это общее, государство, не въ состояніи давать ему себя чувствовать какъ нѣчто покровительствующее, обезпечивающее; каждый чувствуетъ только отдѣльныя силы и, разумѣется, ищетъ обезпеченія въ покровительствѣ одной изъ этихъ силъ, стремится войти въ частную зависимость. Правительство, стараясь собрать разрозненныя силы и направить ихъ къ общему дѣйствію, и не встрѣчая при этомъ содѣйствія отъ общества, является безсильнымъ, несмотря на всю видимую силу свою.

Несмотря на всѣ препятствія, народъ выросъ, потребовалъ знанія и участія въ общей жизни образованныхъ народовъ; но чтобъ получить среди послѣднихъ почетное мѣсто, нужно было пріобрѣсти силу, силу нравственную, привычки гражданственности; нужно было отвыкать отъ прежней жизни, получить сознаніе объ общемъ и своихъ отношеніяхъ къ нему, нужно было пріучаться къ раздѣленію занятій и соединенію силъ, къ сознательному, твердому и самостоятельному дѣйствію, при которомъ соединеніе силъ только и идетъ въ прокъ. Для этого надобно было проходить особую школу; отзовется ли на это требованіе вождь, поведетъ ли школу гражданственности, явится ли народнымъ воспитателемъ? Онъ вводитъ раздѣленіе труда въ сферѣ государственной: отдѣленіе службы военной отъ гражданской представляетъ основное развитіе, котораго не доставало древней Россіи; вводитъ отдѣленіе управленія отъ суда, вводитъ лучшій распорядокъ въ государственномъ домостроительствѣ учрежденіемъ коллегій, отстраняя старое смѣшеніе приказное. Въ сферѣ народнаго труда распространеніе знанія, искус-

ства, усиленіе промышленности, введеніе новыхъ отраслей ея вело къ сильному развитію, то-есть къ раздѣленію занятій, къ выдѣленію способностей къ тому или другому дѣлу. Раздѣленіе занятій должно было вести къ соединенію силъ. Люди сходятся въ общемъ дѣйствіи: какъ же они отнесутся другъ къ другу? Разумѣется, сначала очень не ловко, косо поглядятъ другъ на друга, пойдутъ враждебныя столкновенія, счеты при самой печальной обстановкѣ, ибо нѣтъ общественности, людскости, уваженія другъ къ другу, уваженія къ человѣку, уваженія къ общему дѣлу. Кто считаетъ себя выше, тотъ не хочетъ видѣть въ низшемъ товарища въ общемъ дѣлѣ, допустить равенство и свободу мнѣнія. Надобно пріучить къ этому товариществу, къ дружному дѣйствію; преобразователь употребляетъ для этого коллегіальное устройство, любимую свою форму, которую стремится ввести всюду. Но мало ввести форму; надобно внести въ эту форму духъ, надобно воспитать людей, выучить ихъ какъ вести себя при новой формѣ; и Петръ не уклоняется отъ тяжелаго дѣла. Онъ постоянно отсутствуетъ изъ столицы, въ постоянномъ движеніи, въ постоянномъ путешествіи; чтобы дѣла не замедлялись отъ этого отсутствія главы государства, Петръ учреждаетъ правительствующій сенатъ съ обширною властію по всѣмъ дѣламъ, его указамъ должно повиноваться какъ указамъ царскимъ. Это высшая коллегія. Съ ней-то преимущественно имѣетъ дѣло царь, въ отношеніи къ ней преимущественно высказывается его воспитательная дѣятельность. Здѣсь-то внушается, что чѣмъ выше значеніе, тѣмъ болѣе отвѣтственности, тѣмъ болѣе требуется труда и вниманія, обдумыванія дѣлъ. Дѣла новыя, дѣла важныя, высшаго царскаго указанія нѣтъ, царь въ отсутствіи, надобно рѣшить, тяжело, а царь, строгъ, взыскателенъ, и вотъ первая мысль какъ бы уклониться отъ участія въ рѣшеніи и вмѣстѣ уклониться отъ отвѣтственности; пусть кто побойчѣе подастъ свое мнѣніе, такъ и рѣшить, всѣ рѣшили, на комъ спрашивать? Царь не допускаетъ такого рода дѣйствій; онъ для того и вводитъ коллегіальное устройство чтобы пріучить къ дѣятельности сообща, съ равнымъ участіемъ, пріучить къ самостоятельной дѣятельности; онъ требуетъ чтобы каждый подавалъ свое мнѣніе и отвѣчалъ за него, чтобы никто не могъ смѣть своего сужденія не имѣть. Рѣшили—славу Богу! можно и отдохнуть: „Нѣтъ, внушаетъ строгій воспитатель, отдыхать нельзя; рѣшеніе не можетъ оставаться только на бумагѣ, надобно немедленно привести его въ исполненіе, не успокоиваться прежде пока дѣло будетъ сдѣлано. Нельзя терять времени, потому что потеря времени смерти невозвратной подобна. Воспитатель долженъ былъ вызвать уваженіе къ мѣсту присутствія коллегіи, пріучать къ серіозному взгляду на веденіе государственнаго дѣла. Школа была тяжела, надобно было начинать съ азбуки. Ничто такъ не омрачало жизни Петру какъ борьба съ противуобщественными привычками, вкоренившимися въ древней Россіи вслѣдствіе розни, отсутствія яснаго сознанія обязанностей къ обществу, отечеству, государству; борьба была тѣмъ тягостнѣе, что эта болѣзнь не поддается однимъ внѣшнимъ средствамъ, которыми можетъ располагать глава государства, требуетъ средствъ внутреннихъ, дѣйствующихъ чрезвычайно медленно. Но Петръ не ослабѣвалъ въ борьбѣ. Славнаго побѣдителя враговъ внѣшнихъ, счастливаго сокрушителя внутреннихъ враговъ, возставшихъ противъ государства прямо съ оружіемъ въ рукахъ, осаждали вопіющія жалобы на страшныя злоупотребленія людей сильныхъ, начиная съ людей самыхъ близкихъ къ нему, сотрудниковъ даровитыхъ, которыхъ онъ привыкъ любить и ува-

жать, и которыхъ принужденъ былъ перестать любить и уважать, жалобы на страшное взяточничество, казнокрадство и насилія вездѣ гдѣ только сильные сталкивались съ слабыми. Цѣня такъ высоко значеніе торговаго и промышленнаго труда, стремясь поднять значеніе города, чтобъ уничтожить односторонность земледѣльческаго характера государства, Петръ прежде всего хотѣлъ уничтожить столь громкія въ древней Россіи жалобы на притѣсненія промышленныхъ людей воеводами и приказными людьми, онъ далъ промышленнымъ людямъ свой судъ и самоуправленіе; но, вслѣдствіе непривычки къ общему дѣлу, вслѣдствіе розни, невыработанности слабымъ обществомъ сдержекъ для всякой силы, выборные самими горожанами правители и судьи явились злоупотребителями своей власти, сильные, богатые притѣсняли менѣе богатыхъ. Такъ было и повсюду. Виновные несли головы на плахи, шли въ ссылки; въ указахъ своихъ царь гремѣлъ противъ нарушенія законовъ сильными, противъ неуваженія къ общему интересу, выставляя здѣсь измѣну и болѣе чѣмъ измѣну, ибо такими злоупотребленіями незамѣтно подламываются основы государства, и оно приближается къ паденію. Но одними внушеніями и наказаніями Петръ не ограничивался; его величіе выразилось въ томъ, что препятствія не утомили его, не заставили его отказаться отъ тѣхъ средствъ, которыя онъ призналъ необходимыми для народнаго воспитанія: онъ остался вѣренъ коллегіальному началу, и на помощь ему призвалъ еще другое начало, выборное, имъ также старался истребить народную спячку, неряшество въ общемъ дѣлѣ, имъ старался заставить русскаго человѣка думать, внимательно смотрѣть на человѣка-согражданина, взвѣшивать его способности и недостатки, пригодность къ общему дѣлу, и старался заставить подавать голосъ осторожно, ибо отъ этой подачи зависѣло общее и частное добро, заставить русскаго человѣка создавать общественное мнѣніе, создавать другимъ имя, славу и дѣлать это осмотрительно, зная что другіе создаютъ ему это имя, эту славу. Петръ учредилъ выборы въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, въ военной и гражданской службѣ; люди правительственные, начиная съ президентовъ коллегій, назначались по выборамъ; Петръ самъ присутствовалъ на выборахъ значительнѣйшихъ правительственныхъ лицъ, наблюдая за правильностію выборовъ, за ихъ безпристрастіемъ.

Такъ Преобразователь сознавалъ свою обязанность народнаго воспитателя, имѣя постоянно въ виду возбужденіе самостоятельной, сознательной дѣятельности, имѣя въ виду то, чтобы благословеніе Божіе, по его словамъ, въ тунѣ не пропадало, начиная отъ человѣка. Человѣкъ, благословенный отъ Бога способностями, былъ отысканъ, и данъ ему трудъ и значеніе по способностямъ, дано ему воспитаніе, главною цѣлію котораго было сдѣлать изъ него гражданина; внушалось: если хочешь заслужить милость царя, говори всегда правду, не бойся сказать что-нибудь непріятное, только чтобы была правда. Среди сильнаго движенія, произведеннаго переходомъ народа съ одного историческаго пути на другой, люди съ природою наиболѣе возбужденною поняли въ чемъ дѣло, въ чемъ наиболѣе нуждается Россія, подали свои голоса, свои мнѣнія о томъ какъ лучше дѣлать дѣло; эти мнѣнія были выслушаны человѣкомъ, одареннымъ самою чуткою внимательностью къ тому чтобы Божіе благословеніе втунѣ не пропадало, мнѣнія были выслушаны, разобраны, и люди ихъ высказавшіе должны были перевести мысли въ дѣло. Народъ чувствовалъ необходимость знанія; великій человѣкъ долженъ былъ указать ему средства къ его пріобрѣтенію; молодые люди были отправлены учиться за границу, въ Россіи

заведены школы по разнымъ необходимымъ спеціальностямъ, школы латинскія, нѣмецкія, математическія, инженерныя, навигаторскія, медицинскія; но для школы нужна была книга, книга была нужна и для тѣхъ, которые уже опоздали въ школу, но хотѣли учиться, книга русская, и одна изъ главныхъ заботъ Преобразователя была объ изданіи, о переводѣ книгъ, о томъ какъ переводить, на какой языкъ; онъ указалъ что живой народный языкъ, считавшійся до сихъ поръ языкомъ подлымъ, недостойнымъ книги, долженъ быть языкомъ литературнымъ, что при невозможности избѣгнуть иностранныхъ словъ, вслѣдствіе вторженія множества новыхъ понятій, необходимо сохранять въ чистотѣ народный строй русской рѣчи, не переводить для этого только подстрочно, но передавать смыслъ въ свободной русской рѣчи. Правильный переводъ, хорошее изданіе книги озабочивали Петра среди самыхъ важныхъ дѣлъ, наканунѣ рѣшительныхъ событій. Онъ предостерегалъ русскихъ людей отъ рабскаго подражанія въ дѣлѣ заимствованія науки изъ чужихъ рукъ, училъ самостоятельности учениковъ, указывая на недостатки учителей, запрещалъ при переводѣ нѣмецкихъ книгъ переводить вещи постороннія, не идущія къ дѣлу, „которыя только время тратятъ и у чтущихъ охоту отбиваютъ, понеже Нѣмцы обыкли многими разказами негодными книги свои наполнять для того чтобы велики казались.“ Но познанія о своемъ настоящемъ и прошломъ нельзя было пріобрѣсти изъ переводныхъ книгъ, и Петръ полагаетъ начало трудному дѣлу составленія русской исторіи и географіи. Собраніемъ историческихъ источниковъ и черченіемъ картъ географическихъ дѣло неограничивается; Петръ указываетъ русскому человѣку на родную страну, какъ на живую книгу; будитъ русскаго человѣка и заставляетъ его обратить вниманіе на окружающее: тутъ много вещей полезныхъ, много Божія благословенія, трудись, ищи — вотъ чего нужно искать; вотъ какую пользу можно изъ этого извлечь. Знали прежде пользу чего-нибудь, но не умѣли извлечь всѣхъ выгодъ, не умѣли обрабатывать какъ слѣдуетъ; вотъ какъ слѣдуетъ обрабатывать, вотъ учителя которые вамъ это покажутъ; нѣкоторые начали, другіе смотрите какъ увеличилась цѣнность предмета чрезъ лучшую обработку: вы берете дешевле при старомъ способѣ обработки, а другіе при новомъ берутъ гораздо дороже. Трудно начать новыя производства, заводить фабрики, нѣтъ умѣнья, искусства, нѣтъ денегъ. Царь учреждаетъ казенные фабрики и заводы, но не съ тѣмъ чтобъ оставить ихъ въ казнѣ; это былъ только починъ наставника въ трудѣ. Сенатъ долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы казенные фабрики и заводы переходили въ частныя руки, въ руки отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ компаній, и этой передачѣ обязаны своимъ началомъ нѣкоторыя громадныя состоянія. Успѣхи торговли и мануфактурной промышленности радовали сердце великаго работника; въ спискѣ значительныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ начавшихъ новое дѣло въ Россіи онъ встрѣчалъ почти все русскія имена; корабли Бажениновыхъ и Барсукова посѣщали иностранныя гавани. Посредствомъ канала водный путь соединилъ Европу и Азію, Балтійское и Каспійское моря. Бѣднѣйшее государство не могло разбогатѣть вдругъ въ какія-нибудь 25 лѣтъ, среди огромныхъ издержекъ на внутреннія учрежденія и тяжелую продолжительную войну, среди страшныхъ лишеній и пожертвованій, къ которымъ призвалъ Петръ народъ свой, подавая самъ первый примѣръ; главное препятствіе развитію,—малочисленность народонаселенія, разбросаннаго на громадныхъ пространствахъ,—не могло вдругъ исчезнуть; но главное было сдѣлано,

отстранена вредная односторонность въ характерѣ государства, государства земледѣльческаго, поднять городъ, который по извѣстному закону, своимъ развитіемъ долженъ былъ освободить село. Крестьянскій вопросъ, рѣшенный въ древней Россіи закрѣпленіемъ, поднимается вмѣстѣ съ новою Россіей и требуетъ иного рѣшенія. Петръ связываетъ интересы сословій, порозненныхъ крестьянскимъ закрѣпленіемъ, и учреждая майоратъ для землевладѣльцевъ, указываетъ пользу его для земледѣльцевъ; расширяя умственную сферу русскаго народа, вводя его въ общую жизнь съ другими христіанскими народами, онъ также указываетъ ему что относительно крестьянъ существуютъ въ Россіи такія явленія какихъ во всемъ свѣтѣ не водится, и требуетъ ихъ уничтоженія. Вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ сталъ твердо, къ нему должны были подходить съ разныхъ сторонъ, приближаться къ его рѣшенію въ смыслѣ новой русской жизни, и мы, видѣвшіе конецъ, должны почтить начало.

Но было еще явленіе, какого не водилось въ томъ свѣтѣ въ которомъ долженъ быть жить теперь русскій народъ. Когда не безопасно на улицѣ, слабыхъ— женщинъ, дѣтей — не выпускаютъ изъ дому; въ древней Россіи, вслѣдствіе грубости нравовъ, вслѣдствіе физической и нравственной небезопасности, въ достаточныхъ семействахъ женщину, и особенно дѣвушку, запрятали въ теремъ; женщина теряла человѣческое достоинство, превращалась въ заповѣдный товаръ, которымъ другіе располагали, торговали. Браки устраивались безъ вѣдома жениха и невѣсты, безъ знакомства между ними. Въ концѣ XVII вѣка церковь протестовала противъ этого явленія, указывая на его печальныя послѣдствія; но протестъ остался протестомъ, какъ много другихъ протестовъ поданныхъ обществомъ, сознавшимъ необходимость выйти изъ прежняго положенія и ждавшимъ человѣка силы, который бы вывелъ его на новую дорогу. Петръ вывелъ русскую женщину изъ терема, далъ мущинѣ, по писанію, „помощь достойную,“ очистилъ бракъ отъ значенія торговой сдѣлки, положилъ шестинедѣльный срокъ для знакомства жениха и невѣсты, послѣ чего они могли отказываться отъ брака; родители и господа должны были присягать что не принуждаютъ къ браку — первые дѣтей своихъ, а вторые — своихъ слугъ. Петръ вооружался противъ явленій какихъ во всемъ свѣтѣ не водилось; но какъ знать русскому человѣку что водится и чего не водится на свѣтѣ? Путешествіе? Книги? Но путешествіе не для всѣхъ возможно. Книга говоритъ о томъ что было и что, быть-можетъ, уже исчезло; какъ же дополнить книгу, какое средство дать человѣку возможность слѣдить за всѣмъ что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, сдѣлать его внимательнымъ участникомъ жизни всѣхъ странъ, всѣхъ народовъ. У западныхъ европейскихъ народовъ было такое средство — вѣдомости или газеты. Это средство было извѣстно въ послѣднее время и въ древней Россіи; въ Москвѣ дѣлали выписки изъ иностранныхъ газетъ; но эти выписки дѣлались только для царя и небольшой части близкихъ людей, оставаясь государственною тайной: Петръ велѣлъ для всего народа печатать вѣдомости о дѣлахъ достойныхъ знанія и памяти, случившихся какъ въ Россіи, такъ и въ чужихъ странахъ. Въ древней Россіи, за послѣднее время, для царя и приближенныхъ къ нему людей было заимствовано изъ западной Европы средство „знать правду о человѣкѣ и жизни его,“ театральныя представленія: Петръ завелъ театръ для всего народа.

Таковы были средства Петра для воспитанія русскаго народа. Но въ какихъ же отношеніяхъ воспитатель народа находился къ церкви, охранительницѣ нравствен-

ности народа, его матери и воспитательницѣ? Самый страшный вопль раздававшійся въ русскомъ обществѣ въ концѣ его древней исторіи, былъ вопль о томъ что духовенство было не въ уровень своему положенію въ отношеніи къ нравственности и знанію. Монастыри перестали быть училищами нравственности; духовные отцы стали ниже дѣтей своихъ духовныхъ въ дѣлѣ вѣроученія. Раскольникъ вопилъ что духовенство измѣнило древнему благочестію, впало въ ереси, и увеличивалось число послѣдователей раскола отсутствіемъ должнаго нравственнаго противудѣйствія; иностранцы смѣялись надъ невѣжествомъ духовенства; православные русскіе, познакомившіеся съ наукой, видѣли себя въ тяжелой необходимости соглашаться съ иностранцами. Исторія западной Европы показывала всю опасность такого положенія дѣлъ для церкви: и тамъ переходъ народовъ въ новую исторію, въ возрастъ гдѣ преобладаетъ умственное развитіе, начался при такихъ же условіяхъ, при упадкѣ нравственности въ монастыряхъ, при упадкѣ образованія въ духовенствѣ, что высказалось особенно рѣзко при поднятіи образованія между мірянами. Невнимательность духовенства къ своему опасному положенію на западѣ произвела то что реформаціонное движеніе пошло бурно, быстро перейдены были границы законныхъ требованій, быстро пошло общество покатымъ путемъ отрицанія, разрушенія, монастыри исчезли. Латинская церковь спохватилась, но поздно, когда уже половина Европы отторглась отъ нея; чтобъ удержать остальную, устремились овладѣть наукою, школою, и въ этомъ стремленіи показали ясно въ чемъ состояла ошибка предшественниковъ. Въ Россіи Петръ поспѣшилъ на помощь церкви, потребовавъ отъ духовенства чтобъ оно какъ можно скорѣе овладѣло необходимою въ его положеніи силой, образованіемъ; онъ далъ для этого средства, вызвавъ на архіерейскія каѳедры ученыхъ малорусскихъ монаховъ; монастыри не были уничтожены, но монахи получили назначеніе — одни доставлять изъ среды себя ученыхъ правителей церковныхъ, другіе служить страждущему человѣчеству; отъ бѣлаго духовенства потребовали также образованія, и приложены заботы объ улучшеніи матеріальнаго быта людей обязанныхъ семействомъ. Дѣло завершено учрежденіемъ коллегіальнаго, синодальнаго управленія церкви, ибо, повѣстилъ Петръ, „коллегіальное правленіе способнѣе для изслѣдованія истины чѣмъ единоличное, и коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію.“

Всѣ эти дѣла были совершены во время тяжкой, слишкомъ двадцатилѣтней войны. Петръ смотрѣлъ и на войну какъ на школу, и безошибочно распредѣлялъ курсъ который должно было проходить его новоучрежденное постоянное войско: сначала терпѣть неудачи, потомъ одолѣвать непріятеля превосходными силами, далѣе равными и наконецъ меньшими. Отъ Нарвы до Полтавы на сухомъ пути и до Гангуда на морѣ проходилась тяжелая школа. Побѣдитель-ученикъ провозгласилъ здоровье побѣжденныхъ учителей, и когда Ништадтскій миръ далъ Россіи морской берегъ на протяженіи о какомъ самъ знаменитый шкиперъ сначала не мечталъ, новый адмиралъ отъ Краснаго флага, получивъ этотъ чинъ за окончаніе войны, провозгласилъ что школа съ тройнымъ курсомъ, каждый въ семь лѣтъ, кончилась какъ нельзя лучше. Но эта школа, кромѣ спеціальнаго военнаго значенія, имѣла еще другое воспитательное для народа значеніе. Великая Сѣверная война была предпринята съ чисто гражданскими цѣлями; она естественно и необходимо входила въ планъ преобразованія, потому что безъ моря нельзя было совершить экономическаго переворота необходимаго для новой жизни Россіи.

Война съ непріятелемъ, страшнымъ по своему искусству, требовала чрезвычайныхъ пожертвованій отъ народа, чрезвычайнаго напряженія его силъ, но это напряженіе какъ нельзя болѣе способствовало быстрому выходу Россіи на новую дорогу при такомъ вождѣ каковъ былъ Петръ. Трудъ и опасность держатъ человѣка въ бодрствующемъ состояніи, а это то и было нужно. Знамя народности высоко развѣвается во время трудной и опасной войны, когда сильный врагъ входитъ въ предѣлы родной страны, а это то и было нужно когда народъ долженъ былъ пойти въ ученье къ живымъ и сильнымъ народамъ, когда долженъ былъ признать ихъ превосходство надъ собою, что вело къ приниженію народнаго духа съ одной стороны, или съ другой къ упорству въ устраненіи всего чужого, упорству осуждавшему на неподвижность. Борьба съ однимъ изъ тѣхъ народовъ у которыхъ надобно было учиться, борьба становившаяся все успѣшнѣе и успѣшнѣе, и наконецъ ознаменовавшаяся „преславною викторіей," пораженіемъ непобѣдимаго короля, сокрушеніемъ могущества державы господствовавшей на сѣверѣ, изъ за кокоторой Россіи было не видать, — такая борьба не допускала приниженія народнаго духа, давала русскому человѣку легко и свободно проходить тяжкую школу, которая безъ того была бы уже слишкомъ тяжка, ибо близко граничила бы съ рабствомъ. Успѣшная борьба напрягала силы и поднимала духъ народный, давала возможность учиться легко, свободно, не принижаться предъ учителями, и въ то же время заставляла учиться, ибо только ученьемъ, неутомимымъ ученьемъ добывался успѣхъ надъ учителями, добывалось это свободное отношеніе къ нимъ. По праву неоспоримому, въ награду за великій трудъ, неслыханный подвигъ, заняла Россія одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ Европѣ, наполненной славою великаго императора. Въ христіанской Европѣ явилась другая имперія. Въ западной Европѣ думали что русскій царь, какъ покорный ученикъ, будетъ рабствовать ея преданіямъ, приметъ титулъ восточнаго римскаго императора; но Петръ поднимался высоко надъ этимъ рабствомъ предъ отжившими ветхостями; онъ совершилъ свое дѣло съ Россіей и для Россіи, и не отстранилъ русскаго имени отъ своего имени, отъ имени своихъ преемниковъ; онъ принялъ титулъ императора всероссійскаго, указавъ западной Европѣ примѣръ освобожденія, во имя народности, отъ лишенныхъ смысла преданій.

Съ тѣмъ расширеніемъ сферы которое должно было произойти для русскихъ людей вслѣдствіе вступленія въ общую европейскую жизнь, должны были уяснитъся, опредѣлиться русскіе интересы. Послѣ Полтавы и Ништадтскаго мира европейская земля собралась, ибо до тѣхъ поръ восточная часть Европы не участвовала въ общей жизни. До тѣхъ поръ европейская исторія была ведена двумя племенами — Романскимъ и Германскимъ; теперь третье, Славянское, получаетъ рѣшительное значеніе. Но въ то время какъ Россія, усилившись, дѣлается представительницей славянскаго племени, другое обширное и нѣкогда сильное, ближайшее къ западу, славянское государство, Польша, обнаруживаетъ признаки разложенія, и надъ трупомъ уже собираются орлы. Саксонскій курфирстъ Августъ, ставъ королемъ Польскимъ, стремится подчинить Польшу навсегда своей династіи и своей народности. Но Петръ не считалъ этихъ стремленій своего прежняго союзника и друга согласными съ русскими интересами; Поляки, угнетаемые саксонскими войсками, просятъ у него помощи, и благодаря его могущественному посредничеству, саксонскія войска очищаютъ Польшу. Но вслѣдъ за тѣмъ новыя

жалобы изъ Польши; русскіе православные требуютъ помощи новаго императора Всероссійскаго противъ католическихъ притѣсненій. Сенатъ и синодъ въ совмѣстномъ засѣданіи разсуждаютъ о средствахъ какъ помочь своимъ; Петръ объявляетъ что надобно принять мѣры рѣшительныя, опытъ показалъ что дипломатическими представленіями ничего нельзя сдѣлать, и онъ посылаетъ коммиссара въ Польшу для защиты русскихъ. Коммиссаръ Рудаковскій дѣйствительно отправился и, несмотря на вопли Поляковъ противъ такого неслыханнаго явленія, началъ отбирать назадъ церкви отнятыя у православныхъ. Протестанты, терпя также гоненіе въ Польшѣ, обращаются за помощью къ Русскому императору; диссидентскій вопросъ обозначился ясно. Ясно обозначился и вопросъ славянскій въ тѣсной связи съ восточнымъ. Первая попытка общаго славянскаго дѣйствія въ 1711 году не удалась; но мы знаемъ что величіе Петра состояло именно въ томъ, чтобы не бросать дѣла отъ неудачи, и какъ не бросилъ онъ дѣла послѣ первой неудачной осады Азова, послѣ Нарвы, такъ усилилъ свое сочувствіе, свою связь со Славянами послѣ Прутскаго похода, неудача котораго и произошла отъ того что Петръ поспѣшилъ на зовъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, не желая поставить ихъ въ трудное, бѣдственное положеніе. Сочувствіе высказалось самымъ разительнымъ образомъ: наука только что принималась въ Россіи, недостатокъ въ учителяхъ былъ страшный; но когда Сербы обратились къ Петру съ просьбой прислать къ нимъ учителей, просвѣтить ихъ также какъ онъ просвѣтилъ свой народъ, то учителя были немедленно отправлены съ большимъ по тому времени содержаніемъ: подѣлились со своими послѣднимъ кускомъ научнаго хлѣба.

Можно ли было въ краткомъ очеркѣ обозначить дѣятельность, небывалую въ исторіи человѣчества? Нужно было обозначить не дѣятельность какого-нибудь завоевателя быстро покорявшаго громадныя, но дряхлыя государства и основавшаго громадную, но эфемерную имперію. Нужно было обозначить дѣятельность человѣка который прибавилъ въ исторію цѣлый великій народъ, цѣлое великое племя, дѣятельность человѣка который имѣлъ полное право сказать что не жалѣлъ ничего для своего народа, который сильною рукой помогъ своему народу совершить переходъ необходимый, но страшно трудный, какого ниодинъ народъ не совершалъ при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ; дѣятельность человѣка, которая ознаменована и блестящими подвигами воинскими; но эти подвиги были результатомъ подвиговъ гражданскихъ, небывалаго гражданскаго мужества, небывалаго гражданскаго труда, результатами яснаго сознанія, которымъ обладалъ народный вождь, сознанія обязанности народнаго воспитателя. Въ учрежденіяхъ, въ законахъ, въ направленіи народнаго труда, въ школѣ, въ книгѣ, газетѣ, зрѣлищѣ и въ войнѣ кровавой проводится постоянно одинъ зрѣлый, ясный планъ, планъ воспитанія народа въ гражданствѣ. Современники назвали Петра Отцомъ Отечества; потомство отдаленное, воспользовавшись средствами пріобрѣтенными вслѣдствіе дѣятельности Петра, средствами научными, послѣ сильныхъ прекословій необходимыхъ при рѣшеніи такого важнаго вопроса, потомство подтверждаетъ названіе Отца Отечества, признавая въ великомъ человѣкѣ воспитателя народнаго. Потомство празднуетъ двухсотлѣтіе дня рожденія великаго человѣка, и этотъ праздникъ есть праздникъ труда. Указаніемъ на многообразныя произведенія труда человѣческаго, указаніемъ на то что дѣлаетъ наука для усиленія труда хотѣли мы справить поминки по Петрѣ Великомъ въ нашей старой Москвѣ, обновленной, благодаря Пе-

тру, наукой и усиленіемъ народнаго труда. Въ Кремлѣ и около него, подъ умолкнувшими бойницами древней защиты, выставились произведенія труда, представляющія и болѣе надежныя средства матеріальной защиты, и средства крѣпости, защиты нравственной отрезвленіемъ мысли и чувства. Преемникъ Петра на престолѣ царей Русскихъ благословилъ наше дѣло, и царскій Братъ, потрудившійся въ совѣтѣ освобожденія труда земледѣльческаго, предсѣдитъ на нашемъ праздникѣ труда народнаго, на нашихъ поминкахъ величайшему трудолюбцу русской земли. Мы ждемъ на свой праздникъ своего Царя, предпосылая благословеніе благословившему трудъ нашъ, предпосылая благословеніе Грядущему во имя блага народнаго.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
1	9	сильнѣ	сильнѣе
1	21	трудъ его	трудъ его,
4	1	и своей	о своей
4	3	сами изъ себя	сама изъ себя
13	2	переманимаютъ	переманиваютъ
18	22	Кельвинъ	Кальвинъ
20	7	только что распорядилась	только что распорядились
24	46	внушеніями,	внушеніями:
25	24	выразилось	выразилась
27	1	особый путь	новый путь
—	31	назычаютъ	называютъ
31	22	приближалися	приближался
—	26	Софьею	Софью
—	29	Софію	Софьею
32	32	початнаго	почетнаго
33	1	встрѣтилъ	встрѣтитъ
—	4	чрезвычайнео	чрезвычайное
—	35	дѣлать	дѣлить
39	28	послушавшагося	наслушавшагося
45	7	карованъ	караванъ
57	5	отталкивающей	отталкивающій
—	42	нападетъ	нападать
61	22	обратилъ	обращалъ
65	1	о его	о ея
—	2	его	ею
71	31	чтобъ воспрепятствовать этому способу, плапу.	чтобъ воспрепятствовать исполненію этого плана
72	16	непрістелемъ	непріятелемъ
—	34	далъ сей	далъ ей
75	26	подраздѣлявшимися	подраздѣлявшихся
—	39	присхожденіи	происхожденіи
81	3	науке	науки
86	34	не принимать	принимать
93	8	чевовѣкъ	человѣкъ
—	31	момощь	помощь
95	25	католическимъ	католическомъ
97	8	рѣшался	рѣшился
98	39	здуавствуетъ	здравствуетъ
99	37	отъ тѣхъ	отъ этихъ

